

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ.

1860.

МАРТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

Стр.

Отдѣлъ I. Высочайшія повелѣнія. 5.

- I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ течение января 1860 г.
- II. Высочайшіе именныя указы, данныя Правительствующему Сенату.
- III. Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта.
- А., По дѣламъ гражданскимъ.
- В., По дѣлу административному.

Отдѣлъ II. Личный составъ. 27.

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

II. Часть неофициальная.

X Отдѣлъ I. О владѣніи, какъ условіи перехода права собственности по Русскому праву (*Окончаніе*)
 А. Пестржецкаго. 3.

О современномъ состояніи межеванія земель въ Россіи. II. Б—ва. 55.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

1860.

ТОМЪ III.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 18 февраля 1860 г.

Ценсоръ *Обертъ.*

I.

ЧАСТЬ ОФФИЦИАЛЬНАЯ.

СНГ

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

I. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ, ОБНАРОДОВАНЫЯ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ЯНВАРЯ 1860 ГОДА.

1) *О полупроцентномъ сборѣ съ актовъ торговаго товарищества.*

23-го ноября 1859-го года Высочайше утверждено и 7-го января 1860-го года обнародовано мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено: «при явкѣ актовъ на составленіе торговаго товарищества, писанныхъ на извѣстную сумму, безъ означенія въ нихъ ежегодныхъ платежей, взимается полупроцентный въ пользу городскихъ доходовъ сборъ съ суммы, въ которую актъ написанъ, а не съ десятигилтней сложности оной».

2) *О постановленіяхъ, коими должно руководствоваться при разрѣшеніи корчелныхъ дѣлъ.*

19-го октября 1859-го г. Высочайше утверждено и 25-го января 1860-го г. обнародовано мнѣніе Государственнаго Со-

вѣта по вопросу: какими постановленіями должно руководствоваться при разрѣшеніи корчемныхъ дѣлъ, правилами ли уложенія о наказаніяхъ угол. и исправ., или же § 188 Высочайше утвержденнаго 23-го ноября 1849-го г. положенія объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина. Мнѣніемъ этимъ предоставлено 2-му отдѣленію 5-го департамента опредѣленіе его по настоящему предмету привести въ исполненіе.

По справкѣ оказалось: 1) что уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 15 августа 1845 г., полагая наказаніе за противузаконный провозъ напитковъ, подлежащихъ акцизу, изъ губерній, состоящихъ на особыхъ правахъ, въ губерніи великороссійскія, дѣлаетъ различіе смотря по цѣли провоза, и тѣхъ, кои окажутся виновными въ провозѣ оныхъ для продажи, сверхъ денежнаго штрафа, присуждаетъ еще къ личному наказанію по 4 степ. 35 ст. (711 ст. улож. и 731 ст. 1 ч. XV т. изд. 1857 г.), а виновныхъ въ провозѣ таковыхъ напитковъ не для продажи, подвергаетъ лишь одному денежному взысканію, втрое противъ продажной тѣхъ напитковъ, откупными условіями опредѣленной цѣны (714 ст. улож. и 735 ст. 1 ч. XV т. св. зак. изд. 1857 г.), по Высочайше утвержденнымъ 23 ноября 1849 г. положеніемъ объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина для 16-ти губерній (полн. собр. зак. т. XXIV №. 23668) за всякій, безъ различія, провозъ корчемнаго вина, сверхъ денежнаго взысканія, опредѣляется личное наказаніе по примѣненію къ 711 ст. улож. (§ 188 положенія). Въ слѣдствіе сего при разрѣшеніи корчемныхъ дѣлъ въ поименованныхъ въ означенномъ положеніи губерніяхъ, возникли недоумѣнія о томъ, чѣмъ надлежитъ руководствоваться: статьями ли уложенія, или § 188 приведеннаго выше положенія, и обстоятельство это представлено на разрѣшеніе Правительствующаго Сѣната, изъ дѣлъ коего видно: 1-е, что доходившія до разсмотрѣнія 2-го отдѣленія 5-го департамента дѣла о провозѣ вина для продажи разрѣшались на основаніи 188 § положенія объ акцизѣ и 711 ст. ул. о нак.,

а дѣла о провозѣ вина для собственнаго употребленія—на основ. 714 ст. улож. и 2-е, что 1-й департаментъ Сената, въ которомъ возникло дѣло о взысканіи съ корчемниковъ, предписывалъ подчиненнымъ мѣстамъ при разрѣшеніи дѣлъ о провозѣ корчемнаго вина для собственнаго употребленія руководствоваться въ точности вышеприведеннымъ 188 § положенія объ акцизѣ, а не 714 ст. улож. По соображеніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, 2-е отдѣленіе 5-го департамента Сената, имѣя съ одной стороны въ виду таковое распоряженіе 1-го департамента, а съ другой, что по изданіи помянутаго временнаго положенія объ акцизѣ, ст. 714 улож. осталась доселѣ ни въ чемъ не измѣненною и что независимо отъ сего, примѣчаніемъ къ 774 ст. улож. о наказ. (ст. 793 XV т. изд. 1857 г.), постановлено, что при составленіи на будущее время новыхъ откупныхъ условій, общимъ основаніемъ оныхъ, въ отношеніи наказаній по питейному сбору и акцизу, должны служить положенія гл. VI разд. III улож. 15 августа 1845 г., впрочемъ съ надлежащимъ, по усмотрѣнію правительства, возвышеніемъ или уменьшеніемъ предположенныхъ въ ней денежныхъ взысканій и назначеніемъ употребленія оныхъ,—полагало: что при существованіи такового закона, слѣдуетъ, при разрѣшеніи дѣлъ о виновныхъ въ провозѣ корчемнаго вина для собственнаго употребленія, руководствоваться буквальнымъ смысломъ означенной 735 ст. и примѣчаніемъ къ 793 ст. улож. Но какъ съ таковымъ предположеніемъ соединена отмѣна означеннаго распоряженія 1-го департамента Сената, то, согласно 238 ст. т. I учр. Сената, представить о семъ на Высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе установленнымъ порядкомъ.

3) *О составѣ смѣшанныхъ военно-судныхъ комиссій.*

7-го декабря 1859-го г. Высочайше утверждено и 26-го января 1860-го г. обнародовано мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ, въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей

свода законовъ, постановлено: «смѣшанныя или сложныя военно-судныя комиссіи, исключая особые случаи, въ законѣ указаные, составляются не менѣе какъ изъ трехъ членовъ, изъ коихъ старшій въ чинѣ занимаетъ мѣсто презуса».

4) *Объ иностранкахъ, вышедшихъ замужъ за русскіихъ подданныхъ.*

14-го декабря 1859-го г. Высочайше утверждено и 29-го января 1860-го г. обнародовано мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ, въ поясненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено: «иностранки, вышедшія въ замужество за русскіихъ подданныхъ, тѣмъ самымъ уже и безъ принятія присяги вступаютъ въ русское подданство, но по смерти мужей могутъ, если пожелаютъ, возвращаться въ прежнее подданство, порядкомъ, предписаннымъ въ ст. 1554 зак. о сост. (св. зак. т. IX изд. 1857 г.), не обязываясь притомъ къ уплатѣ упоминаемой въ той статьѣ трехлѣтней подати».

II. Высочайшіе именныя указы, данныя правительствующему сенату.

1) *О дозволеніи Графу Дмитрію Толстому и сестрамъ его обратить принадлежащее имъ родовое имѣніе въ заповѣдное.*

«Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Графа Дмитрія Толстаго и сестеръ его, графинь: Анны, Маріи, Анастасіи, Варвары и Екатерины Толстыхъ, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее имъ родовое имѣніе обратить въ заповѣдное по общимъ правиламъ о заповѣдныхъ, наследственныхъ имѣніяхъ, въ сводѣ законовъ изложеннымъ, и на слѣдующихъ основаніяхъ, отъ графа и графинь

Толстыхъ представленныхъ: 1) въ составъ означеннаго заповѣднаго имѣнія обращается все нынѣ состоящее во владѣніи графа Дмитрія и графинь: Анны, Маріи, Анастасіи, Варвары и Екатерины Николаевыхъ Толстыхъ родовое имѣніе, а именно: Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда, село Знаменское, Толстые тожъ, при коемъ состоитъ земли 1951 дес. удобной и 8 дес. неудобной, со всѣми угодьями, хозяйственными устройствами, строеніями, мельницею, находящеюся при городѣ Данковѣ, и со всѣми экономическими заведеніями; въ селѣ семь по 9 ревизіи числится крестьянъ мужскаго пола 347; 2) съ владѣніемъ заповѣднаго имѣнія соединяется владѣніе движимымъ имуществомъ, въ имѣніи находящимся, и семейными актами; 3) упомянутое имѣніе поступаетъ, въ общемъ его составѣ, во владѣніе графа Дмитрія Николаева Толстаго. Въ случаѣ оставленія имъ дѣтей, старшій изъ нихъ наследуетъ заповѣднымъ имѣніемъ, съ обязанностію, при жизни тетокъ, учредительницъ сего заповѣднаго имѣнія, уплачивать имъ изъ доходовъ онаго сумму, равняющуюся тому доходу, который онѣ получили бы при раздѣлѣ имѣнія, а прочимъ дѣтямъ графа Толстаго выдѣляется доходъ по общимъ правиламъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, послѣ кончины тетокъ. Если послѣ графа Дмитрія Николаева Толстаго дѣтей не останется, то имѣніе это переходитъ, по смерти его, также нераздѣльно, во владѣніе старшей изъ родныхъ сестеръ его, а по смерти ея переходитъ, на томъ же основаніи, отъ одной къ другой, по порядку первородства, до смерти, послѣдней, послѣ чего оно поступаетъ, во всемъ его составѣ, къ двоюродному племяннику учредителей, дѣйствительному статскому совѣтнику, въ званіи камергера, графу Дмитрію Андрееву Толстому, а по немъ къ его потомкамъ, на точномъ основаніи св. зак. 1857 года т. X час. 1-й зак. граж. ст. 1198 и слѣд.; 4) когда пресѣчется мужское поколѣніе послѣдняго владѣльца, заповѣдное имѣніе поступаетъ въ женское его поколѣніе; но въ семь случаѣ каждое изъ лицъ мужскаго пола, къ женскому поколѣнію принадлежащихъ, вступающее во вла-

дѣніе имѣніемъ, принимаетъ титулъ, прозваніе и гербъ учредителей, а каждое лицо женскаго пола сообщаетъ оныя мужу въ замѣнъ ему принадлежащихъ, съ испрошеніемъ на то особаго Высочайшаго повелѣнія, а для принятія герба требуется кромѣ того и согласіе однофамильцевъ; 5) по состоянію имѣнія, обращаемаго въ составъ заповѣднаго, въ залогъ Московскаго опекунскаго совѣта, полное дѣйствіе опредѣляющихъ свойство заповѣднаго имѣнія постановленій начинается не прежде, какъ по уплатѣ лежащаго на немъ долга, или по переводѣ сего долга, съ согласія кредитнаго установленія, на другія имѣнія; 6) имѣніе сіе можетъ потерять, согласно св. зак. 1857 г. т. X час. 2-й зак. о судопроиз. гражд. ст. 2256, свойство заповѣднаго лишь въ случаѣ продажи его за неуплату долговъ кредитнымъ установленіемъ; 7) по уплатѣ сихъ долговъ, или по переводѣ оныхъ на другія имѣнія, владѣлецъ заповѣднаго имѣнія обязанъ вносить ежегодно въ одинъ изъ государственныхъ банковъ десятую часть доходовъ онаго, до составленія вспомогательнаго капитала сего имѣнія въ 50,000 руб. сер., на случай, когда, по какимъ-либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, будутъ необходимы и чрезвычайные по тому имѣнію платежи и расходы. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе».

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: АЛЕКСАНДРЪ.

14-го октября 1859-го г.

2) *О дозволеніи помѣщику Шантыру передать имѣніе въ пожизненное владѣніе жены.*

«Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе помѣщика Витебской губерніи поручика Аркадія Шантыра, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ему Витебской губерніи въ Полоцкомъ уѣздѣ родовое имѣніе Прихабы, съ слѣдующими къ оному 119 мужскаго пола крестьянами и со всѣми къ нему принад-

лежностями, передать въ пожизненное владѣніе его жены Іоанны Шантырь, отказавшейся отъ слѣдующей ей изъ означеннаго имѣнія мужа указной части, — съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава имѣнія и съ обязанностию уплачивать лежащія на немъ долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣнія, дозволяется Іоаннѣ Шантырь залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, и въ томъ размѣрѣ, который признанъ будетъ Сенатомъ соответствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти ея, имѣніе это должно поступить къ законнымъ наслѣдникамъ Аркадія Шантыря. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе».

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

25-го декабря 1859-го года.

III. Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта.

А) по дѣламъ гражданскимъ.

1) *Объ имѣніи умершаго пахатнаго солдата Фотья Пантелѣва (14 декабря 1859 года).*

Обстоятельства дѣла сего слѣдующія:

Въ 1841 г., на основаніи духовнаго завѣщанія пахатнаго солдата Фотья Пантелѣва, дочь его Анна Посадская и несовершеннолѣтній сынъ умершаго роднаго брата ея Василія Фо-

тѣва, Александръ, были признаны въ равныхъ частяхъ владѣльцами завѣщаннаго имъ Фотѣемъ Пантелѣвымъ имущества.

Означенное имущество состояло изъ участка земли въ Великолуцкомъ уѣздѣ Псковской губерніи, каменнаго дома въ селѣ Медвѣдѣ и движимости.

Духовнымъ завѣщаніемъ Фотѣя Пантелѣва была возложена на Анну Посадскую обязанность воспитать дѣтей умершаго Василя Фотѣва, Александра, Федосью и Глафиру.

Загѣмъ въ 1848 г. дѣти Василя Фотѣва, прійдя въ совершеннолѣтіе, предъявили право на отказанные Аннѣ Посадской дѣдомъ ихъ Фотѣемъ Пантелѣвымъ домъ и землю, объясняя, что имѣніе это составляло собственность не его, а отца ихъ, Василя Фотѣва.

Противъ сего Анна Посадская возражала, что братъ ея Василій былъ неотдѣленнымъ сыномъ, и, занимаясь оборотами на деньги отца, не имѣлъ рѣшительно никакой отдѣльно ему принадлежащей собственности.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ актовъ видно:

1., что разрѣшеніе на постройку дома на казенной землѣ въ селѣ Медвѣдѣ было дано въ 1838 г. Василью Фотѣву, которому тогда же былъ выданъ Высочайше утвержденный фасадъ для этого дома;

2., что въ томъ же 1838 году было дозволено Василью Фотѣву употребить, на сооруженіе надворнаго строенія, купленные имъ три балагана;

и 3., что участокъ земли въ Великолуцкомъ уѣздѣ Псковской губерніи купленъ съ публичнаго торга Василемъ Фотѣвымъ.

Мѣстное военное начальство удостовѣрило, что Василій Фотѣвъ отъ своего имени занимался торговлею и подрядными дѣлами и представлялъ залогомъ, ввѣренныя лично ему посторонними лицами.

Спрошенные свидѣтели показали:

29 человекъ, что Василій Фотѣевъ отъ отца отдѣленъ не былъ и жилъ постоянно съ отцомъ.

25 человекъ, что при жизни Василья Фотѣева домъ въ селѣ Медвѣдѣ былъ выведенъ только вчернѣ и окончательно отстроенъ послѣ его смерти отцомъ его, Фотѣемъ Пантелѣевымъ.

Одинъ только свидѣтель объявилъ, что постройка дома произведена на общій капиталъ Фотѣя Пантелѣева и сына его Василя, а остальные отозвались, какъ по сему предмету, такъ и относительно подрядовъ Василя Фотѣева и покупки имъ земли, незнаніемъ положительно, на чей капиталъ былъ построенъ домъ, дѣлаемы обороты и куплена земля.

Новгородская гражданская палата присудила спорное недвижимое имущество наслѣдницамъ Василя Фотѣева, предоставивъ имъ право взыскать съ Анны Посадской полученныя ею за землю арендныя деньги, въ количествѣ 600 р. сер.

По утверженіи этого рѣшенія 2-мъ департаментомъ Сената, Посадская принесла всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно было рассмотреть въ общемъ сената собраніи.

Относительно участка земли общее собраніе единогласно полагало утвердить рѣшеніе 2-го департамента; но относительно дома въ с. Медвѣдѣ произошло разногласіе, за которымъ настоящее дѣло и было внесено въ Государственный Совѣтъ.

Государственный Совѣтъ, совершенно соглашаясь съ единогласнымъ заключеніемъ общаго сената собранія и товарища министра юстиціи относительно предоставленія спорной земли, состоящей Великолукскаго уѣзда при деревнѣ Богдановой, во владѣніе наслѣдниковъ Василя Фотѣева, обратился собственно къ возбудившему разногласіе вопросу о принадлежности каменнаго дома въ с. Медвѣдѣ.

Въ семъ отношеніи изъ дѣла видно, что на принадлежность означеннаго дома ни со стороны истцевъ, дѣтей Васи-

лія Фотѣва, ни со стороны отвѣтчицы Анны Посадской не представлено крѣпостнаго документа; хотя же въ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія, что по просьбѣ пахатнаго солдата Василия Фотѣева былъ препровожденъ въ 1838 г. Высочайше утвержденный фасадъ на постройку Василию Фотѣеву каменнаго двухъ-этажнаго дома въ с. Медвѣдѣ и въ томъ же 1838 г. было дано Василию Фотѣеву разрѣшеніе употребить на надворныя строенія купленные имъ три балагана; но свѣдѣнія сіи не заключаютъ требуемаго закономъ (ст. 683 т. X ч. II) акта укрѣпленія на имѣніе, и потому не могутъ служить доказательствомъ принадлежности спорнаго дома въ исключительную собственность Василия Фотѣева. Анна Посадская, въ подтвержденіе объясненія своего, что постройку дома производилъ ея отецъ на собственный капиталъ, ссылается на показанія свидѣтелей, а наслѣдники Василия Фотѣева доказываютъ, что онъ занимался промыслами отъ своего лица, какъ отдѣльный хозяинъ и выстроилъ въ 1838 г. домъ на казенной землѣ въ с. Медвѣдѣ на прибрѣтенный такимъ образомъ собственный капиталъ. При такомъ положеніи настоящаго дѣла, когда на принадлежность спорнаго дома не представлено ни крѣпостнаго документа, ни другихъ письменныхъ доказательствъ, а права тяжущихся основываются на объясненіи объ общности или раздѣльности капиталовъ, на которые былъ построенъ домъ, для разрѣшенія спорнаго вопроса надлежитъ обратиться къ свидѣтельскимъ показаніямъ, которыя, по разуму ст. 683, 684 и 314 т. X ч. II зак. гражд., въ настоящемъ случаѣ составляютъ единственный законный способъ для опредѣленія принадлежности спорнаго имущества. Узаконеніями, въ означенныхъ статьяхъ изображенными, для утвержденія правъ на недвижимое имѣніе хотя и требуются акты укрѣпленія и воспрещается въ дѣлахъ о крѣпостномъ правѣ основывать рѣшенія на показаніяхъ свидѣтелей, но того случая, какимъ образомъ поступать, когда крѣпостныхъ актовъ вовсе нѣтъ, въ означенныхъ 683 и 684 ст. не опредѣлено: напротивъ того

въ ст. 314 положительно объяснено, что по дѣламъ исковымъ и тяжбымъ доказательствами приѣмлются между прочимъ и показанія свидѣтелей.

Обращаясь на семь основаніи къ разсмотрѣнію имѣющихся въ дѣлѣ свидѣтельскихъ показаній относительно спорнаго дома, Государственный Совѣтъ усмотрѣлъ, что изъ всѣхъ спрошенныхъ подъ присягою свидѣтелей ни одинъ не показалъ, чтобы означенный домъ былъ выстроенъ исключительно на капиталъ Василя Фотѣва; напротивъ свидѣтели въ числѣ 20 человекъ показали, что постройка дома была произведена на общій капиталъ Фотѣя Пантелѣва съ сыномъ Василюмъ, а одинъ свидѣтель объяснилъ, что постройка производилась на капиталъ собственно Фотѣя, который былъ главнымъ хозяиномъ, причемъ свидѣтели, въ числѣ 29 человекъ, единогласно показали, что Василю не былъ отдѣленъ отъ своего отца Фотѣя и постоянно жилъ вмѣстѣ съ послѣднимъ. Изъ таковыхъ показаній нельзя не убѣдиться, что домъ въ с. Медвѣдѣ былъ выстроенъ на общій капиталъ Фотѣя и Василя и потому составлялъ ихъ общее имѣніе. А какъ завѣщаніемъ Фотѣя Пантелѣва 1841 г. только одна половина дома въ с. Медвѣдѣ назначена его дочери Аннѣ, по мужу Посадской, а другая предоставлена внуку Фотѣя, сыну и законному наслѣднику Василю, Александру, то и надлежитъ такое распоряженіе завѣщателя, относительно сдѣланнаго въ пользу Анны Посадской назначенія, оставить въ своей силѣ. Что касается до вопроса о взысканіи съ Анны Посадской денегъ за отчуждаемую отъ нея землю, то въ семь отношеніи нельзя не принять въ соображеніе, что Посадская вступила во владѣніе отказаннымъ ей имѣніемъ не самовольно, а на основаніи оставшихся послѣ смерти ея отца документовъ: духовнаго завѣщанія и довѣренности, утвержденныхъ въ комитетѣ пахатныхъ солдатъ; но таковое владѣніе ея продолжалось безспорно лишь до 1848 г., когда былъ объявленъ Аннѣ Посадской споръ противъ права ея на землю, въ Великолукскомъ уѣздѣ состоящую. Посему вопросъ о взысканіи съ

Анны Посадской денегъ за владѣніе отчуждаемою отъ нея землею, разрѣшается точнымъ смысломъ закона, обнародованнаго 21 марта 1851 года, на основаніи коего добросовѣстный владѣлецъ не обязанъ возвращать собранныхъ съ имѣній доходовъ по день объявленія ему установленнымъ порядкомъ объ открытіи спора противъ его владѣнія, и потому Посадская не можетъ быть освобождена отъ возвращенія дѣтямъ брата ея Василя доходовъ, собранныхъ съ отчуждаемой отъ нея земли, начиная съ 1851 г., т. е. со времени вступленія въ обязательную силу вышеизложеннаго узаконенія, вошедшаго въ статью 626 т. X ч. I зак. гражд. Въ слѣдствіе сего Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

1) Въ отношеніи земли, приобрѣтенной Василиемъ Фотѣвымъ по купчей крѣпости въ Великолукскомъ уѣздѣ при деревнѣ Богдановой, утвердить опредѣленіе 2-го департамента Сената, 24 сентября 1857 г. состоявшееся.

2) Распоряженіе, сдѣланное въ духовномъ завѣщаніи пахатнаго солдата Фотѣя Пантелѣва относительно каменнаго дома въ с. Медвѣдѣ, оставить въ своей силѣ, и

3) Отвѣтчицу Анну Посадскую подвергнуть взысканію той части арендныхъ за землю денегъ, которая получена ею со времени обнародованія закона 21 марта 1851 года, вошедшаго въ ст. 626 т. X ч. I зак. гражд.

2) *О долговыхъ обязательствахъ, выданныхъ въ 1836-мъ г. женою почетнаго гражданина Александрю Яковлевою (21-го декабря 1859-го года).*

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ по Высочайшему его императорскаго величества повелѣнію: во 1-хъ дѣло о долговыхъ обязательствахъ, выданныхъ въ 1836 г. женою почетнаго гражданина Александрю Яковлевою, во 2-хъ опредѣленіе по сему дѣлу общаго собранія 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената, и въ 3-хъ принесенную на означенное опредѣленіе всеподданнѣйшую жалобу крестьяниномъ удѣльнаго вѣдомства Федоромъ Ефимовымъ, нашелъ, что суще-

Степенное обстоятельство, приводимое во всеподданнѣйшемъ прошеніи крестьянина Ефимова въ подкрѣпленіе его ходатайства, заключается въ томъ, что основанія, по коимъ Правительствующій Сенатъ призналъ недѣйствительными три заемныя письма, выданныя женою почетнаго гражданина Яковлева чиновнику Марцинкевичу, въ равной степени распространяются и на четыре векселя, выданные Яковлевою матери и сестрѣ своего мужа. Посему прежде всего надлежитъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, опредѣлить: одинаковы ли условія составления и приобрѣтенія Яковлевымъ трехъ заемныхъ писемъ, на сумму 37,143 р. сер., признанныхъ по рѣшенію Сената недѣйствительными и четырехъ векселей, на сумму 22,857 р. сер., оставленныхъ рѣшеніемъ Сената въ своей силѣ?

Въ семъ отношеніи изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла и произведеннаго по Высочайшему повелѣнію изслѣдованія обнаруживается:

1., Три заемныя письма, уничтоженныя рѣшеніемъ общаго собранія Сената, были засвидѣтельствованы въ г. Шлиссельбургѣ въ тамошнемъ уѣздномъ судѣ, а четыре векселя Яковлевою, утвержденныя рѣшеніемъ Сената, составлены въ С.-Петербургѣ.

2., Заемныя письма Яковлевою составлены на имя чиновника 14-го класса Марцинкевича въ одинъ день, 4-го декабря 1836 г., а векселя выданы Яковлевою одновременно: въ маѣ, іюнѣ, августѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1836 г. матери и сестрѣ ея мужа.

3., Заемныя письма переданы отъ Марцинкевича Яковлеву также въ одно число 9 августа 1837 г., а изъ векселей Яковлевою три дошли къ ея мужу въ разныя числа февраля мѣсяца 1838 г., слишкомъ чрезъ годъ послѣ смерти Яковлевою, и одинъ вексель перешолъ къ лицу совершенно постороннему купцу Маринину.

4., Векселя представлены Яковлевымъ ко взысканію 3 марта 1838 г., вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ имъ оныхъ 4-го, 10-го и 12-го февраля 1838 г., между тѣмъ какъ заемныя письма, выданныя Марцинкевичу, пріобрѣтены Яковлевымъ 9 августа 1837 г., т. е. за шесть мѣсяцевъ прежде пріобрѣтенія векселей и за двѣ недѣли до публикаціи о вызовѣ наследниковъ Яковлевой, послѣдовавшей 21, 25 и 27 августа 1837 г., и не смотря на то, что срокъ платежа по онымъ наступилъ 4 декабря того же 1837 года, представлены Яковлевымъ ко взысканію лишь 15-го сентября 1838 г., т. е. болѣе нежели чрезъ годъ послѣ перехода къ Яковлеву и послѣ публикаціи о вызовѣ кредиторовъ умершей Яковлевой. Событіе сіе получаетъ значеніе при сравненіи онаго съ тѣмъ обстоятельствомъ, что векселя Яковлевой, бывъ выданы не на опредѣленный срокъ, а до объявленія оныхъ, пріобрѣтены по истеченіи около 6-ти мѣсяцевъ со времени публикаціи о вызовѣ кредиторовъ и представлены Яковлевымъ ко взысканію безъ замедленія, тогда какъ заемныя письма, не смотря на означенный въ нихъ срокъ платежа, были пріобрѣтены прежде публикаціи о вызовѣ, а представлены тѣмъ же лицомъ ко взысканію спустя слишкомъ 9 мѣсяцевъ послѣ наступленія для тѣхъ обязательствъ срока платежа долга и болѣе года со времени публикаціи.

5., Лицо кредитора по заемнымъ письмамъ, за всѣми изысканіями, осталось неизвѣстнымъ: указанный какъ кредиторъ чиновникъ Марцинкевичъ не созналъ себя залюдодателемъ, показавъ, что онъ ни Александры Яковлевой, ни мужа ея не знаетъ, что заемныхъ писемъ онъ отъ первой не получалъ и ея мужу не передавалъ, а маклеръ, учинившій передаточныя на заемныхъ письмахъ надписи, на очной ставкѣ съ Марцинкевичемъ не призналъ положительно его за то лицо, которое предъявляло ему заемныя письма для засвидѣтельствованія передаточныхъ надписей, тогда какъ по векселямъ не было никакого сомнѣнія въ тождествѣ лица кредитора.

И 6., На заемныхъ письмахъ Яковлевой значится надпись Шлссельбургскаго уѣзднаго суда, между тѣмъ какъ въ томъ судѣ обнаружены беспорядки и подлоги при составленіи другихъ актовъ, не отыскано даже книги за 1836 годъ, въ которую заемныя письма Яковлевой были вписаны, и такимъ образомъ не устранено сомнѣніе въ подлинности тѣхъ обязательствъ: ничего подобнаго не было въ выданныхъ Яковлевою векселяхъ: дѣйствительность выдачи оныхъ Аграфенѣ и Александрѣ Яковлевымъ, а равно переходъ изъ нихъ 3-хъ векселей къ Силѣ Яковлеву и передача права на четвертый вексель купцу Маринину, не подлежатъ сомнѣнію.

Изъ сего явствуетъ, что условія составленія трехъ заемныхъ писемъ Яковлевой существенно различны отъ условій выдачи ею четырехъ векселей, и Правительствующій Сенатъ, принимая во вниманіе не отысканіе лица кредитора, выдаващаго деньги подъ заемныя письма Яковлевой, и неустраненіе сомнѣнія въ подлогѣ заемныхъ писемъ по обнаруженнымъ въ Шлссельбургскомъ уѣздномъ судѣ беспорядкамъ, заключилъ, что къ настоящему дѣлу въ томъ видѣ, въ какомъ оно подлежало обсужденію въ отношеніи заемныхъ писемъ, не могутъ быть буквально примѣнены общіе законы о безспорности обязательствъ, на которыхъ есть подпись должника. Напротивъ того въ отношеніи векселей Правительствующій Сенатъ примѣнилъ соотвѣтствующій онымъ законъ о дѣйствительности обязательствъ, на которыхъ находится подлинная подпись должника (зак. гражд. судопр. т. X ч. II ст. 749).

Обращаясь засимъ къ обсужденію спорнаго вопроса о томъ: могутъ ли быть признаны дѣйствительными четыре векселя, выданные Яковлевою матери и сестрѣ своего мужа, — Государственный Совѣтъ нашель, что противъ дѣйствительности сихъ актовъ представлены слѣдующія опроверженія:

- 1) Несовершеннолѣтіе вексеledательницы;
- 2) Согласіе на заемъ мужа попечителя;

3) Отсутствие доказательств на необходимость займа и на правильное употребление занятых денег;

4) Приобрѣтеніе Яковлевымъ по смерти жены этихъ актовъ въ свою собственность.

Далѣе, какъ усиленіе важности сихъ обстоятельствъ, приводятся:

а) Доказанная подложность трехъ однородныхъ заемныхъ писемъ:

и б) Существовавшая имущественная несостоятельность Яковлева.

Изъ отдѣльнаго соображенія сихъ возраженій съ обстоятельствами дѣла и законами оказывается:

1) Александра Яковлева въ 1836 г. достигла 17-ти лѣтняго возраста, вслѣдствіе чего, указомъ сиротскаго суда 27 января 1836 года, было предписано бывшему опекуномъ надъ Яковлевою, Нарцызову, сдать Яковлевой подъ общую съ попечителемъ ея, мужемъ, росписку, все принадлежавшее ей имѣніе и документы: Такимъ образомъ, вступивъ въ вышеозначенный возрастъ, Александра Яковлева, на точномъ основаніи 220 ст. зак. гражд. (т. X ч. I), имѣла полное право распоряжаться своимъ имуществомъ и вступать въ обязательства съ согласія попечителя. За силою такого предоставленнаго закономъ права ни сама Яковлева бывшая полновластною распорядительницею собственности подъ попечительство мужа, ни сей послѣдній не могли быть стѣсняемы въ распоряженіяхъ по имѣнію и въ выдачѣ, въ указываемомъ закономъ порядкѣ, обязательствъ. Слѣдовательно, несовершеннолѣтіе вѣкселедательницы не можетъ быть принято основаніемъ къ заключенію о безденежности такихъ актовъ, при совершеніи которыхъ исполнено предписанное въ законѣ (ст. 220 т. X ч. I) правило о согласіи и подписи попечителя.

2) Изъявленіе согласія на выдачу тѣхъ обязательствъ со стороны Силы Яковлева, вытекавшее изъ самой обязанности его какъ попечителя надъ женою, по точному смыслу вышеуомя-

пуютой 220 ст. не только не ослабляет силы выданныхъ актовъ, но напротивъ должно служить законнымъ основаніемъ къ призванію тѣхъ актовъ дѣйствительными.

3) Для признанія долговыхъ актовъ дѣйствительными законъ не требуетъ доказательствъ ни въ необходимости займа, ни въ правильномъ употребленіи занятой суммы. Подобное требованіе доказательствъ о необходимости займа было бы сколько неисполнимо,—ибо заемъ дѣлается не по одной необходимости, а часто для извлеченія выгодъ и по другимъ причинамъ,—столько же противорѣчило бы основнымъ началамъ гражданскаго права, по которымъ всякому предоставляется право входить въ обязательства, закономъ не воспрещенныя. Посему отсутствіе доказательствъ въ необходимости займа не можетъ ослаблять дѣйствительности акта; а доказательствъ въ правильномъ употребленіи занятыхъ денегъ можно требовать только отъ лицъ, обязанныхъ по закону представленіемъ отчетовъ; но какъ векселя Яковлевой совершены ею по достиженіи семнадцати-лѣтняго возраста и въ то время, когда она, по распоряженію спротскаго суда, получила какъ движимое, такъ и недвижимое имѣніе въ свое распоряженіе, то всякое вмѣшательство судебныхъ мѣстъ въ подобные вопросы было бы ничто иное, какъ произвольное стѣсненіе правъ частныхъ лицъ въ свободномъ распоряженіи своею собственностію. Впрочемъ, при производствѣ настоящаго дѣла, почетный гражданинъ Сила Яковлевъ объяснилъ, что жена его, оставшись послѣ своего отца, купца Поплевина, единственною наследницею, была обязана уплачивать его долги, и сверхъ того выдать законную часть своей матери, второй женѣ умершаго отца ея, на каковой предметъ была въ необходимости прибѣгнуть къ займу денегъ; о долгахъ родителя жены своей, Сила Яковлевъ представилъ 26 мая 1852 г. подробную вѣдомость, изъ коей видно, что долговъ послѣ Поплевина осталось всего 370,580 руб. асс. и въ подробности обозначено, кѣмъ какіе долги были уплачены. Противъ такового реестра долгамъ никакихъ спра-

верженій въ дѣлѣ не имѣется и Ефимовы дѣйствительности сего доказательства законнымъ образомъ не опровергли. Посему приводимое обвиненіе объ отсутствіи будто бы доказательствъ въ необходимости займа и правильности употребленія занятой суммы, за силою ст. 312, 313 и 314 св. зак. гражд. судопр. т. X ч. II, не можетъ быть принято основаніемъ къ признанію недѣйствительности векселей.

4., Приобрѣтеніе Яковлевымъ векселей, оставшихся послѣ его жены, сдѣлано по передаточной надписи, въ согласность ст. 555—560 т. XI ч. II уст. торг., которыми опредѣленъ порядокъ перехода этого рода долговыхъ обязательствъ, и изъ сего порядка въ отношеніи мужа должника не сдѣлано никакого изъятія. Слѣдовательно обстоятельство о приобретеніи Яковлевымъ векселей жены не ослабляетъ дѣйствительности долговыхъ актовъ, какъ совершенныхъ и приобретенныхъ въ законномъ порядкѣ. При томъ Яковлевъ приобрѣлъ векселя жены въ февралѣ 1838 г., т. е. болѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ ея смерти, слѣдовательно въ этомъ дѣйствіи его не могло быть злоупотребленія попечительской власти надъ слабою и больною женою, какъ объясняетъ крестьянинъ Ефимовъ во всеноданнѣйшей жалобѣ, и самое событіе такового приобретенія вовсе не доказываетъ безденежности актовъ, совершенныхъ почти за два передъ тѣмъ года. Въ семъ отношеніи надлежитъ принять во вниманіе, что вообще незаконность послѣдующей сдѣлки не можетъ въ чемъ либо ослабить дѣйствительности предъидущаго договора, составленнаго по законамъ и ничѣмъ не опровергнутаго. Въ настоящемъ случаѣ совершеніе векселей и самое приобретеніе оныхъ Яковлевымъ въ разное время, а не въ одинъ день, ослабляетъ нѣкоторымъ образомъ показанія Ефимовыхъ, какъ о безденежности самыхъ актовъ, такъ и о безденежномъ переходѣ оныхъ къ Яковлеву, ибо въ такомъ случаѣ не было бы необходимости ни совершать, ни приобретать акты въ разное время, и легче и удобнѣе было бы сдѣлать это въ одинъ день, какъ это и сдѣлано Яковлевымъ въ отношеніи заемныхъ писемъ,

совершенныхъ въ одинъ день, 4-го декабря 1836 г., и приобрѣтенныхъ имъ также въ одинъ день, 9-го августа 1837 года.

Что же касается до обстоятельствъ, которыя будто бы усиливаютъ важность вышеозначенныхъ четырехъ возраженій, то въ семь отношеніи нельзя не замѣтить:

1., Что рѣшеніемъ общаго собранія Сената о трехъ заемныхъ письмахъ, выданныхъ Марцинкевичу, не только не признана подложность сихъ актовъ, но напротивъ положительно выражено, что извѣтъ Ефимовыхъ о подложномъ составленіи этихъ актовъ не доказанъ и главными основаніями къ уничтоженію оныхъ принято: отреченіе Марцинкевича отъ участія въ составленіи заемныхъ писемъ, сомнительныя и ничѣмъ не объясненныя обстоятельства по засвидѣтельствуванію оныхъ въ Шлссельбургскомъ уѣздномъ судѣ, утрата книги, въ коей записано означенное засвидѣтельствованіе, и наконецъ доказанныя подлоги по совершенію въ томъ судѣ другихъ актовъ; и

2., Указаніе на несостоятельность Яковлева, который будто бы не могъ приобрѣсть долговыхъ обязательствъ умершей своей жены, опровергается удостовѣреніемъ, находящимся въ рѣшеніи общаго присутствія Псковскихъ городского магистрата и уѣзднаго суда 27-го января 1854 г. о томъ, что по разсмотрѣніи Сенатомъ жалобы Яковлева на объявленіе его несостоятельнымъ отъ коммерческаго суда, Яковлевъ былъ освобожденъ отъ таковой несостоятельности. Впрочемъ Яковлевъ объясняетъ, что рѣшеніе коммерческаго суда о признаніи его несостоятельнымъ послѣдовало именно потому, что онъ, для охраненія чести жены своей предъ ея кредиторами, уплатилъ долги ея въ надеждѣ получить удовлетвореніе изъ имѣнія жены; но встрѣтивъ въ этомъ неожиданную остановку, не могъ удовлетворить тѣхъ кредиторовъ, у которыхъ взялъ въ займы деньги для приобрѣтенія документовъ своей жены. Противъ такого объясненія Яковлева, Ефимовы при производствѣ сего дѣла никакихъ опроверженій не представили.

Кромѣ приведенныхъ во всеподданнѣйшей жалобѣ Ефимова объясненій о недѣйствительности выданныхъ Яковлевою векселей, споръ наслѣдниковъ ея противъ сихъ актовъ, при самомъ производствѣ настоящаго дѣла въ судебныхъ мѣстахъ, относился существенно къ тремъ предметамъ: 1, къ неформальности, 2, подложности и 3, безденежности тѣхъ векселей.

Въ отношеніи формальности векселей наслѣдники Яковлевой приводили: а, что въ векселяхъ будто бы не означено, товаромъ или деньгами былъ сдѣланъ заемъ; б, что Яковлева, не производя отъ своего имени торговли, не могла и обязываться векселями безъ даннаго отъ мужа согласія, каковаго на векселяхъ не значится и в, что согласіе на заемъ попечителя Яковлевой дано во время ея совершеннолѣтія безъ разрѣшенія Сената. Но противъ сего нельзя не замѣтить: во 1-хъ, что въ самыхъ векселяхъ именно значится, что заемъ сдѣланъ былъ деньгами, именно государственными ассигнаціями, во 2-хъ, что мужъ должницы, Сила Яковлевъ, былъ вмѣстѣ и попечителемъ ея; посему подписи его на трехъ векселяхъ, выданныхъ Аграфеною Яковлевою, выражаютъ согласіе его на заемъ въ качествѣ и мужа-купца, и попечителя надъ женою, и въ 3-хъ, что по закону (зак. гражд. т. X ч. 1 ст. 220 и 281) разрѣшенія Сената на выдачу несовершеннолѣтними заемныхъ обязательствъ не требуется.

Поводомъ къ подозрѣнію въ подложности векселей Яковлевой послужили показанія ходатая за дворцовыхъ крестьянъ Ефимовыхъ, чиновника Гинца: 1, о неграмотности Яковлевой и 2, о томъ, что подпись Яковлева на векселяхъ о согласіи его на заемъ была сдѣлана уже по представленіи оныхъ ко взысканію. Предположеніе о неграмотности Яковлевой вполнѣ опровергается во 1-хъ, объясненіемъ крестьянъ Ефимовыхъ, отъ которыхъ заимствовалъ свое показаніе чиновникъ Гинцъ, и которые объяснили, что «слышали» о томъ отъ умирающаго ихъ дяди, но что доказательствъ неграмотности Яковлевой представить не

могутъ, и во 2-хъ, удостовѣреніемъ департамента народнаго просвѣщенія и показаніями опекуна, мачихи и духовника Яковлевой, что она воспитывалась въ пансіонѣ и умѣла читать и писать. Кромѣ того дѣйствительность подписей Яковлевой на векселяхъ подтверждена дядею ея, а совершенное ихъ сходство съ подписями на разныхъ бумагахъ, имѣвшихся въ сиротскомъ судѣ, удостовѣрено секретарями и другими чиновниками присутственныхъ мѣстъ. Предположеніе о несуществованіи на заемныхъ обязательствахъ, при предъявленіи ихъ ко взысканію, подписи о согласіи попечителя на заемъ было отвергнуто впоследствии самимъ ходатаемъ за крестьянъ Ефимовыхъ, Гинцемъ, который объяснилъ, что относительно этого обстоятельства онъ былъ введенъ въ заблужденіе неточностію возраженій, сдѣланныхъ противъ векселей бывшимъ повѣреннымъ Ефимовыхъ, Лерхомъ.

Наконецъ объясненія Ефимовыхъ о безденежности векселей заключались въ томъ, что Яковлева при жизни своей была обеспечена доходами съ недвижимаго имѣнія и не имѣла нужды дѣлать займы, а ея мужъ, давшій согласіе на заемъ, не доказалъ употребленія полученной въ займы суммы. Въ подтвержденіе сихъ объясненій, Ефимовы никакихъ доказательствъ не представили; а Яковлевъ въ опроверженіе сихъ показаній, представилъ реестръ долтамъ съ обозначеніемъ количества уплаты, и актъ этотъ ничѣмъ по дѣлу не опровергнутъ.

Независимо отъ вышензложеннаго, нельзя не принять въ соображеніе, что Ефимовы, оспаривая векселя Яковлевой по ихъ безденежности, во все продолженіе настоящей тяжбы, т. е. въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, кромѣ однихъ личныхъ объясненій и предположеній своихъ, не представили въ подтвержденіе своего спора требуемыхъ закономъ доказательствъ и въ подлежащемъ нынѣ обсужденію всеподданнѣйшемъ прошеніи Федоръ Ефимовъ, повторяя только прежнія, ничѣмъ недоказанныя показанія, называетъ искъ Яковлева незаконнымъ, обвиняетъ его въ злостномъ обманѣ и въ злоупотребленіи попечительской вла-

сти надъ слабою и больною женою. Такія голословныя обвиненія не должны быть приняты ни въ какое уваженіе и не могутъ ослабить правильности опредѣленія общаго собранія Правительствующаго Сената, признавшаго дѣйствительность тѣхъ только обязательствъ, споръ противъ коихъ, по производствѣ строжайшаго изслѣдованія, оказался неосновательнымъ.

На основаніи сихъ соображеній, Государственный Совѣтъ, находя невозможнымъ, по недоказаннымъ показаніямъ Ефимова, ни ослабить силу долговыхъ документовъ, въ законномъ порядкѣ составленныхъ и въ подлинности не опровергнутыхъ, ни тѣмъ менѣе отмѣнить рѣшеніе общаго собранія Сената, основанное на точной силѣ закона, призналъ выданные въ 1836 году женою почетнаго гражданина Александрою Яковлевою ея свекрови Аграфенѣ Яковлевой и золовкѣ Александрѣ Яковлевой четыре векселя на сумму 22,857 р. сер., въ полной мѣрѣ дѣйствительными, и потому *миѣніемъ положилъ*: опредѣленіе общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената, 7 марта 1858 г. по дѣлу ему послѣдовавшее, утвердить, а всеподданнѣйшую жалобу крестьянина удѣльнаго вѣдомства Федора Ефимова оставить безъ послѣдствій.

Б) по дѣлу административному.

О наименованіи заповѣднаго имѣнія отставнаго генераль-маіора Павла Толстаго Покровскимъ Голенищева-Кутузова-Толстаго имѣніемъ (14-го декабря 1859-го года).

Государственный Совѣтъ, согласно съ заключеніемъ министерства юстиціи, *миѣніемъ положилъ*: заповѣдное имѣніе отставнаго генераль-маіора Павла Голенищева-Кутузова-Толстаго, учрежденное подъ названіемъ Покровскаго, именовать впредь Покровскимъ заповѣднымъ имѣніемъ Голенищева-Кутузова-Толстаго.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству министерства юстиціи.

1) по департаменту министерства.

Назначены: Статскіе Совѣтники: состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, сверхъ комплекта, *Карамзинъ* и инспекторъ классовъ императорскаго училища правовѣдѣнія и профессоръ мѣстныхъ законовъ прибалтійскихъ губерній *Витте*—членами консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, изъ нихъ Витте съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ по училищу правовѣдѣнія (29-го декабря 1859 года).

(Высоч. прик. отъ 18 января за № 1).

Редакторъ отдѣленія, коллежскій ассесоръ, въ званіи камеръ-юнкера двора Е. И. В. *Ковалевскій*—начальникомъ отдѣленія (28-го декабря 1859 года).

(Прик. отъ 7-го января за № 1).

Столоначальникъ, коллежскій ассесоръ *Селифонтовъ*—редакторомъ отдѣленія (30-го декабря 1859 года).

(Прик. отъ 26-го января за № 2).

Произведены за выслугу лѣтъ, опредѣленіями департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшимъ

ствомъ: въ Коллежскіе Совѣтники: состоявшій при департаментѣ, надворный совѣтникъ Игнатій *Кримжановскій*—съ 13-го октября 1853-го года.

(Прик. отъ 7-го января за № 1).

Въ Надворные Совѣтники: состояшіе при департаментѣ: баронъ Василій *Штакельбергъ* съ 1-го августа 1858-го, Николай *Слыцовъ* съ 23-го ноября, Борисъ *Миллеръ* съ 27-го и контролеръ Михаилъ *Петровъ* съ 23-го декабря 1859-го года.

(Прик. отъ 26-го января за № 2).

Въ Коллежскіе Ассесоры: титулярные совѣтники: секретарь Михаилъ *Григорьевъ*, столоначальники: Петръ *Пицунъ* и Андрей *Хвостовъ*, журналистъ общей регистратуры Петръ *Феофановъ* и состоящій при департаментѣ Александръ *Каратаевъ*, всѣ пятеро съ 9-го декабря 1859-го года.

Въ Титулярные Совѣтники: коллежскій секретарь, столоначальникъ Петръ *Шенкъ*, съ 9-го декабря 1859-го года.

(Прик. отъ 7-го января за № 1).

Уволенъ отъ службы, по прошенію: состоявшій при департаментѣ, коллежскій ассесоръ Александръ *Каратаевъ*, (16-го января 1860-го года).

(Прик. отъ 26-го января за № 2).

2) по 1-му отдѣленію 3-го департамента
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Произведены за выслугу лѣтъ, опредѣленіемъ департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ: Въ Коллежскіе Ассесоры: оберъ-секретарь временной экспедиціи Николай *Граве*, секретарь Александръ *фонъ-Брюммеръ* съ 16-го мая 1859-го г. и переводчикъ нѣмецкаго языка Людовикъ *Зельверовичъ* съ 29-го марта 1858-го года.

Въ Титулярные Совѣтники: коллежскій секретарь, секретарь Владиміръ *Лихачевъ* съ 16-го мая 1859-го года.

(Приказъ отъ 7-го января за № 1).

3) по 4-му департаменту правительствующаго сената:

Произведены за выслугу лѣтъ, опредѣленіемъ департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ: Въ Коллежскіе Ассесоры: секретари, титулярные совѣтники: Иванъ Грумъ-Гржимайло съ 16-го мая и Николай Будный— съ 2-го ноября 1859-го года.

(Прик. отъ 7-го января за № 1).

4) по 1-му отдѣленію 5-го департамента правительствующаго сената:

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря, титулярный совѣтникъ Александръ Брутъ—секретаремъ (23-го ноября 1859 года.)

(Прик. отъ 7-го января за № 1).

5) по 2-му отдѣленію 5-го департамента правительствующаго сената:

Произведенъ за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, въ Титулярные Совѣтники: переводчикъ нѣмецкаго языка Адольфъ Бретшнейдеръ, со старшинствомъ съ 26-го апрѣля 1858-го г.

(Прик. отъ 7-го января за № 1).

6) по департаменту герольдіи правительствующаго сената:

Произведены за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ: въ Коллежскіе Ассесоры: секретарь, титулярный совѣтникъ Владиміръ Голубцовъ, съ 13-го мая 1859-го г.

Въ Титулярные Совѣтники: секретарь, коллежскій секретарь Карлъ Финдейзенъ 1-й, съ 13-го мая 1859-го года.

Въ Коллежскіе Секретари: состоящій въ должности секретаря, губернской секретарь *Николай Лермонтовъ*, съ 16-го мая 1859-го года.

(Прик. отъ 7-го января за № 1).

7) по 1-му отдѣленію 6-го департамента
Правительствующаго Сената:

Уволенъ отъ должности, съ причисленіемъ къ департаменту Министерства Юстиціи: состоящій въ должности обер-секретаря, коллежскій совѣтникъ *Монкевичъ* (20-го декабря 1859-го года).

(Прик. отъ 26-го января за № 2).

8) по губернскимъ учрежденіямъ:

Утверждены по выборамъ: Гродненскимъ совѣстнымъ судьей, занимающій эту должность, статскій совѣтникъ *Кржиwickій* (15-го декабря 1859 года).

Коллежскіе Совѣтники: непремѣнный членъ Курскаго приказа общественнаго призрѣнія *Шечковъ* и Валковскій уѣздный судья *Канивальскій* и капитанъ-лейтенантъ *Заоскинъ*—предсѣдателями палаты гражданскаго суда: *Канивальскій*—Харьковской (15-го), *Заоскинъ*—Пензенской (22-го) и *Шечковъ*—Курской (29-го декабря 1859 года).

Дворянинъ *Піотровскій*—Волынскимъ совѣстнымъ судьей (15-го декабря 1859 года).

(Высоч. прик. отъ 18-го января за № 1).

Назначены: состоящій при департаментѣ Министерства Юстиціи, коллежскій ассесоръ *Козаковскій*—товарищемъ предсѣдателя Минской палаты гражданскаго суда (15-го декабря 1859 года).

Секретарь 2-го отдѣленія 6-го департамента Правительствующаго Сената, титулярный совѣтникъ *Браилко*—товари-

зтемъ предсѣдателя Таврической палаты уголовного суда (13-го декабря 1859 года).

Переведенъ: исправляющій должность товарища предсѣдателя Таврической палаты уголовного суда, коллежскій ассесоръ *Шишкинъ*—товарищемъ предсѣдателя въ Харьковскую палату уголовного суда (13-го декабря 1859 года).

Уволенъ отъ должности: товарища предсѣдателя Минской палаты гражданского суда, коллежскій совѣтникъ *Абрамовичъ*, съ причисленіемъ къ департаменту Министерства Юстиціи (14-го декабря 1859 года).

Дозволено носить мундирный полукафтанъ въ отставку: бывшему предсѣдателю Пермской палаты уголовного и гражданского суда, статскому совѣтнику *Селивачеву*.

(Прик. отъ 7-го января за № 1).

Увольняется отъ службы по прошенію: предсѣдатель Полтавской палаты уголовного суда, коллежскій ассесоръ *Милорадовичъ* (29-го декабря 1859 года).

Произведенъ за отличіе по службѣ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ Коллежскіе Ассесоры: прокуроръ Кяхтинскаго градоначальства Павелъ *Грибовскій*, со старшинствомъ съ 9-го декабря 1858 года.

(Высоч. прик. отъ 18-го января за № 1).

Произведены, за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ: Въ *Коллежскіе Совѣтники:* надворные совѣтники: исправляющій должность Ярославскаго губернскаго прокурора Ѳеодоръ *Вешняковъ* съ 13-го іюня и Бессарабскій областный совѣстный судья Иванъ *Семирадовъ* съ 30-го августа 1859 года.

Въ *Надворные Совѣтники:* коллежскіе ассесоры: членъ межевой комисіи Черноморскаго казачьяго войска, со стороны Министерства Юстиціи, Павелъ *Рылковъ*, съ 15-го февраля 1857 г., предсѣдатель Воронежской палаты уголовного суда Юрій *Рябининъ* съ 9-го ноября 1858 г. и исправляющій должность

Томскаго губернскаго прокурора Андрей *Корбецкій* съ 19-го іюня 1859 года.

Въ *Коллежскіе Ассесоры*: Предсѣдатель Костромской палаты гражданскаго суда, титулярный совѣтникъ Петръ *Коровинъ*, съ 27-го іюля 1859 года.

Объявляется признательность начальства: Пензенскому совѣстному судѣ, коллежскому совѣтнику Николаю *Чарыкову*, и бывшему засѣдателю тамошней палаты уголовного суда, отставному капитанъ-лейтенанту Александру *Загоскину*—за исполненіе, съ примѣрнымъ усердіемъ и добросовѣстностію возложенныхъ на нихъ ревизовавшимъ Пензенскую губернію сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Сафоновымъ, разныхъ порученій.
(Прик. отъ 26-го января за № 2).

ii.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

С 1767

ОТДѢЛЪ I.

ВЛАДѢНІЕ

КАКЪ

УСЛОВІЕ ПЕРЕХОДА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Окончаніе.) (*)

Поставленный нами въ предшествовавшей статьѣ вопросъ о значеніи начинающагося владѣнія въ лицѣ пріобрѣтателя вещи по акту, устанавливающему юридическое основаніе перехода права собственности, находится въ тѣсной связи съ постановленіями, касающимися подобныхъ актовъ. Они представляются причиною вновь возникающаго владѣнія, и потому дѣйствіе опредѣленій права, сообщающихъ имъ такой или иной юридическій характеръ, должно обнимать собою владѣніе, какъ ихъ слѣдствіе, хотя послѣднее, сверхъ того, имѣетъ и свое само-

(*) См. Ж. М. Ю. за январь 1860 г.

бытное значеніе,— какъ одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія права собственности.

Въ самомъ совершеніи сдѣлки можетъ заключаться передача пріобрѣтателю какъ права собственности на вещь такъ и владѣнія, которое такимъ образомъ признается начавшимся въ лицѣ новаго владѣльца тотчасъ по утвержденіи сдѣлки, не смотря на то, что онъ фактически еще не владѣетъ вещью.

Такой переходъ владѣнія бываетъ послѣдствіемъ символической передачи знака вмѣсто самой вещи, какъ на примѣръ: *gaudusculum aereum* у Римлянъ, передача у Германцевъ— *per terram et cespitem, per baculum, per festucam, per fustem*; выражается врученіемъ покупщику письменныхъ документовъ продавца, удостоверяющихъ право собственности на проданную вещь (*remise des titres*), или подразумѣвается въ самой запискѣ акта въ публичные реестры.

Наше время вообще не благопріятствуетъ символамъ. Они вышли изъ употребленія, и въ современномъ юридическомъ быту европейскихъ обществъ письменныя сдѣлки, заключаемыя сторонами при участіи общественной власти или безъ него, представляются господствующею формою договора о куплѣ-продажѣ.

Но опредѣленія законодательствъ, касающіяся существа этихъ сдѣлокъ весьма разнообразны.—Такъ во французскомъ законодательствѣ продажа (*) считается совершенною, и право собственности признается пріобрѣтеннымъ покупщикомъ съ того момента, когда стороны условились о предметѣ и цѣнѣ продажи, хотя бы еще не послѣдовала передача вещи, и уплата денежной цѣны ея (*code civil, titre VI art. 1583*).—Договоры

(*) Купля-продажа составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ видовъ договоровъ объ отчужденіи права собственности, почему она во многихъ законодательствахъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ, принимается какъ бы за общій типъ подобныхъ сдѣлокъ. Слѣдуя такому значенію купли-продажи, мы не рѣдко позволяемъ себѣ въ настоящей статьѣ употреблять выраженіе ‘купля-продажа’, въ его обширномъ смыслѣ.

В куплѣ—продажѣ пишутся крѣпостнымъ порядкомъ и на дому (*sous seing privé*; тамъ же ст. 1582). Юридическое различіе между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что домашніе документы получаютъ силу противъ третьяго лица только по внесеніи ихъ въ публичныя реэстры, или послѣ смерти лица, выдавшаго такой документъ (тамъ же ст. 1328). Но если куплею—продажею, о которой условилъсь участвующія лица по сдѣлкѣ, писанной на дому, не нарушаются права другихъ лицъ (напр. супруга, соучастника въ имѣніи), то она обязательна для обѣихъ сторонъ; слѣдовательно притязаніе продавца удерживать за собою, послѣ заключенія подобной сдѣлки, право собственности на вещь или уничтожить договоръ, не должно имѣть никакого законнаго основанія.

Договоръ куплѣ—продажи съ опредѣленіями *code civil* представляется исключительнымъ явленіемъ въ кругу другихъ французскихъ законодательствъ. Во всѣхъ послѣднихъ замѣчается забота правительства сообщить твердость сдѣлкамъ о переходѣ права собственности, не оставить ихъ при тѣхъ однихъ гарантіяхъ, которыя онѣ получаютъ отъ согласной воли договаривающихся сторонъ, и дополнить ихъ юридическую силу санкціей общественной власти.

По законамъ австрійскимъ для перехода права собственности требуется внесеніе акта въ публичныя реэстры (*интабулация*). Особенно замѣчательна торжественность обряда совершенія крѣпостей на недвижимыя имѣнія по законамъ шведскимъ. Продавецъ имѣнія, находящагося въ уѣздѣ, долженъ представить свою сдѣлку въ герадскомъ судѣ по мѣстоположенію предмета продажи, и публиковать въ теченіи трехъ обыкновенныхъ сроковъ засѣданій суда о своей сдѣлкѣ. Если таковая купчая не будетъ оспариваема въ теченіи года и одной ночи послѣ публикаціи, или въ то самое засѣданіе, въ которое послѣдуетъ третье объявленіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ засѣданіе бываетъ только единожды въ году, то покупщику выдается отъ суда крѣпостный актъ. При семъ требуется, чтобы продавецъ въ лучшемъ

сознаемъ въ судѣ удостовѣрилъ получеіе слѣдующей за покупку суммы.—По законамъ датскимъ, независимо отъ внесенія акта въ публичныя реестры, установлены вводи во владѣніе и отказъ (скіода). По законамъ прусскимъ акты должны быть вносимы въ ипотечныя реестры; но переходъ права собственности выражается вводомъ во владѣніе или традиціей (*).

Приведенныя нами различія законодательныхъ постановленій европейскихъ народовъ о договорѣ купли—продажи могутъ быть выражены такъ: по законамъ французскимъ право собственности переходитъ отъ продавца къ покупщику на основаніи одной заключенной между ними сдѣлки, независимо отъ передачи вещи и слѣдующаго за нею владѣнія покупщика; по законамъ другихъ государствъ, для дополненія сдѣлки нужно владѣніе предметомъ продажи, начавшееся при участіи общественной власти въ запискѣ акта въ публичныя реестры (въ Австріи), содѣйствіи той же общественной власти въ исполненіи обряда ввода во владѣніе (въ Даніи и Пруссіи), или въ оглашеніи перехода права, составляющемъ какъ бы фикцію ввода во владѣніе (въ Швеціи).

Всякое право собственности имѣеть двоякую сторону: во первыхъ представителемъ его можетъ быть только лицо физическое или юридическое, почему для отчужденія его необходима заключающая въ себѣ законныя принадлежности воля лица собственника; во вторыхъ, другою стороною своею это право обращено къ лицамъ физическимъ и юридическимъ, чуждымъ заключенной, по нашему предположенію, сдѣлкѣ, и къ цѣлому обществу. На имущество составляющее предметъ сдѣлки, кромѣ продавца его могутъ имѣть полное или неполное право собственности другія лица, для которыхъ окончательное утвержденіе продажи, безъ предоставленія имъ возможности узнать о совершившейся сдѣлкѣ и объявить споръ, должно казаться нарушеніемъ ихъ правъ. Владѣніе имѣніемъ на правѣ собствен-

(*) Beseler System des gemeinen deutschen Privatrechts.

ности служить основаніемъ кредита; оно принимается за одно изъ условій при опредѣленіи политическихъ правъ гражданъ, и наконецъ существуютъ нѣкоторые роды имущества, обладаніе которыми, въ видахъ государственныхъ, предоставляется только извѣстнымъ сословіямъ. Вотъ точки, которыми право частной собственности входитъ въ области отношеній общественныхъ и государственныхъ.

Такой двойственный характеръ права собственности не можетъ остаться незамѣченнымъ и въ существующихъ опредѣленіяхъ европейскихъ законодательствъ о договорѣ купли—продажи. Французское право преимущественно имѣетъ въ виду сдѣлку, какъ отношеніе, установленное согласно волею договаривающихся сторонъ; въ постановленіяхъ же другихъ народовъ главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе законодательной власти та сторона сдѣлки, которою она обращена къ обществу.

Слѣдуя этимъ послѣднимъ постановленіямъ, въ нихъ нельзя не различить двухъ моментовъ купли—продажи: во первыхъ продавецъ и покущикъ заключаютъ между собою сдѣлку, которая должна быть записана въ нотаріальныя книги, и во вторыхъ запискою въ публичныя реестры, формальнымъ опубликованіемъ въ судѣ и вводомъ во владѣніе сдѣлкѣ, сообщается видимость для всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы знать о ней и предъявить свой споръ. Она оглашается.

Въ теоріи купли—продажи особенно важенъ въ практическомъ отношеніи моментъ, который призывается, по смыслу законовъ, за начало перехода права собственности, и тѣ логическіе выводы, которые слѣдуютъ изъ этого опредѣленія права. Если письменная сдѣлка, заключенная сторонами, представляетъ окончательный актъ продажи, какъ во французскомъ законодательствѣ, и если, при существованіи всѣхъ необходимыхъ законныхъ принадлежностей этой сдѣлки, касающихся участвующихъ лицъ, предмета и цѣны продажи, не требуется для до-

полненія ея, ни какихъ другихъ дѣйствій, то продавца тотчасъ послѣ подписанія сдѣлки или по истеченіи срока, назначеннаго имъ на выдачу покупщику продавной вещи, слѣдуетъ считать отказавшимся отъ принадлежащихъ ему правъ на отчужденное имѣніе и предоставившимъ разъ на всегда покупщику принять его въ свое владѣніе. Но можетъ случиться, что покупщикъ по какимъ-либо причинамъ не начиналъ владѣнія, а между тѣмъ продавецъ продолжаетъ удерживать у себя предметъ сдѣлки, и наконецъ послѣдній, безъ участія покупщика, переходитъ къ третьему лицу вслѣдствіе какого-нибудь новаго юридическаго отношенія, или по самовольному и насильственному завладѣнію. При всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ существо пріобрѣтеннаго покупщикомъ права собственности остается неизмѣннымъ, и, какъ ничѣмъ не уничтоженное и не ограниченное, оно восстанавливается общественною властію, по желанію собственника, противъ всякаго незаконнаго владѣльца. передачею имущества по принадлежности, если только покупщикомъ не пропущенъ давностный срокъ.

Право на доходы, полученные изъ имѣнія послѣ совершенія акта, принадлежитъ покупщику, такъ какъ слѣдуя излагаемому нами взгляду, только онъ одинъ и признается владѣльцемъ вещи въ юридическомъ смыслѣ. Равнымъ образомъ онъ какъ собственникъ же, не можетъ требовать отъ продавца никакого вознагражденія въ томъ случаѣ, когда вещь, находясь во владѣніи послѣдняго, утратится по причинамъ отъ него независящимъ. Если бы случилось, что проданное имущество, до поступленія во владѣніе покупщика, продано или инымъ образомъ уступлено третьему лицу, то право собственности на это имущество принадлежитъ первому покупщику, не взирая на то, что новый пріобрѣтатель уже могъ начать имъ владѣть.

Сейчасъ изложенные нами выводы могутъ имѣть практическое значеніе только въ отношеніи купли-продажи по французскимъ законамъ. Но взглядъ послѣднихъ на сдѣлку, заключаемую сторонами, какъ на совершенный способъ пріобрѣтенія

права собственности, не раздѣляется закоподательствами другихъ народовъ. По началамъ принятымъ въ сихъ послѣднихъ, моментомъ перехода права собственности признается официальное оглашеніе продажи или вводъ во владѣніе покупателя. Какъ же этимъ окончательнымъ дѣйствіемъ укрѣпленія вотчинныхъ правъ вездѣ предшествуетъ заключеніе домашнихъ сдѣлокъ, и записка послѣднихъ въ нотаріальныя книги, то спрашивается: какое юридическое значеніе принадлежитъ подобнымъ договорамъ, и въ особенности тѣмъ ихъ нхъ, которые при запискѣ въ книги получили официальное удостовѣреніе? Пока подобныя сдѣлки касаются только лицъ, ихъ заключившихъ, и отношеній, установленныхъ ими между продавцомъ и покупщикомъ, и имѣть въ виду протеста третьяго лица о нарушении продажею его правъ, то возможно даже и съ точки зрѣнія не французскаго права, признавать, выраженное въ этихъ сдѣлкахъ дозволеніе со стороны продавца покупщику вступить во владѣніе отчужденнымъ имѣніемъ за рѣшительное и безвозвратное. На этомъ основаніи покупатель, невладѣвшій купленою вещью при самомъ заключеніи сдѣлки или тотчасъ по совершеніи акта, имѣетъ право требовать передачи и можетъ получить вещь въ свое обладаніе, при содѣйствіи общественной власти, хотя бы на это не было согласія продавца. Но это общее условіе сдѣлокъ по французскому праву и законодательствамъ другихъ европейскихъ народовъ тотчасъ теряетъ свое значеніе, какъ скоро понятіе заключеннаго между продавцомъ и покупщикомъ договора встрѣчается съ фактомъ владѣнія или распоряженія отчужденнымъ имѣніемъ продавца, или притязаніями, объявленными посторонними сдѣлкѣ лицами. Тогда умоключающая мысль, отираваясь отъ указанныхъ нами различій въ опредѣленіяхъ права о сдѣлкахъ купли—продажи, должна придти къ выводамъ, взаимно противоположнымъ въ практическомъ отношеніи. Такъ, слѣдуя тому понятію, что право собственности переходитъ по оглашеніи продажи или послѣ ввода во владѣніе, покупателя нельзя признавать ни собственникомъ, ни вла-

дѣльцемъ имѣнія до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ исполненіе этихъ необходимыхъ по закону дѣйствій. Какъ несобственника, законъ не обязываетъ покупателя принимать на свой рискъ утрату купленной имъ вещи, если бы она послѣдовала въ то время, когда этою вещью продолжалъ владѣть продавецъ, или, по дозволенію его, кто-нибудь другой. Слѣдовательно съ подобною утратою купленной вещи открывается для покупателя право требовать отъ продавца возвращенія полученной имъ цѣны уничтожившагося имущества. Какъ невладѣлецъ проданнаго имущества, покупатель не можетъ имѣть никакого притязанія на полученные изъ имѣнія доходы, которые принадлежатъ продавцу, продолжавшему владѣть вещью на тѣхъ же основаніяхъ права, которыя существовали и до заключенія сдѣлки. Случай послѣдовательной продажи собственникомъ принадлежащей ему вещи двумъ различнымъ лицамъ разрѣшается по этой теоріи въ пользу того покупателя, сдѣлкѣ котораго сообщено необходимое дополненіе: иптабулація—по австрійскимъ законамъ, традиція по прусскимъ, скіода по датскимъ, хотя бы по времени заключенія эта сдѣлка была и позднѣйшею. Если покупатель, до исполненія дѣйствія окончательнаго укрѣпленія пріобрѣтеннаго имъ имѣнія, не считается собственникомъ, то третьи лица, объявившія въ это время согласныя съ закономъ притязанія къ имѣнію, не могутъ встрѣчать препятствія къ ихъ удовлетворенію.

Въ виду сейчасъ указаннаго нами различія купли—продажи по французскому праву и по законамъ другихъ европейскихъ народовъ, мы не должны забывать, что пространство дѣйствія Code Napoléon не ограничивается предѣлами одной Франціи, но еще заключаетъ въ себѣ государства, подчинившіяся, подъ вліяніемъ политическихъ событій начала XIX столѣтія, этому законодательству, и въ послѣдствіи его усвоившія. Съ этой точки зрѣнія пушля-продажа по французскому праву, какъ договоръ частныхъ лицъ о правѣ имъ принадлежащемъ и общественный характеръ этой сдѣлки въ германскомъ правѣ

другихъ европейскихъ народовъ, безспорно составляютъ и по существу ихъ особенностей, и по пространству практическаго примѣненія, два главные воззрѣнія европейскихъ народовъ на настоящій предметъ. Предпосылая нашему трактату о сдѣлкахъ по отчужденію права собственности и о юридическомъ значеніи сопутствующаго имъ перехода владѣнія по русскому праву характеристику опредѣлений европейскихъ законодательствъ о куплѣ-продажѣ, мы вмѣемъ въ виду тѣ сближенія и выводы, для которыхъ могутъ послужить основаніемъ единство предмета указанныхъ нами постановленій и ихъ видовыя отличія. Но будучи при этомъ далеки отъ желанія доискиваться въ которомъ либо изъ обрядовъ укрѣпленія имѣній характера абсолютной правильности, мы напротивъ убѣждены въ томъ, что подобный взглядъ не соответствовалъ бы существу дѣла. Не только два главные воззрѣнія европейскихъ законодательствъ на сдѣлку купли-продажи, но и всѣ частныя опредѣленія права, касающіяся настоящаго предмета, находятся, по нашему мнѣнію въ связи съ мѣстными экономическими и административными условіями страны, и составляютъ достояніе народа и его исторіи. Отрѣшенные отъ условій времени и мѣста, они потеряли бы свой живой смыслъ, а перенесенныя въ среду чуждаго имъ юридическаго быта, едва ли найдутъ тамъ готовыми тѣ пружины, отъ которыхъ зависятъ стройность и гармонія въ ихъ примѣненіи. Вотъ почему опытъ исторіи и соображеніе общаго смысла на сторонѣ тѣхъ преобразованій, которыя имѣютъ своею задачею достигать совершенства, не разрушая, но улучшая существующія учрежденія. Въ научномъ отношеніи противный этому взглядъ, увлекая правовѣдѣніе въ область догматическаго изученія права и бесполезныхъ для дѣла диспутовъ по поводу абстрактныхъ воззрѣній, враждебенъ духу изысканія, между тѣмъ какъ изслѣдованіе особенностей народнаго воззрѣнія въ связи съ историческимъ развитіемъ юридическаго быта народа и причинъ, обуславливавшихъ его направленіе, должно и мо-

жетъ сообщить разсматриваемому нами институту его живую физиогномію.

Но отказываясь отъ оцѣнки достоинствъ существующихъ обрядовъ укрѣпленія права собственности въ отвлеченномъ ихъ смыслѣ, мы при сличеніи двухъ названныхъ нами главными возрѣній французскаго и германскаго права на сдѣлку купли-продажи, не можемъ не замѣтить, что, при общемъ въ настоящее время убѣжденіи европейскихъ народовъ въ необходимости, для благоустройства обществъ, правильно образованной протечной системы, участіе общества въ установленіи права собственности представляется единственно вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли, и что французское законодательство съ его опредѣленіями о куплѣ-продажѣ, оставившими въ сторонѣ общественный характеръ собственности, много уступаетъ въ этомъ отношеніи другимъ европейскимъ законодательствамъ. Вполнѣ сочувствуя историческому и практическому изслѣдованію названнаго нами предмета, мы съ большимъ удовольствіемъ остановились на отпечатанной въ прошедшемъ году въ *Revue critique de législation et de jurisprudence* статьѣ Aubepin: *Origines et progrès en France du droit coutumier féodal et privé sur la nature des ventes, échanges et promesses de vente*. Статья эта, соединяя въ краткомъ объемѣ весьма полное и отчетливое изложеніе движенія законодательства въ разсматриваемой авторомъ отрасли права, начиная съ первыхъ извѣстныхъ сборниковъ законовъ народовъ германскихъ до XVIII-го столѣтія включительно, весьма наглядно представляетъ главнѣйшіе фазисы въ исторіи купли-продажи. Нѣкоторыя изъ историческихъ явленій, указываемыхъ въ этой области права, самъ авторъ называетъ общими законодательствамъ другихъ европейскихъ народовъ; другимъ же приводимымъ авторомъ опредѣленіямъ права хотя и принадлежитъ своя національная физиогномія, но какъ они несутъ на себѣ тѣ черты, изъ которыхъ составляется сущность европейской цивилизаціи, то имъ также не можетъ быть вполнѣ чуждо значеніе въ историческомъ взглядѣ

на договоръ купли-продажи по русскому праву, что мы въ послѣдствіи и увидимъ при обзорѣ постановленій русскаго законодательства, относящихся къ настоящему предмету.

Глядя съ этой точки зрѣнія на исторію законодательства европейскихъ народовъ, мы считаемъ небезполезнымъ предпо-
слать нашему труду изложеніе главнѣйшихъ положеній, вы-
сказанныхъ въ статьѣ Ауберіа изъ исторіи французскаго за-
конодательства о договорахъ купли-продажи:

1.) Въ юридическомъ быту обществъ новыхъ на неприящѣ исторіи замѣчается стремленіе давать совершенію актовъ о пере-
ходѣ права собственности публичность, которая бы доста-
вляла имъ общественную санкцію, и торжественность, способ-
ную утвердить событіе въ памяти людей.

2.) По преданіямъ германскаго права, продажа совер-
шалась въ присутствіи собранія общины или отдѣльныхъ фи-
зическихъ лицъ; представителей общественной власти, посред-
ствомъ символической передачи знака вмѣсто проданной вещи.
Непосредственно за тѣмъ слѣдовало вступленіе покушника во
владѣніе купленнымъ имуществомъ.

3.) Одна передача вещи сама по себѣ еще недостаточна
для сообщенія права собственности, и должна быть восполнена
владѣніемъ имуществомъ въ теченіи года, и потому изъ двухъ
пріобрѣтателей, послѣдовательно получившихъ передачу одной
и той же вещи, тотъ сохраняетъ право собственности, кто про-
владѣлъ одинъ годъ.

4.) Въ возникающихъ обществахъ, гдѣ всякое удостовѣ-
реніе заключается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, доказатель-
ствѣ, по самой природѣ своей, невѣрномъ и скоропроходящемъ,
владѣніе есть лучшее доказательство права собственности.

5.) При господствѣ во Франціи феодальныхъ отношеній,
вотчинныя права по леннымъ имѣніямъ принадлежали сузере-
намъ, которые уступали ихъ подчиненнымъ имъ вассаламъ. Со-
образно этому началу, всякая продажа подобныхъ имѣній воз-

можно была только при посредствѣ главнаго собственника. Установившійся, при такихъ условіяхъ юридическаго быта, обрядъ совершенія сдѣлки о куплѣ-продажѣ заключается въ томъ, что продавецъ посредствомъ символическихъ знаковъ передавалъ сузерену, въ присутствіи его свиты, свое владѣніе, а послѣдній въ тоже время и посредствомъ такихъ же знаковъ усваивалъ его покупщику (*Saisine, dessaisine*). Причемъ переходъ владѣнія считался совершившимся тотчасъ по исполненіи обряда купли-продажи, и не требовалось фактическаго владѣнія для утвержденія сдѣлки.

6.) Одновременно съ господствомъ этихъ началъ въ правоотношеніяхъ по поводу имущества, находившихся въ ленной зависимости, къ куплѣ и продажѣ свободной или аллодіальной собственности примѣнялись первобытныя германскія воззрѣнія.

7.) Символическая передача и сопутствовавшая ей торжественность въ совершеніи обряда купли-продажи, въ теченіи XIII, XIV и XV столѣтій, мало по малу утрачивали свое первобытное германское значеніе.

8.) По мѣрѣ ослабленія феодальнаго принципа ленные владѣльцы пріобрѣтали большую и большую возможность отчуждать принадлежавшія имъ имѣнія безъ согласія сузерена, и наконецъ въ XV вѣкѣ выработалось относительно этихъ имѣній начало: *ne prend saisine qui ne veut*, хотя въ тоже время господствовалъ и другой принципъ, что продажа леннаго имѣнія не считается совершенною до тѣхъ поръ, пока не уплачены сузерену пошлины за переходъ владѣнія.

9.) Результатомъ предшествовавшаго движенія законодательства было то, что владѣніе предметомъ продажи въ теченіи года потеряло свое значеніе, какъ дополненіе заключенной сдѣлки.

10.) Начиная съ XV и въ теченіи XVI, XVII и XVIII столѣтій въ области обычнаго права и въ сочиненіяхъ законовѣдцевъ замѣчается борьба двухъ взглядовъ на договоры купли-

продажи. Слѣдуя одному изъ нихъ, полагали, что акты, написанные нотаріусомъ, и утвержденные подписомъ представителя общественной власти и приложеніемъ печати съ употребленіемъ словъ отреченія продавца отъ своего имущества (*dessaisine*) выражаютъ совершенный переходъ права собственности, а по другому такое значеніе приписывали только тѣмъ договорамъ, которые совершены съ дѣйствительнымъ соблюденіемъ обрядовъ *dessaisine*,—требуя въ противномъ случаѣ отъ покупателя, для приобрѣтенія права собственности, фактическаго владѣнія. Первый изъ этихъ взглядовъ торжествовалъ, представляя собою ту выгоду въ финансовомъ отношеніи, что вниманіе пошлинъ за переходъ владѣнія соединялось съ самымъ написаніемъ акта.

11.) Въ то время, какъ въ провинціяхъ, въ которыхъ дѣйствовало римское право, принималось римское опредѣленіе купли-продажи, какъ мѣны вещественной цѣнности на монетные знаки, въ сферѣ обычнаго права утвердилось воззрѣніе, что купля-продажа есть договоръ о размѣнѣ вещи на всякаго рода вещь съ оцѣнкою, выраженною въ денежныхъ единицахъ. Такимъ образомъ достигалась цѣль отнять у договаривающихся сторонъ возможность скрывать дѣйствительную сущность заключенныхъ ими сдѣлокъ купли-продажи и избѣгать тѣмъ уплаты пошлинъ.

Въ русскомъ законодательствѣ мы не встрѣчаемъ опредѣленій, въ которыхъ бы съ желаемою полнотою было выражено начало, которому оно слѣдуетъ въ своихъ постановленіяхъ о разсматриваемомъ нами предметѣ. Полнота и отчетливость воззрѣній обыкновенно сопутствуютъ теоретической обработкѣ предмета, а наше законодательство еще не заняло почетнаго мѣста среди тѣхъ передовыхъ законодательствъ, въ которыхъ вся система постановленій представляется развитіемъ научно опредѣленныхъ и уясненныхъ началъ. Оставаясь въ большей или меньшей степени законодательствомъ случаевъ, или сборникомъ образовавшихся историческимъ путемъ постановленій, нашъ сводъ законовъ во многихъ случаяхъ даетъ отвѣты на вопросы

права только при сведеніи отдѣльныхъ статей изъ подѣ различныхъ его рубрикъ, грамматическомъ, историческомъ и логическомъ изясненіи выраженной въ нихъ мысли. Неточность въ пѣ которыхъ случаяхъ редакціи, не совѣтъ ясная связь отдѣльныхъ постановленій какъ причины и слѣдствія, иногда неизвѣстность момента возникновенія и характера практическаго примѣненія закона, замѣнившаго собою предшествовавшее ему опредѣленіе права, въ особенности, если дѣло идетъ о постановленіяхъ, уставахъ и пѣльныхъ законодательствахъ, раздѣленныхъ между собою десятками и сотнями дѣтъ, составляютъ препятствія, встрѣчаемыя на пути къ отчетливому уясненію мысли русскаго законодательства въ отношеніи къ занимающему насъ предмету, задачѣ, которая въ настоящее время далеко не можетъ быть названа рѣшенною.

Поэтому, всякое теоретическое изложеніе договоровъ о переходѣ права собственности, въ связи съ исторіею этого предмета и практикой его, заслуживаетъ полной благодарности. Съ такимъ чувствомъ мы встрѣтили тѣ страницы въ статьѣ Мейера о правѣ собственности по русскому праву (*), въ которыхъ почтенный профессоръ трактуетъ о передачѣ, какъ одномъ изъ способовъ приобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія, и приводимъ слова автора, послужившія исходною точкою и поводомъ къ тѣмъ разсужденіямъ о разсматриваемомъ имъ предметѣ, которыя мы намѣрены изложить въ настоящей статьѣ.

«Договоры на практикѣ иногда признаются способами приобрѣтенія права собственности, тогда какъ, по существу своему и по смыслу законодательства, купля-продажа вовсе не способъ приобрѣтенія права собственности, и, заключивъ договоръ купли-продажи, покупатель еще не въ правѣ считать себя собственникомъ вещи. Не рѣдко случается, что вслѣдствіе такого смѣшенія права собственности съ способами приобрѣтенія другихъ правъ, процессъ получаетъ ложное направленіе и ложное зна-

(*) Жур. Мин. Нар. Прос. 1859 г.

ченіе. Бываетъ напримѣръ, что покупатель, не получая купленной имъ вещи, открываетъ противъ продавца искъ о правѣ собственности, тогда какъ онъ въ правѣ требовать отъ продавца только вознагражденія за убытки, понесенные имъ отъ несоблюденія договора, но не самую вещь, находящуюся въ рукахъ продавца.

«При передачѣ въ смыслѣ способа приобрѣтенія права собственности представляются: 1, лицо, передающее право собственности, 2 лицо, приобрѣтающее это право, 3, законное основаніе (*justus titulus*), по которому передача составляетъ переходъ права собственности и 4, самый актъ передачи, состоящій въ переходѣ владѣнія отъ одного лица къ другому. Передача права собственности всегда исходитъ изъ одной только сдѣлки, или общѣ, изъ какого-либо юридическаго отношенія. Эта-то сдѣлка и есть законное основаніе передачи. У насъ оно не рѣдко принимается даже за самый способъ приобрѣтенія права собственности, но несправедливо: законное основаніе передачи устанавливаетъ лишь право на передачу, а передача уже составляетъ способъ приобрѣтенія права собственности. Обращаясь къ самому акту передачи, состоящему въ переходѣ владѣнія изъ рукъ одного лица въ руки другаго, мы находимъ, что въ иныхъ случаяхъ этотъ актъ дѣйствительно совершается, въ иныхъ же нѣтъ, а только подразумѣвается. Очень часто вещь на самомъ дѣлѣ не передается приобрѣтателю, а право собственности все таки считается приобрѣтеннымъ, отошедшимъ отъ прежняго хозяина и именно по передачѣ. Такая подразумѣваемая передача представляется: во первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда передача составляетъ до такой степени непосредственное, необходимое послѣдствіе сдѣлки, на основаніи которой должна произойти передача, что она, какъ слѣдствіе, подразумѣвается, сама собою, хотя бы и не была совершена на самомъ дѣлѣ. Напримѣръ, такіе случаи встрѣчаются при покупкѣ движимаго имѣнія: очень нерѣдко бываетъ, что заключается договоръ купли-продажи; покупатель

уплачиваетъ продажную цѣну, но купленная вещь остается пока въ рукахъ продавца, а все таки считается уже собственностію покупателя. Во вторыхъ, случаи подразумѣваемой передачи представляются тогда, когда пріобрѣтателю права собственности передается не самая вещь, а знакъ ея, представитель. Напримѣръ въ торговомъ быту передача фактуры (вѣдомости о товарѣ) замѣняетъ передачу самого товара. Или напримѣръ, въ торговомъ быту не рѣдко бываетъ, что передается не самый товаръ, а ключъ отъ амбара, или вообще помещенія, въ которомъ находится товаръ, и передача ключа считается передачею самого товара. Такая передача знака вмѣсто передачи самой вещи есть остатокъ древней символической передачи, которая въ особенности имѣла мѣсто относительно имущества недвижимыхъ; напримѣръ въ нашемъ древнемъ юридическомъ быту передача глыбы земли считалась передачею земельного участка. Эти-то случаи подразумѣваемой передачи въ особенности внушаютъ нерѣдко мысль, что право собственности пріобрѣтается, независимо отъ передачи, на основаніи самой сдѣлки; но это несправедливо, а именно передача устанавливаетъ переходъ права собственности, только что не всегда она совершается на дѣлѣ, и во многихъ случаяхъ лишь подразумѣвается. Передача имущества недвижимаго состоитъ въ томъ, что лицо, пріобрѣтающее право собственности, поставляется въ возможность владѣть имуществомъ: самую вещь нельзя передать въ его руки, она остается недвижимою, но лицо придвигается къ вещи, тогда какъ лицо, передающее право собственности, отдаляется отъ нея. Очень удачно поэтому передача недвижимаго имущества называется вводомъ во владѣніе. «Независимо отъ ввода во владѣніе, законодательство упоминаетъ еще объ отказѣ, какъ учрежденіи, которымъ дополняется передача недвижимаго имущества. Законодательство опредѣляетъ именно, что по вводѣ во владѣніе, судебное мѣсто, по распоряженію котораго онъ произведенъ, выставляетъ на дверяхъ своихъ объявленіе о вводѣ, приглашая всѣхъ лицъ, имѣ-

ющихъ на то право, въ теченіи двухъ лѣтъ предъявить споръ противъ новаго собственника; по истеченіи же двухлѣтняго срока, дѣлаеть распоряженіе объ отказѣ, точно также, какъ дѣлаеть распоряженіе о вводѣ во владѣніе, т. е. предписываетъ объ отказѣ подлежащему полицейскому мѣсту, члены котораго въ самомъ недвижимомъ имуществѣ совершаютъ актъ объ отказѣ, и затѣмъ уже, по опредѣленію законодательства, всякій споръ о прибрѣтенномъ правѣ собственности устраняется. На дѣлѣ однакожь выходитъ, что отказъ не устраняетъ спора по прибрѣтенному праву собственности, потому что сверхъ давности, представляющей при отказѣ, наше законодательство устанавливаетъ еще давность десятилѣтнюю, и только истеченіе срока этой давности, при извѣстныхъ условіяхъ, устраняетъ споръ объ имущественныхъ правахъ вообще, и въ частности о правѣ собственности».

«Такимъ образомъ отказъ не представляетъ непосредственнаго практическаго значенія. Учрежденіе отказа дошло до насъ изъ древняго права, которое разумѣло подъ отказомъ актъ, предоставлявшій недвижимое имущество власти лица, уже владѣвшаго имъ фактически, безъ права или по праву, но не по праву собственности. Такъ обыкновенно совершался отказъ тогда, когда помѣстье по смерти отца справлялось за его дѣтти, или когда помѣстье лица обращалось ему въ вотчину. Слѣдовательно отказъ въ древнемъ русскомъ правѣ имѣлъ значеніе, если не тождественное, то близкое къ нынѣшнему вводу во владѣніе. Но когда помѣстья слились съ вотчинами, отказъ уже не могъ имѣть мѣста, и оказался лишнимъ, какъ и принимаетъ его современная юридическая практика. Между тѣмъ законодательство все таки хотѣло сохранить учрежденіе отказа, и вотъ, подмѣтивъ въ немъ ту сторону, что отказъ относится къ владѣнію уже готовому, оно придало ему значеніе акта, которымъ окончательно укрѣпляется за лицомъ право собственности и устраняется всякій споръ о правѣ; на дѣлѣ однако споръ и при томъ успѣшный споръ о правѣ собственности воз-

можетъ и по совершеніи отказа, и если случится иногда въ судебной практикѣ, что выводится на сцену отказъ, какъ актъ, устраняющій всякій споръ о правѣ собственности лица на его недвижимое имущество, то это дѣлается всегда по вліянію какаго-нибудь юриста-крючка, который думаетъ извлечь пользу для себя или отстаиваемой имъ стороны изъ существованія учрежденія въ законодательствѣ, но такая посылка въ нашей практикѣ считается низкою недобросовѣстностью и рѣдко бываетъ удачна».

Отдавая полную справедливость приведеннымъ нами словамъ автора, какъ замѣчательному опыту въ нашей юридической литературѣ теоріи договора купли-продажи, мы остановимъ наше вниманіе на тѣхъ практическихъ выводахъ: а) что погупщикъ, не получившій купленной имъ вещи, въ правѣ требовать отъ продавца только вознагражденія за убытки, понесенные имъ отъ несоблюденія договора, но не самую вещь, и б) что отказъ, а еще менѣе вводъ во владѣніе не устраняютъ спора по приобретенному праву собственности, и что право на предъявленіе такого спора теряется только по истеченіи десятилѣтней давности. Отличіе этихъ положеній отъ тѣхъ понятій, которыя мы приобретаемъ изъ чтенія свода и наблюденія практики гражданского судпроизводства, слишкомъ рѣзко для того, чтобы не быть замѣченнымъ съ перваго раза всѣми тѣми, кому не совершенно чуждо знаніе русскаго права. Но выводить изъ этого рѣшительное заключеніе о совершенной ошибочности положеній Мейера значило бы дѣйствовать слишкомъ опрометчиво, забывая то различіе внутренняго содержанія теоретическихъ выводовъ въ области права и опредѣленій положительныхъ законовъ, которое не можетъ не имѣть вліянія на свойство ихъ результатовъ, въ особенности тамъ, гдѣ развитіе законодательства и науки права не шли параллельно другъ другу.

Отвѣтъ на это мы находимъ въ запискѣ составителя свода законовъ російскихъ, графа Сперанскаго «о содержаніи и

расположеніи свода» (*), гдѣ онъ говоритъ, что «сводъ есть вѣрнее изображеніе того, что есть въ законахъ, но онъ не есть ни дополненіе ихъ, ни толкованіе. При подробномъ разсмотрѣніи статей, легко можно замѣтить множество случаевъ, законами нашими необъятыхъ и не опредѣленныхъ». Далѣе графъ Сперанскій дѣлаетъ примѣчаніе: «есть два рода противорѣчій: одни въ законѣ, а другія въ самыхъ началахъ, на коихъ онъ основанъ.—Первыя ихъ въ сводѣ соглашены и подведены подъ одинъ законъ единообразный, но въ основаніи сего самаго закона можетъ быть противорѣчіе». Конечно, совсѣмъ другія свойства матеріала, надъ которымъ трудится ученое изслѣдованіе. Не ограничиваясь кругомъ однихъ дѣйствующихъ законовъ и послѣдними оффиціальными ихъ сборниками, теоретикъ законовѣдъ имѣетъ дѣло со всѣми законодательными памятниками народа, которымъ теперь принадлежитъ одно историческое существованіе. И въ тоже время, дополняя основанные на нихъ выводы изученіемъ обычаевъ судебной практики и общими свѣдѣніями о государственномъ и общественномъ бытѣ страны, онъ, при встрѣчѣ съ непобѣдимой для него во всеоружіи знанія отечественныхъ памятниковъ темнотою и неопредѣленною отдѣльныхъ законодательныхъ постановленій, въ полной мѣрѣ можетъ пользоваться аналогическими сужденіями на основаніи законодательствъ другихъ народовъ, и при, помощи сихъ послѣднихъ, закончивать или давать направленіе, сообразно существу дѣла, своимъ выводамъ, касающимся изслѣдуемаго имъ предмета. Понятно, что область теоретическаго изслѣдованія шире свода. Если возможно, что послѣдній, представляя результатъ историческаго движенія законодательства до послѣдняго времени, заключаетъ въ себѣ опредѣленія, взаимно чуждыя внутренней связи, и даже противорѣчація началамъ, выраженнымъ въ другихъ статьяхъ свода, и неполучившимъ окончательнаго развитія потому только, что по причинамъ чи-

(*) Архивъ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи Калачова 1839 г.

этой случайности, практика не представляла еще къ разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ соответствующихъ имъ казусовъ, или что развитію ихъ препятствовало принятіе законодательствомъ чуждыхъ ему и недостаточно ассимилированныхъ началъ; то непростительно для теоретика—законовѣда принимать за точку отправления въ своихъ построенияхъ одно изъ началъ, другъ другу противорѣчащихъ. Всякая же попытка съ его стороны согласить встрѣчаемое имъ противорѣчіе постановленій естественнымъ своимъ послѣдствіемъ должна имѣть выводы, отличные отъ тѣхъ, которые слѣдуютъ по буквальному смыслу опредѣлений дѣйствующаго законодательства. Ученое изложеніе предметовъ права, занимаясь въ этомъ смыслѣ не только разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что есть, и предполагая послѣднее извѣстнымъ изъ официальныхъ источниковъ, дѣйствующихъ законовъ, трактуетъ болѣе о томъ, что должно быть. Итъ сомнѣнія, что подобныя теоретическія воззрѣнія, даже при встрѣчающемся несогласіи ихъ съ постановленіями дѣйствующихъ законовъ, очень важны для судебной практики, которая, тѣмъ неменѣе, можетъ находить въ нихъ полезныя указанія и совѣты для разрѣшенія отдѣльныхъ случаевъ. Но назначеніе практики быть полнѣйшимъ и точнѣйшимъ олицетвореніемъ дѣйствующихъ законовъ. Посему, получая главнымъ образомъ направленіе отъ сихъ послѣднихъ, и даже отъ буквы въ ихъ изложеніи, практика, съ своей стороны, вмѣстѣ съ опредѣленіями дѣйствующаго положительнаго закона, какъ ближайшею ей причиною, должна составлять необходимую антитезу къ теоретической разработкѣ русскаго права.

Отправляясь отъ высказанныхъ профессоромъ Мейеромъ положеній: а) о необходимости владѣнія покупщика для дополненія сдѣлки объ уступкѣ права собственности и б) о возможности успѣшнаго иска по истеченіи 2-хъ лѣтъ со дня объявленія о продажѣ, мы рассмотримъ относящіеся къ настоящему предмету постановленія свода, въ связи съ примѣненіемъ ихъ

на практикѣ, войдемъ далѣе въ разсмотрѣніе взглядовъ на сдѣлку купли-продажи, которымъ слѣдовали уложеніе и послѣдующія узаконенія до настоящаго времени, и въ заключеніе постараемся сдѣлать нѣкоторыя сближенія между опредѣленіями русскаго права и тѣми понятіями о договорѣ купли-продажи, которыя представляютъ намъ законодательства европейскихъ народовъ и исторія французскаго права.

Статья 1513 I ч. 10 т. Св. Зак. постановляетъ, «что если продавецъ взялъ съ покупщика задатокъ или все деньги, а потомъ проданныхъ вещей отдавать не будетъ, видя въ цѣнѣ возвышеніе, то къ такой отдачѣ принуждается судомъ и притомъ по условленной цѣнѣ, а не по возвысившейся», а въ статьѣ 1524 той же части 10 т. Св. Зак. говорится, «что буде, въ теченіи двухъ лѣтъ со дня прибитія къ судейскимъ дверямъ листа и опубликованія въ вѣдомостяхъ, никто не явится для спора, то всякій споръ о купчей не долженъ имѣть мѣста». Объявленіе у дверей прибываетъ на основаніи 927 ст. I ч. 10 т. Св. Зак. одновременно съ посылкою полицейскому мѣсту предписанія о вводѣ покупщика во владѣніе по акту, а публикація о продажѣ производится, на основаніи 761 ст., тотчасъ по совершеніи купчей крѣпости.

Странно было бы утверждать, чтобы на практикѣ, при разрѣшеніи возникающихъ вопросовъ о силѣ договора купли-продажи, совершеннаго крѣпостнымъ порядкомъ, совсѣмъ не было уклоненій отъ всѣми принятыхъ и однообразно понимаемыхъ какихъ-либо началъ въ этомъ отношеніи. Но минуя подобныя случайности, намъ кажется трудно допустить, чтобы, при очевидной опредѣленности сей часъ приведенныхъ постановленій, практика слѣдовала инымъ и диаметрально противоположнымъ имъ посылкамъ. Дѣйствительно, сколько намъ извѣстно, установленныя этими статьями начала окончательнаго приобрѣтенія права собственности по купчей, совершенной у крѣпостныхъ дѣлъ, и безспорности этого права послѣ двухъ лѣтъ со

дня объявленія о продажѣ, исполняются на практикѣ, если и не во всей строгости, то съ исключеніями крайне рѣдкими. Скажемъ больше, — практика въ примѣненіи перваго изъ высказанныхъ началъ къ отдѣльнымъ случаямъ юридической дѣйствительности идетъ еще далѣе того опредѣленія, на которомъ установилась редакція 1513 ст. Такъ, принимая за неизмѣнное правило, что по купчимъ, законно-совершеннымъ, слѣдуетъ вводить во владѣніе покупателя въ теченіи 10 лѣтъ отъ совершенія акта, въ которыя проданное имѣніе могло находиться во владѣніи продавца или другаго лица безъ равносильнаго укрѣпленія, судебныя мѣста вводятъ во владѣніе покупателя и въ томъ случаѣ, когда по совершеніи акта, но до ввода во владѣніе, окажется наложеннымъ запрещеніе на проданное имѣніе. Если это запрещеніе наложено по спору о самомъ имуществѣ, то переходъ его къ новому владѣльцу, по смыслу дѣйствующихъ законовъ (ст. 1392 ч. I-ой 10 т. св. зак.), нисколько не можетъ воспрепятствовать возвращенію, по рѣшеніи дѣла, спорнаго имѣнія законному владѣльцу, и потому въ настоящемъ случаѣ для судебныхъ мѣстъ нѣтъ основанія видѣть въ запрещеніи препятствіе ко вводу во владѣніе. Если же запрещеніе наложено по иску о денежной претензіи къ продавцу, существовавшей во время совершенія крѣпости, то въ этомъ случаѣ практика признаетъ, что подобное запрещеніе не можетъ стѣснять вотчинныхъ правъ на вещь, приобретенныхъ покупщикомъ на основаніи купчей, такъ какъ, слѣдуя принятому на этотъ разъ въ судебныхъ мѣстахъ изъясненію закона, существовавшей при совершеніи купчей искъ къ продавцу, до наложенія запрещенія, относился къ лицу отвѣтчика, и только по наложеніи запрещенія истецъ приобрѣлъ бы нѣкоторыя права по отношенію къ его имуществу, если бы послѣднее не было перекрѣплено третьему лицу.

Не лишнимъ считаемъ прибавить, что, говоря о купчихъ крѣпостяхъ, какъ способѣ полного укрѣпленія права собствен-

ности по дѣйствующимъ законамъ, и существующемъ на практикѣ обычаѣ вводить покупателя во владѣніе въ теченіи 10 лѣтъ, мы не обращаемъ вниманія на условія, заключающіяся въ лицахъ покупателя и продавца и предметѣ сдѣлки, которыя могли существовать во время совершенія договора, и разумѣемъ только то отдѣльное и отвлеченное существо права собственности, которое собственно только и можетъ быть передаваемо. Дѣйствительно, продавецъ, владѣвшій нѣкоторое время по совершеніи крѣпости отчужденнымъ имѣніемъ, можетъ возражать противъ покупателя, требующаго ввода во владѣніе, что сдѣлка о продажѣ заключена въ то время, когда онъ, не достигнувъ совершеннолѣтія, не могъ распоряжаться своимъ правомъ, и что покупатель по своему состоянію не можетъ владѣть тѣмъ родомъ имущества, къ которому принадлежитъ предметъ продажи. Безъ сомнѣнія, такой споръ имѣетъ законное основаніе, также точно какъ онъ имѣлъ бы и въ томъ случаѣ, когда бы покупатель началъ уже фактическое владѣніе проданнымъ имѣніемъ. Мы говоримъ только, что всякій споръ со стороны продавца при вводѣ во владѣніе, направленный противъ юридической силы купчей крѣпости, какъ способа пріобрѣтенія права собственности, признается судебными мѣстами неосновательнымъ и оставляется безъ уваженія, какъ, напримѣръ, домогательство продавца удержать предметъ продажи въ своемъ владѣніи на томъ основаніи, что по совершеніи купчей онъ неожиданно пріобрѣлъ новую высшую цѣнность, или что въ имѣніи, послѣ утвержденія договора, сдѣланы улучшенія, стоящія продавцу издержекъ.—При этомъ возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли право продавецъ на доходы, полученные имъ изъ имѣнія послѣ совершенія купчей крѣпости, и обязанъ ли покупатель вознаградить продавца за произведенныя имъ улучшенія, разумѣется въ томъ случаѣ, если между ними не было никакихъ особенныхъ объ этомъ условій? Слѣдуя принятымъ въ нашемъ законодательствѣ постановленіямъ о вознагражденіи частномъ, на стоящій вопросъ разрѣшался бы положительно, когда бы про-

давецъ, при указанныхъ обстоятельствахъ, признавался добросовѣстнымъ владѣльцемъ, и отрицательно, — если онъ по закону недобросовѣстный владѣлецъ. Но если мы станемъ разсматривать понятіе продавца, продолжающаго владѣть отчужденнымъ имъ имѣніемъ, въ его отвлеченности отъ всѣхъ другихъ второстепенныхъ условій, сопутствующихъ владѣнію, и слѣдимъ это понятіе съ принятымъ въ сводѣ опредѣленіемъ добросовѣстнаго владѣнія, то, кажется намъ, что такое владѣніе не подойдетъ подъ смыслъ ст. 529 1 ч. 10 т. св. зак., по которой отъ добросовѣстнаго владѣльца требуется, чтобы онъ не зналъ о правѣ собственности на имѣніе другого лица. Не слѣдуетъ ли по этому считать подобнаго владѣльца недобросовѣстнымъ, и обязывать его возвращеніемъ покупщику полученныхъ изъ имѣнія доходовъ и безвозмезднымъ оставленіемъ въ пользу послѣдняго произведенныхъ имъ въ имѣніи улучшеній? Не имѣя въ виду категорическаго разрѣшенія настоящаго вопроса въ положительныхъ законахъ, и не выходя въ этомъ случаѣ изъ сферы предположеній, мы скажемъ только, что примѣняя во всей строгости къ случаямъ подобнаго владѣнія выраженную въ нашемъ сводѣ мысль о совершенномъ и безвозвратномъ переходѣ по купчей права собственности, слѣдовало бы признавать продавца, продолжающаго владѣть отчужденнымъ имѣніемъ, недобросовѣстнымъ владѣльцемъ, и подвергать всѣмъ послѣдствіямъ такого владѣнія, хотя, съ другой стороны, трудно представить на практикѣ подобное владѣніе продавца, которое бы не сопровождалось тѣми или другими обстоятельствами, существенно измѣняющими его характеръ, и едва ли было бы всегда справедливо подчинять такое владѣніе понятію недобросовѣстности. Равнымъ образомъ намъ кажется, что дѣйствующими законами не разрѣшается положительно и тотъ вопросъ, можетъ ли продавецъ, владѣвшій имѣніемъ послѣ совершенія купчей, отыскивать это имѣніе и полученные съ него доходы отъ третьяго лица въ случаѣ завладѣнія имъ до предъявленія покупщикомъ своихъ правъ, и не слѣдуетъ ли подобный искъ

продавца присоединять къ начатому со стороны покупателя дѣлу о передачѣ проданной вещи, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ имѣніемъ получилъ и вознагражденіе за владѣніе? Замѣтимъ здѣсь, что вообще на практикѣ, въ видахъ ли удобства производства дѣлъ или по другимъ какимъ-либо соображеніямъ, вообще избѣгаютъ отдѣленія исковъ незаконныхъ владѣльцевъ о нарушении владѣнія къ третьимъ незаконнымъ же владѣльцамъ отъ исковъ вотчинниковъ о правѣ собственности по имуществамъ, находящимся въ незаконномъ владѣніи. Если слѣдовать этому обычаю и въ рассматриваемомъ нами случаѣ нарушенія третьимъ лицомъ владѣнія продавца, послѣ совершенія купчей, то тогда покупатель долженъ получить вознагражденіе за полученные доходы послѣднимъ владѣльцемъ, независимо отъ той посылки, владѣлъ ли продавецъ послѣ совершенія сдѣлки добросовѣстно или недобросовѣстно.

Выше мы сказали, что постановленіе 1524 ст. 10 т. св. зак. ч. 1-ой объ окончательномъ приобрѣтеніи и безспорности права собственности покупателя послѣ двухъ лѣтъ со дня объявленія о переходѣ имѣнія, вообще исполняется на практикѣ съ возможнымъ единствомъ убѣжденія въ этомъ отношеніи судебныхъ мѣстъ. Безспорность права, приобрѣтаемая истеченіемъ двухлѣтняго срока со дня объявленія о переходѣ имѣнія понимается такъ, что послѣ этого срока не только продавецъ и его наследники не могутъ обратно требовать имѣнія, (которое въ отношеніи ихъ считается невозвратно отчужденнымъ уже по совершеніи купчей крѣпости), но и третьи лица, которыя бы стали предъявлять свои притязанія, основанныя на обязательствахъ или на вотчинномъ правѣ.

При такомъ опредѣленіи юридическихъ послѣдствій истеченія двухлѣтняго срока по переходѣ имѣнія, для покупателя, владѣвшаго уже 2 года приобрѣтеннымъ имѣніемъ не было никакой необходимости хлопотать объ исполненіи обряда отказа, установленнаго, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, законодательствомъ Императрицы Екатерины II и изложеннаго въ сво-

дѣ законовъ (изд. 1832 и 1842 годовъ); почему обрядъ этотъ оставался безъ примѣненія на практикѣ, и наконецъ въ послѣднемъ изданіи свода зак. 1857 г. онъ совершенно исключенъ, какъ вышедшій изъ употребленія.

Относительно исчисленія двухлѣтняго срока должно замѣтить, что формальность, предписываемая 927 ст. 1 ч. 10 т., и заключающаяся въ прибитіи объявленія къ дверямъ, по всей вѣроятности, не всегда и не вездѣ соблюдается съ должною аккуратностію. Да притомъ же прибитое у дверей объявленіе по окончаніи ввода во владѣніе снимается, и за тѣмъ исполненіе этого обряда не оставляетъ никакихъ видимыхъ слѣдовъ, кромѣ записки въ журналъ суда постановленія о написаніи и выставкѣ объявленія. Весьма естественно, что судебныя мѣста, при такихъ условіяхъ, находятъ болѣе удобнымъ считать двухгодичный срокъ со дня припечатанія въ публичныхъ вѣдомостяхъ объявленія о совершеніи купчей, примѣняя впрочемъ, какъ само собою разумѣется, такое исчисленіе только къ тѣмъ крѣпостямъ, по которымъ послѣдовалъ вводъ во владѣніе и ни въ какомъ случаѣ не распространяя его на тѣ сдѣлки, относительно которыхъ, при отсутствіи ввода во владѣніе, дѣйствуетъ 10-лѣтній срокъ. Замѣчаемая нами во всемъ этомъ опредѣлительность постановленій свода о безспорности права покупателя, послѣ двухъ лѣтъ со дня объявленія о переходѣ имѣнія, по видимому дѣлаетъ не возможными на практикѣ произвольныя толкованія. Но, повторяя слова графа Сперанскаго—что отсутствіе противорѣчія въ законахъ не устраняетъ противорѣчія въ началахъ, мы должны въ настоящемъ случаѣ указать на 2052 ст. 10 т. св. зак., въ которой установлено, что послѣ подписанія крѣпостнаго акта на проданное съ публичнаго торга имущество никакія возраженія, въ свое время не предъявленныя, уже не принимаются, за исключеніемъ того лишь случая, когда, не взирая на всѣ предосторожности, окажется въ послѣдствіи, что проданное съ публичнаго торга имущество не принадлежало владѣльцу, который подвергся взысканію. Право на по-

дату жалобы по сему предмету прекращается не иначе, какъ по истеченіи земской давности. Трудно объяснить, почему собственникъ можетъ отыскивать имѣніе свое, проданное по купчей, только въ теченіи 2 лѣтъ послѣ объявленія о переходѣ, а относительно имѣнія, подвергнутаго публичной продажѣ, онъ пользуется этимъ правомъ цѣлыя 10 лѣтъ. Еще болѣе страннымъ это намъ покажется, когда припомнимъ, что при совершеніи купчихъ крѣпостей не требуется отъ продавца представленія акта, по которому ему досталось имѣніе, между тѣмъ какъ по законамъ о публичной продажѣ отъ владѣльца отбирается такой актъ, и кромѣ того общественная власть чрезъ производство описи и оцѣнки пользуется ближайшею возможностью удостовѣриться въ правахъ должника на продаваемое имѣніе, и устранить всякія въ этомъ отношеніи недоразумѣнія, неизбежныя при сдѣлкѣ о куплѣ-продажѣ между частными лицами. При встрѣчѣ съ подобными противорѣчіями практика безмолвствуетъ. И вотъ тотъ пунктъ, гдѣ положеніе профессора Мейера объ успѣшности спора противъ купчей крѣпости въ теченіи 10 лѣтъ, по всей вѣроятности, должно имѣть значеніе ученаго авторитета въ смыслѣ заключенія о томъ, что должно быть.

Въ уложеніи мы находимъ, что сдѣлки о продажѣ недвижимыхъ имѣній предписывалось совершать на письмѣ. Письменное совершеніе такихъ сдѣлокъ имѣло два обряда: во 1-хъ, вотчинныя и дворовыя купчія, и закладныя и данныя, и иныя всякія крѣпости въ большихъ дѣлахъ всякихъ чиновъ люди должны были писать въ Москвѣ и въ городахъ на площади и за свидѣтельствомъ площадныхъ подъячихъ (гл. X ст. 250), и во 2-хъ, крѣпости на вотчины и помѣстья представлялись для записки въ книгу, справки и отказа въ Московскихъ приказахъ. Этотъ послѣдній обрядъ постановлено было соблюдать и относительно купчихъ и закладныхъ на дворы и дворовыя мѣста, находившіеся въ Москвѣ, которые записывались въ Земскомъ приказѣ (гл. XIX ст. 40).

Подробности его излагаются въ гл. XVIII ст. 17, въ слѣдующихъ словахъ: «А которымъ . . . по Государеву указу въ помѣстномъ приказѣ справлены будутъ вотчины по закладнымъ или по духовнымъ и по поступнымъ занясямъ и по инымъ по всякимъ крѣпостямъ, и пошлины съ тѣхъ вотчинъ въ помѣстномъ приказѣ у нихъ будутъ взяты и въ книгахъ записаны, и Государевы отказныя грамоты на тѣ вотчины имъ въ города будутъ даны, что имъ тѣми вотчинами владѣти по Государеву указу и по крѣпостямъ».

Юридическія послѣдствія, которыми сопровождалось исполненіе обоихъ указанныхъ нами обрядовъ, въ 34 ст. гл. XVII выражены такъ: а будетъ кто вотчину свою кому продасть и деньги возметъ и купчую дастъ, а въ помѣстномъ приказѣ въ книгахъ ту вотчину за купцемъ не запишетъ, а послѣ то же свою вотчину иному кому продасть воровствомъ, и деньги возметъ и въ помѣстномъ приказѣ въ книги ту вотчину за послѣднимъ купцемъ запишетъ, и тою вотчиною владѣть тому, за кѣмъ та вотчина въ помѣстномъ приказѣ въ книгахъ записана, а первому купцу велѣти на томъ продавцѣ по купчей доправить его деньги. А будетъ онъ ту вотчину, продавъ, за обоими купцами въ книги не запишетъ, и та вотчина отдати по купчей первому купцу, и въ книги за нимъ занисати, а послѣднему купцу велѣти на немъ доправить деньги». Такимъ образомъ вотчина окончательно укрѣплялась за покупщикомъ только запискою сдѣлки въ помѣстномъ приказѣ. Если же этотъ обрядъ не былъ исполненъ, то для продавца, хотя воровствомъ, какъ въражается уложеніе, но еще было возможно продать свою вотчину другому лицу, и только тогда наконецъ, когда крѣпость была записана въ помѣстномъ приказѣ, право собственности считалось окончательно перешедшимъ къ покупщику, и прежній владѣлецъ уже никакимъ образомъ не могъ распорядитъ отчужденнымъ имѣніемъ. Изъ двухъ крѣпостей, незаписанныхъ въ помѣстномъ приказѣ, первая имѣла преимущество предъ послѣднею; на основаніи ея, вотчина отдавалась новому приобрѣ-

тателю, и за нимъ записывалась въ книги, а послѣднему покупщику дозволялось доправить деньги съ продавца. Но не зависимо отъ юридическаго отношенія третьяго лица, основаннаго на вторичной продажѣ владѣльцемъ принадлежащей ему вотчины, крѣпости, не записанныя въ помѣстномъ приказѣ, могли быть признаны ничтожными и въ слѣдствіе спора со стороны вотчинника,—если онъ доказывалъ, что продажа совершена подлогомъ, который уложеніе формулируетъ словами: «что продавецъ написалъ въ продавцѣхъ того чья та вотчина» (ст. 35 гл. XVII) и «что на крѣпости рука приложена вмѣсто продавца безъ вѣдома его» (ст. 36 гл. XVII),—или принужденіемъ: когда кто напишетъ или подпишетъ крѣпость неволею (ст. 251 гл. X.) Кроме того въ уложеніи упоминается еще о владѣннн измѣнничьюю вотчиною по купчей или по закладной безъ записки въ книги, послѣдствіемъ чего было уничтоженіе продажи и заклада и взятіе вотчины на Государя.

Если мы остановимся на этихъ опредѣленіяхъ, и попробуемъ ихъ свести къ общему понятію о юридическомъ значеніи крѣпостей, писанныхъ у площадныхъ недѣячихъ, то послѣднее, кажется, безъ ошибки можно будетъ выразить въ слѣдующихъ словахъ: по крѣпости о вотчинѣ, писанной на площади, переходило право собственности къ покупщику, если оно дѣйствительно принадлежало продавцу, но для осуществленія этого права, крѣпость должна была быть представлена въ помѣстный приказъ для записки въ книгу, справки и отказа, подѣтъмъ условіемъ, что покупщикъ, неисполнившій этого обряда, не могъ обращаться къ мѣстнымъ властямъ о передачѣ ему купленной вотчины, въ случаѣ несогласія на это продавца. Этого нельзя примѣнить къ помѣстьямъ, относительно которыхъ дѣйствовало постановленіе: отнимать и отдавать въ раздачу челобитчикамъ, тѣ изъ нихъ, которыми владѣютъ по сдаточнымъ запискамъ лица, не бывшія челомъ Государю и несправившія ихъ за собою въ помѣстномъ приказѣ (ст. 12 гл. XVI). При разнѣнн помѣстій, кажется, совсѣмъ не требовалось предвари-

тельного совершенія письменной сдѣлки, какъ это можно заключать изъ 3 ст. гл. XVI улож., которою предписывалось мѣновыя помѣстья росписывать по полюбовному челобитью и по заручнымъ челобитнымъ. Подкрѣпленіемъ нашего вывода, что по крѣпости, не записанной въ книги помѣстнаго приказа вотчинникомъ, невозвратно отчуждалось право собственности, думаемъ, можетъ служить рѣшеніе, изложенное въ указѣ, напечатанномъ въ полномъ собраніи законовъ 1692 г. (1447) по дѣлу о вотчинахъ Степана Зубова, проданныхъ имъ Змѣевымъ. По рѣшенію этому велѣно: спорныя вотчины записать за Змѣевыми, на томъ основаніи, что продавецъ приложилъ руку къ крѣпостямъ, которыя сверхъ того, судя по словамъ указа, «п. тѣ купчія площаднымъ подъячимъ довершить» можно думать, были писаны на дому.

Договоръ о продажѣ вотчины по сдѣлкѣ, написанной на площади, признавался ничтожнымъ, когда спорщикомъ было доказано, какъ мы говорили, что продавецъ не имѣлъ право собственности на проданное имѣніе, т. е. что продажа совершена подложно, по принужденію, или отъ такого лица, котораго имущественныя права, въ слѣдствіе его измѣны, перешли къ Государю. При запискѣ же крѣпости въ помѣстномъ приказѣ предполагалось, что въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакой ошибки. Тамъ были записныя книги, изъ которыхъ можно было получить свѣдѣніе о крѣпостяхъ, послужившихъ основаніемъ для прежнихъ переходовъ права собственности по имѣнію, составляющему предметъ продажи; тамъ хранились и писцовыя книги, заключавшія въ себѣ описаніе недвижимостей, соотвѣтственное административнымъ потребностямъ того времени. По этимъ источникамъ въ помѣстномъ приказѣ удостовѣрялись о правѣ собственности продавца по имѣнію, имъ отчуждаемому, а къ убѣжденію въ тождественности лица продавца велъ допросъ, дѣлавшійся ему въ томъ случаѣ, когда крѣпость несобственноручно была имъ подписана. Что необходимость допроса относилась только къ этому послѣднему случаю, т. е. не

своеручному подписанію крѣпости продавцемъ, можно заключить изъ указовъ 5 марта 1667 г. (402) и 7 февраля 1684 г. (1060). Въ первомъ изъ нихъ постановлено: «если поступщики вотчинъ или помѣстій принесутъ въ помѣстный приказъ челобитныя, а въ ихъ мѣсто къ челобитнымъ руки прикладываютъ отцы ихъ духовные, или кто иной, и тѣ поступщики умрутъ не доброшенные въ помѣстномъ приказѣ и въ городахъ: и тѣхъ помѣстій и вотчинъ по такимъ челобитнымъ не справлять». Во второмъ же указѣ повелѣвается: «купчія и закладныя, принесенныя въ помѣстный приказъ, которыя писаны за руками умершихъ продавцевъ и закладчиковъ или ихъ дѣтей, вмѣсто нихъ самихъ, записывать безъ допросовъ, равнымъ образомъ какъ и купчія, принесенныя при живыхъ продавцахъ, или хотя и послѣ ихъ смерти, но писанныя за руками отцевъ духовныхъ, родственниковъ, или чужеродцевъ, если онѣ писаны послѣ указовъ 1679 и 1682 годовъ, и нѣтъ противъ нихъ спору». Хотя въ первомъ изъ приведенныхъ нами постановленій говорится собственно о челобитныхъ о поступкѣ вотчинъ и помѣстій, и какъ бы подразумѣвается та мысль, что для этой сдѣлки нѣтъ необходимости въ предварительномъ совершеніи крѣпости внѣ приказа, но въ немъ существенно запрещеніе справлять безъ допроса имѣнія послѣ смерти поступщиковъ, не удостовѣрившихъ своеручнымъ подписомъ ихъ дѣйствительной воли; во второмъ же указѣ разрѣшеніе записывать безъ допросовъ несобственноручно подписанныя крѣпости умершихъ продавцевъ, если онѣ писаны послѣ указовъ 1679 и 1682 годовъ, ясно выражаетъ ту мысль, что до показаннаго времени дѣйствовало противоположное правило, т. е. запрещеніе записывать подобныя крѣпости.

При самой безукоризненной аккуратности въ исполненіи установленныхъ обрядовъ справки, для центральнаго учрежденія, которымъ былъ помѣстный приказъ, не было никакихъ средствъ удостовѣриться въ томъ, имѣетъ ли продавецъ полное право на отчужденіе имѣнія, и цѣтъ ли еще лицъ, которые

могут воспрепятствовать переходу собственности. Такое удостоверение превосходит непосредственные способы правительственной власти, и возможно только под условием единодушнаго участія въ этомъ дѣлѣ всего общества, которое мы видимъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ ипотечныя книги, и съ ними общій интересъ каждаго гражданина давать гласность всякому, представляемому имъ праву на имущество. Такимъ образомъ справка по уложенію не устраняла возможности незаконной передачи имѣнія, и потому установленіе ея вело не столько къ прочности и обезпеченности частнаго владѣнія, сколько къ достиженію государственныхъ цѣлей въ видахъ порядка исполненія служебной повинности и сбора пошлинъ въ Государеву казну. Относительно правъ по имуществамъ, приобретаемыхъ частными лицами, уложеніе не знало понятій добросовѣстнаго и недобросовѣстнаго владѣнія съ тѣми юридическими послѣдствіями, которыя усвоить имъ современное законодательство, почему и должно было на всякія безъ исключенія продажи чужаго имѣнія смотрѣть какъ на недѣйствительныя, не дѣлая никакого различія въ юридическихъ послѣдствіяхъ купчей, соотвѣтственно такому или иному характеру владѣнія. И въ то же время, подчиняя подобныя переходы имѣній постановленію: «судити о вотчинѣ за сорокъ лѣтъ» (гл. XVII ст. 30), уложеніе такою продолжительностію срока давности на споръ противъ неправильной продажи, такъ сказать, само уничтожало свое предположеніе о безспорности права на справленное имѣніе.

Изъ множества постановленій Петра Великаго, касающихся разсматриваемаго нами предмета, слияніе по указу о единойнаслѣдїи 1714 г. помѣстій съ вотчинами подъ названіемъ недвижимыхъ добръ, и рядомъ съ нимъ финансовая мѣра, заключающаяся въ установленіи сбора пошлинъ съ актовъ въ увеличенномъ противъ прежняго размѣрѣ, безспорно составляютъ преобразование, которыя могутъ быть приняты за срединыя точки въ группѣ другихъ законоположеній, оказавшихъ

Большее или меньшее влияние на существо договоров о купле-продаже. По указу 9 декабря 1699 г., который стоит как бы на преддверии реформы Петра Великого, создавшей так называемую, крепостную часть, вельно было: купчая, закладная, поступные и сдельные крепости писать на Москвѣ въ помѣстномъ приказѣ и въ городахъ, въ которыхъ есть разряды; въ городахъ же не-разрядныхъ только на сумму не больше 100 руб., съ тѣмъ, чтобы всѣ крепости, писанныя какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ, были высылаемы въ помѣстный приказъ въ 2 мѣсяца къ запискѣ. По указу 30 января 1701 г. онѣ были отнесены къ крепостямъ первой статьи, которыя записывались у крепостныхъ дѣлъ перечнемъ со взысканіемъ въ Государеву казну за записку, и потомъ представлялись въ приказъ къ запискѣ для владѣнія. При этой вторичной запискѣ онѣ оплачивались пошлинами. Интересы казны, получавшей свои доходы какъ при первоначальной, такъ и при вторичной запискѣ крепостей, и открывавшіеся виды охраненія ихъ были причиною того, что рядомъ постановленій законодателя регламентирована крепостная часть. Писаніе актовъ поручено лицамъ, получавшимъ содержаніе отъ казны и подчиненнымъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ оффиціальнымъ учреждениямъ, что и осталось до позднѣйшаго времени. Съ другой стороны, прежній принятый въ уложеніи взглядъ на крепости, писанныя площадными подъячими, какъ на сдѣлку, по которой продавецъ невозвратно отчуждалъ свое право, далеко не соответствовалъ видамъ правительства гарантировать вѣрное поступленіе въ казну высокихъ пошлинъ, оплачиваемыхъ при вторичной явкѣ крепостей въ приказахъ. И вотъ законодатель по указу 9 декабря 1699 г. устанавливаетъ, что если на крепости, которыя въ 2 мѣсяца не будутъ принесены, учинится споръ, то имъ не вѣрить, и про нихъ не разыскивать. Это выраженіе перефразировано въ указѣ 1705 г. такъ: «а буде крепость въ указныя числа записана не будетъ, и она не въ крепость». Примѣненіе введеннаго такимъ образомъ законодателемъ новаго начала въ инсти-

тутъ о куплѣ-продажѣ представляетъ намъ рѣшеніе Правительствующаго Сената, изложенное въ указѣ полнаго собранія 19 іюня 1761 г. по спору Бовыкиныхъ объ имѣніи, проданномъ Жедринскою въ 1713 г. Сѣсавцеву. Бовыкины мотивировали свой споръ тѣмъ, что купчая отъ Жедринской Сѣсавцеву выше ста руб. и писана въ приписномъ городѣ. Но Сенатъ отказалъ имъ въ этомъ спорѣ, на томъ основаніи, что купчая по написаніи была совершена въ губернской канцеляріи. Разница этого воззрѣнія со взглядомъ на крѣпости уложенія и съ доводами приведеннаго нами рѣшенія о крѣпостяхъ Змѣевыхъ слишкомъ очевидна, такъ какъ, согласуясь съ послѣдними, вопросъ о правильности или неправильности спора Бовыкиныхъ былъ бы тождественъ съ вопросомъ: собственноручно, или несобственноручно крѣпость подписана Жедринскою.

Указомъ 19 іюля 1720 г. велѣно: пошлины по гривнѣ съ рубля, взимавшіяся прежде при явкѣ крѣпостей для справки и отказа, брать у крѣпостныхъ дѣлъ. Хотя вмѣстѣ съ этимъ не отмѣнена вторичная явка крѣпостей для подлинной записки, при которой взимались четвертные и другія пошлины, но постановленіе—что крѣпость, относительно которой не было исполнено этого послѣдняго обряда, будетъ не въ крѣпость, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и при его преемникахъ уже не повторяется. Равнымъ образомъ послѣдующими указами не подтверждалось объ исполненіи установленнаго порядка надписывать на крѣпости у крѣпостныхъ дѣлъ, чтобы она въ 2 мѣсяца была представлена къ запискѣ, и наконецъ указомъ 3 декабря 1729 г. этотъ канцелярскій обрядъ окончательно былъ отмѣненъ.

Проводя новую финансовую мѣру, дальновидная мысль законодателя не могла не усматривать, что оставленіе сдѣлокъ о поступкахъ и мѣнахъ свободными отъ сбора въ казну, или обложенными пошлинами, сравнительно меньшими противъ оплачиваемыхъ купчими крѣпостями, давало бы возможность договаривающимся сторонамъ при всякомъ случаѣ купли-продажи избѣгать платежа налога, представляя ихъ сдѣлку въ видѣ мѣны.

И потому поступки и мѣны недвижимыхъ имѣній по указу 23 марта 1714 г. пресѣчены, а вмѣсто записей этого рода велѣно писать крѣпости о продажѣ со взятіемъ пошлины. Замѣчательно то, что законодатель могъ, не уничтожая записей о поступкахъ и мѣнахъ, подчинить ихъ платежу пошлины наравнѣ съ договорами о куплѣ-продажѣ, признавъ въ этомъ случаѣ понятіе тождественности принадлежностей тѣхъ и другихъ сдѣлокъ, которому слѣдовало французское обычное право. Но разрѣшеніе настоящаго вопроса получило въ нашемъ законодательствѣ направленіе чисто практическое и чуждое зависимости отъ такого или иного теоретическаго воззрѣнія. Запрещеніе совершать мѣнчіе акты и въ настоящее время дѣйствуетъ въ нашемъ законодательствѣ.

Уничтоженіе помѣстій и соединенное съ нимъ измѣненіе прежняго государственнаго взгляда на владѣніе частныхъ лицъ недвижимыми имѣніями, заключали въ себѣ логическую возможность отступить отъ того принятаго въ уложеніи начала, что справка имѣній должна производиться только въ столичныхъ приказахъ. Сообразно съ этимъ, еще въ 1710 году дозволено было справлять вотчины и помѣстья, находящіеся въ губерніяхъ, по губерніямъ. Хотя въ послѣдствіи, по указу 20 января 1745 года, и предписано было Новгородской губернской канцеляріи не принимать крѣпостей безъ указовъ изъ вотчинной конторы, что вѣроятно служило правиломъ и для крѣпостей, совершаемыхъ въ другихъ губерніяхъ, но начало децентрализаціи, внесенное Петромъ Великимъ въ сферу укрѣпленія имущественныхъ правъ, осталось въ силѣ и получило окончательное утвержденіе въ учрежденіи Екатерины II-ой о губерніяхъ.

Законодательствомъ этой Императрицы было внесено существенное преобразование въ разсматриваемую нами область права. Договоръ купли—продажи въ ея постановленіяхъ получилъ тотъ юридическій характеръ, который онъ сохраняетъ за собою и въ настоящее время. Такъ въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г. гл. XV п. 205 было постановлено: «кто купить

деревню, тотъ купчую да объявить въ уѣздномъ судѣ. Уѣз-
ный же судъ прибоетъ листъ, что деревня такая куплена та-
кимъ то, за такую цѣну, и о семъ сообщаетъ въ верхній зем-
скій судъ, дабы сей тоже учинилъ, также и въ Сенатъ, да да-
дутъ знать для внесенія въ публичныя вѣдомости обѣихъ сто-
лицъ, и будѣ отъ того времени чрезъ два года никто неявит-
ся для спора, то впредь всякій споръ о купчей да уничтожит-
ся, и деревню за покупщикомъ велитъ уѣздный судъ нижнему
земскому суду отказать безъ спора. По манифесту 28 июня 1780
г. были прощены недомыи въ пошлинахъ за отказъ, а въ 1801
г. (пол. собран. № 2001) онѣ совершенно отмѣнены, съ цѣлю
облегчить справку и прекратить поводъ уклоняться отъ про-
изводства ея. Новый порядокъ справки купленныхъ имѣній, вве-
денный Императрицею Екатериною II-ю, и получившій назва-
ніе ввода во владѣніе, былъ развитъ и точнѣе опредѣленъ
указами послѣдующаго времени, и между прочимъ въ томъ
отношеніи, что посылка объявленій для припечатанія въ пуб-
личныхъ вѣдомостяхъ соединена съ обрядомъ совершенія крепо-
сти и возложена на обязанность мѣста, исполняющаго этотъ
обрядъ, а не на мѣста, производяща вводу во владѣніе ук. 7
февраля 1811 г. (24516) и 19 ноября 1832 г. (5762). Оста-
ваясь дѣйствующимъ постановленіемъ, онъ изложенъ въ сводѣ
законовъ послѣдняго изданія въ статьяхъ 927, 1524 и 761
т. X ч. I.

Сравнивая юридическое значеніе существующаго теперь
ввода во владѣніе съ справою и отказомъ имѣній, установлен-
нымъ уложеніемъ, нельзя не замѣтить, что между ними есть
много различія, и въ тоже время въ основаніи ихъ лежатъ
однѣ общія черты.

1. При справкѣ по уложенію въ законности договора о
купль-продажѣ удостовѣрялась непосредственно государствен-
ная власть, при чемъ брались пошлины въ Государеву каз-
ну, а по дѣйствующимъ законамъ судебное мѣсто, дѣ-
лая объявленіе, при введѣ во владѣніе, о совершенной про-

дажѣ, предоставляеть считающимъ право свое нарушеннымъ предъявить споръ, подѣ тѣмъ условіемъ, что если споръ не будетъ предъявленъ въ узаконенный срокъ, то имѣніе утвердится безвозвратно за покупщикомъ.—Такимъ образомъ удосто- вѣреніе въ законности купли-продажи, послѣ уложенія, въ свя- зи съ общимъ движеніемъ законодательства, утратило свой преж- ній исключительно государственный характеръ, и приблизи- лось къ сферѣ частныхъ отношеній, удерживая этотъ характеръ за собою особенно еще и потому, что вводъ во владѣніе, не- оплачиваемый въ настоящее время никакими пошлинами, со- ставляеть то юридическое дѣйствіе, которое заинтересованныя лица обходятъ на практикѣ или выполняютъ, слѣдуя своимъ собственнымъ соображеніямъ о безспорности или сомнительности права продавца на отчужденное имъ имѣніе.

2, По уложенію запискѣ крѣпости въ книги приказа при- писывалось существенное значеніе въ обрядѣ укрѣпленія иму- ществъ по договорамъ, и при томъ такъ, что отсутствіе запи- ски дѣлало невозможнымъ пріобрѣтеніе права собственности владѣніемъ, если только послѣднее продолжалось менѣе 40 лѣтъ. Тоже непризнаніе владѣнія за одинъ изъ составныхъ элемен- товъ перехода права собственности мы находимъ въ дѣйствующ- ихъ законахъ о договорахъ купли-продажи. По крайней мѣрѣ такова редакція 927 ст. I ч. X т. св. зак., по смыслу которой двухлѣтній срокъ на предъявленіе спора противъ куп- чей, считается со двѣ прибитія у дверей объявленія о переходѣ имѣнія, что слѣдуетъ непосредственно за представленіемъ ак- та для ввода во владѣніе и предшествуетъ исполненію самаго обряда ввода на мѣстѣ проданнаго имѣнія. Но какъ на прак- тикѣ весьма рѣдко можетъ случиться, чтобы покупщикъ, пред- ставившій свою крѣпость для ввода во владѣніе, послѣ объяв- ленія о переходѣ имѣнія и послѣ послыжки земскому суду ука- за не былъ введенъ во владѣніе, или, по крайней мѣрѣ, не на- чаль фактическаго владѣнія купленнымъ имѣніемъ, и какъ, съ другой стороны, представленіе акта и прибитіе у дверей объя-

вленія о переходѣ имѣнія, принимаются въ изложеніи гл. 8-ой раз. 3-го т. X-го св. зак., трактующей о введѣ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ по укрѣпленіямъ, за составныя частивсего обрада этого юридическаго дѣйствія, то при такихъ условіяхъ у насъ образовалось убѣжденіе, что къ окончательному укрѣпленію права собственности за покупщикомъ ведетъ владѣніе, продолжающееся два года послѣ объявленія о продажѣ. — Убѣжденію этому не могло быть чуждо и то радикальное измѣненіе въ юридическомъ понятіи владѣнія, которое вошло въ наше законодательство послѣ уложенія. При дѣйствіи уложенія владѣніе, какъ способъ приобрѣтенія права собственности, не имѣло мѣста въ кругу опредѣленій положительныхъ законовъ, если исключить единственное приведенное нами выше постановленіе: «судити о вотчиннахъ за сорокъ лѣтъ». Но по манифесту 28 іюня 1787 года было постановлено: «о недвижимомъ или движимомъ имѣніи (между частными лицами и казною), кто не учинилъ или не учинитъ иска десять лѣтъ, или, предъявя оный, десять лѣтъ по оному не будетъ имѣть хожденія, таковыи искъ да уничтожится, и дѣло да предастся вѣчному забвенію». Это опредѣленіе было развито послѣдующими узаконеніями и заняло принадлежащее ему мѣсто въ системѣ свода законовъ. При дѣйствіи его сдѣлалась возможными невозможные по уложенію: во первыхъ—приобрѣтеніе права собственности десятилѣтнею давностію владѣнія, даже и въ томъ случаѣ, когда въ основаніи перехода имѣнія нѣтъ сдѣлки, и во вторыхъ потеря послѣ 10 лѣтъ права на споръ противъ крѣпости, если покупщикъ не былъ введенъ во владѣніе. Отсюда попятенъ выводъ, перешедшій въ общее убѣжденіе, что одно владѣніе въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ объявленія о переходѣ имѣнія и ничто больше дѣлаютъ безспорнымъ право собственности, приобрѣтенное по купчей. Тѣмъ не менѣе введѣ во владѣніе, на основаніи изложенныхъ нами постановленій, не составляетъ такого самостоятельнаго дѣйствія, о которомъ можно было бы сказать, что оно дополняетъ сдѣлку, укрѣпляетъ, или дѣлаетъ безспорнымъ право

собственности покупателя. Въ немъ скорѣе можно видѣть составную часть обряда объявленія о переходѣ имѣнія, или другую сторону этого самаго дѣйствія, и въ томъ именно смыслѣ, что прѣбитіе у дверей объявленія составляетъ въ извѣстность о переходѣ имѣнія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, а вводъ во владѣніе даетъ возможность узнать и повѣрить, такъ сказать, въ натурѣ пространство правъ, отчужденныхъ по купчей крѣпости.

3). По уложенію, при справкѣ имѣній, само правительство удостовѣрилось о правѣ собственности продавца, почему и не было надобности въ обязательномъ врученіи продавцемъ покупщику акта укрѣпленія, по которому прежде онъ самъ сдѣлался владѣльцемъ отчужденнаго имъ имѣнія. Этотъ взглядъ перешелъ и въ дѣйствующее законодательство, которое требуетъ только отъ продавца (ст. 1450 X т. св. зак. ч. 1) изъясненія, по какому укрѣпленію дошло къ нему имѣніе. Такимъ образомъ, передача продавцемъ покупщику документовъ, установленная нѣкоторыми законодательствами, по нашимъ законамъ не имѣетъ мѣста ни при совершеніи акта, ни при вводѣ во владѣніе; и право собственности, не смотря на опущеніе этой формальности, считается перешедшимъ къ покупщику тотчасъ по совершеніи крѣпости.

Уложеніе, какъ мы видѣли, занимается преимущественно порядкомъ укрѣпленія вотчинъ и помѣстій, и сверхъ того постановляетъ, чтобы купчія на дворы и дворовыя мѣста, находящіяся въ Москвѣ, записывались въ земскомъ приказѣ. Но этимъ не исчерпывался весь кругъ предметовъ, находившихся въ обращеніи, и подлежавшихъ сдѣлкамъ о куплѣ-продажѣ. Безъ сомнѣнія, въ юридическомъ быту русскаго общества, современномъ уложенію, было много имуществъ, существенно отличныхъ отъ вотчинъ и помѣстій по правамъ частныхъ лицъ и по отношенію къ нимъ государственной власти, и потому переходившихъ изъ одного владѣнія въ другое на основаніи договоровъ, которыхъ юридическій смыслъ и формальная сторона,

быть можетъ, далеко не соответствовали образцамъ, установленнымъ по уложенію для вотчинъ и помѣстій.—Посему всякая попытка опредѣлить понятіе договора купли-продажи по русскому праву, на основаніи уложенія и послѣдовавшихъ за нимъ постановленій была бы слишкомъ поспѣшною, а самое понятіе это не соответствовало бы существу дѣла, и было бы одностороннимъ, какъ чуждое изученія другихъ типовъ сдѣлки о куплѣ-продажѣ, вышедшихъ изъ области опредѣленій уложенія и законодательства позднѣйшаго времени.

Разсматривая же порядокъ укрѣпленія вотчинъ и помѣстій въ томъ собственно видѣ, въ какомъ онъ начертанъ въ уложеніи, и установившееся въ послѣднемъ начало, что переходъ имѣній утверждается запискою въ книги, при справкѣ въ центральномъ учрежденіи Московскаго государства, и удостоверяется грамотою или указомъ Государя, мы не можемъ не видѣть въ этомъ если не полного, то близкаго выраженія того государственнаго взгляда на поземельное богатство страны, по которому владѣльческое право принадлежитъ Государю, а отношеніе отдѣльныхъ чиновъ общества обуславливается обязанностію ихъ нести государственное тягло, заключавшееся въ настоящемъ случаѣ въ службѣ Государю вотчинниковъ и помѣщиковъ, какъ сословія не платившаго въ казну податей и оброковъ. Понятно, что, при такомъ взглядѣ, начинающееся владѣніе въ лицѣ покупателя, послѣ заключенія сдѣлки о куплѣ-продажѣ, не могло имѣть никакого юридическаго значенія, какъ дѣйствіе, котораго инициатива заключается въ одной индивидуальной свободѣ. Такое владѣніе не могло быть принимаемо и за норму справедливости въ распределеніи поземельныхъ богатствъ, такъ какъ государственная власть, которой принадлежало право собственности на высшей ступени, достигла въ этомъ отношеніи справедливости, слѣдуя другимъ началамъ, и, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершенно отличнымъ отъ владѣнія. Равнымъ образомъ, въ подобномъ владѣніи не было надобности искать и дополненія сдѣлки, или удостовѣренія въ дѣйствительномъ переходѣ права собствен-

ности, когда государственная власть, по имѣющимся у нея книгамъ и черезъ допросъ участниковъ сдѣлки, непосредственно удостовѣрялась, какъ предполагалось въ уложеніи, во всемъ, что касалось права продавца и согласной воли договаривающихся сторонъ. Но послѣ уложенія въ нашемъ законодательствѣ выработалось строгое различіе понятій права полной собственности и пользованія, уничтожившее существовавшія прежде запутанныя поземельныя отношенія частныхъ лицъ, обществъ и казны. Направленіе это, по словамъ Неволлина, получило окончательное выраженіе въ закопахъ Императрицы Екатерины II-ой, о генеральномъ межеваніи. Вотчины и помѣстья, при новомъ порядкѣ вещей, вошли въ разрядъ имуществъ, находившихся во владѣніи частныхъ лицъ на правѣ полной собственности, и переходъ ихъ по сдѣлкамъ о куплѣ-продажѣ подчинился новымъ, приведеннымъ нами выше опредѣленіемъ положительныхъ законовъ. Относительно же земель, на которыя право собственности принадлежитъ казнѣ, установилось въ послѣдствіи начало, что пользованіе ими не составляетъ основанія къ пріобрѣтенію права собственности, и что онѣ не укрѣпляются по давности владѣнія за тѣми физическими и юридическими лицами, которымъ отведены отъ казны на извѣстныхъ условіяхъ (ст. 560 т. X ч. 1 св. зак.). Такимъ образомъ, по дѣйствующимъ законамъ, 10-ти лѣтнее владѣніе въ одной сферѣ имущественныхъ отношеній, именно въ области владѣнія на правѣ собственности, представляется способомъ пріобрѣтенія этого права, а въ другой, т. е. тамъ, гдѣ собственникъ есть казна, владѣнію совершенно чуждо такое значеніе, доколѣ продолжаютъ отношенія къ имѣнію того лица, общества и сословія, которымъ оно предоставлено отъ казны. Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи нельзя не видѣть того взгляда, которому слѣдуетъ и уложеніе, по развитаго и возведеннаго въ начало при дальнѣйшемъ движеніи законодательства. Хотя по разуму дѣйствующихъ законовъ, въ настоящее время и невозможна продажа земель, предоставленныхъ

въ пользованіе отъ казны, и слѣдовательно государственные крестьяне, какъ лица по преимуществу надѣленные такими землями, вправѣ заключать сдѣлки только относительно земель, принадлежащихъ имъ въ собственность, по мысли уложенія о непосредственномъ удостовѣреніи органовъ государственной власти въ правѣ отчуждателей на имущества, составляющія предметъ сдѣлки, присуща и современному законодательству. Такъ оно предписываетъ (ст. 781 т. X св. зак. ч. 1.), при совершеніи отъ государственныхъ крестьянъ актовъ на продажу, мѣпу, закладъ и всякаго рода передачи ихъ собственныхъ земель, требовать отъ нихъ свидѣтельства палаты государственныхъ имуществъ въ томъ, что уступаемая земля не есть казенная и не составляетъ общественной принадлежности (*). Крайнее развитіе мысли о непосредственномъ удостовѣреніи органовъ правительства, вмѣсто частныхъ лицъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ, представляетъ существовавшее до послѣдняго времени постановленіе о крѣпостяхъ на непаселенныя земли, покупаемыя удѣльными крестьянами, по силѣ котораго подобныя крѣпости совершались на имя департамента удѣловъ чрезъ члена удѣльной конторы.

Сравненіе купли-продажи по русскому праву съ тѣми типами этой сдѣлки, которые мы находили въ другихъ европейскихъ законодательствахъ, приводятъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) по участию общественной власти въ укрѣпленіи права собственности наши купчія крѣпости не подходятъ подъ взглядъ на настоящій предметъ, развитый французскимъ законодательствомъ, и носятъ на себѣ одинъ общій въ этомъ отношеніи характеръ съ сдѣлками по законамъ: австрійскимъ, прусскимъ, шведскимъ и датскимъ. 2) Обрядъ передачи права собственности по нашимъ законамъ, соединяя въ себѣ два дѣйств-

(*). Вмѣсто этихъ свидѣтельствъ могутъ быть представляемы государственнымъ крестьянами документы, по коимъ земли достались имъ или предкамъ ихъ въ частную собственность, чего, какъ мы видѣли прежде, не требовалось отъ продавцевъ по уложенію, и не требуется въ настоящее время при совершеніи сдѣлокъ о другихъ имуществахъ.

вія, свойственныя и другимъ европейскимъ законодательствамъ, кромѣ французскаго: объявленіе о переходѣ имѣнія и вводъ во владѣніе, отличается отъ обрядовъ, принятыхъ въ Даніи и Пруссіи тѣмъ, что вводъ во владѣніе тамъ считается самостоятельнымъ дѣйствіемъ, которымъ собственно и совершается переносъ права собственности; по нашимъ же законамъ, какъ мы видѣли прежде, онъ не имѣетъ этого значенія; не сходится съ шведскимъ въ томъ отношеніи, что наше объявленіе о переходѣ имѣнія дѣлается послѣ совершенія кунчей крѣпости, и слѣдовательно послѣ отчужденія права собственности, тогда какъ по законамъ шведскимъ оно предшествуетъ укрѣпленію имѣнія, и наконецъ нашъ обрядъ укрѣпленія не имѣетъ ничего общаго съ австрійскимъ съ той стороны, что по австрійскимъ законамъ переходъ права собственности совпадаетъ со внесеніемъ акта въ публичныя реестры.

Если мы станемъ сличать договоръ купли-продажи по уложенію съ явленіями въ исторіи французскаго права, указанными въ приведенномъ очеркѣ Аиверіи, то во первыхъ вниманіе наше остановится на отсутствіи въ уложеніи намековъ на употребленіе какихъ-либо символическихъ знаковъ при совершеніи крѣпости у площадныхъ подъячихъ и при справкѣ и отказѣ въ помѣстномъ приказѣ, тогда какъ символика обрядовъ купли-продажи, припесенная во Францію германскими обычаями, была въ ходу при господствѣ феодальныхъ отношеній, и долго соединялась съ письменною формою совершенія сдѣлокъ; во вторыхъ по уложенію, подобно обычному праву феодальной Франціи, не требовалось фактическаго владѣнія для утвержденія сдѣлки; но, по всей вѣроятности, въ прежнее время по русскому праву, также какъ и у другихъ европейскихъ народовъ, владѣніемъ удостовѣрялся переходъ права собственности.—Къ этому убѣжденію можетъ вести изслѣдователя между прочимъ и то, что въ псковской судной грамотѣ по тяжбымымъ дѣламъ о владѣніи землею требовалось отъ отвѣтчика удостовѣрить чрезъ показаніе сосѣдей, что онъ владѣлъ спокойно оспориваемою у

него землю въ теченіи 4-хъ или 6-ти лѣтъ (*). Если отыскивать въ исторіи французскаго права тотъ фазисъ развитія договора купли-продажи, которому соотвѣтствуютъ крѣпости со справкою и отказомъ на основаніи уложенія, то, кажется, наибольше сходственныхъ условій должна представить эпоха феодальная, и въ особенности тотъ порядокъ укрѣпленія имѣній, который образовался подъ вліяніемъ проникавшаго, начиная съ XV столѣтія, во французское законодательство взгляда на купчія, какъ на совершенныя сдѣлки о переходѣ права собственности, коль скоро онѣ совершены крѣпостнымъ порядкомъ и заключаютъ въ себѣ слова, выразившія отреченіе продавца отъ проданной вещи (*dessaisine*),—что служило признакомъ окончательнаго переноса права собственности, и потому принималось за основаніе къ взысканію пошлины.

Вообще въ постановленіяхъ уложенія о куплѣ-продажѣ замѣчается недостаточность и неопредѣленность началъ, которымъ слѣдовало законодательство въ его взглядѣ на юридическое значеніе составныхъ частей обряда: совершенія крѣпости у подъячихъ, справки и отказа. Формальная сторона этого обряда отличается простотою и сухостію канцелярскаго производства, явно обнаруживающимъ преобладающее здѣсь вліяніе административныхъ соображеній. Но при всемъ томъ уложеніе въ сдѣлкѣ, вписанной у площадныхъ подъячихъ, признавало значеніе акта укрѣпленія, въ томъ смыслѣ, что отчужденіе продавцемъ его права на основаніи такой крѣпости считалось невозвратнымъ; и если онъ отказывался отъ справки проданнаго имѣнія за покупщикомъ, то послѣднее справлялось противъ его желанія. Между тѣмъ, по взгляду, утвердившемуся въ нашемъ законодательствѣ со временъ Петра Великаго, сдѣлки о переходѣ права собственности на недвижимыя имѣнія непременно должны быть совершаемы у крѣпостныхъ дѣлъ. Въ слѣдствіе того акты, писавшіеся по уложенію у подъячихъ, и имѣвшіе сходство съ те-

(*) Пековская судная грамота изд. Мурзакевича 1847 г. стр. 2.

перешними французскими conventions de la vente sous seing privé (code civil L, III, T, VI, De la vente), также обязывающими продавца выдачею проданной вещи, утратили свой прежний смысл въ современномъ намъ юридическомъ быту. Въ настоящее время продавецъ, уступившій свое право по акту, писанному на дому, не принуждается общественною властію къ выдачѣ покупщику крѣпости или къ передачѣ ему имѣнія, а покупщикъ, начавшій владѣніе по такому акту, нисколько не имѣетъ преимуществъ въ сравненіи съ незаконными владѣльцами, и пріобрѣтаетъ право собственности наравнѣ съ ними только послѣ 10 лѣтъ владѣнія (*), не взирая на то, имѣлись, или нѣтъ, при заключеніи его сдѣлки, установленныя закономъ условія относительно лицъ продавца и покупщика имѣнія, составляющаго предметъ договора.

Послѣ всего сказаннаго о сдѣлкѣ купли-продажи по дѣйствующимъ законамъ, остановимся на понятіи безспорности права собственности, пріобрѣтаемаго покупщикомъ чрезъ объявленіе переходѣ имѣнія. Примѣняясь къ образцамъ западно-европейскихъ законодательствъ, вопросъ этотъ слѣдуетъ выразить такъ: устраняетъ ли объявленіе по истеченіи двухъ лѣтъ только споръ со стороны продавца и его наслѣдниковъ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ оно дѣлаетъ ничтожными и всякія притязанія постороннихъ лицъ къ отчужденному имѣнію, основанныя на долговыхъ обязательствахъ, выданныхъ продавцемъ и на вотчинныхъ правахъ спорщиковъ? Относительно спора противъ купчей со стороны продавца и его наслѣдниковъ выше мы видѣли, что этотъ споръ, по буквальному смыслу законовъ и по образовавшемуся, на основаніи ихъ, убѣжденію практики, становится неумѣстнымъ тотчасъ по совершеніи крѣпости.—Развитіе этой мысли, между прочимъ, заключается и въ томъ, что по указу 1811 г. установлено печатать въ публичныхъ вѣдомостяхъ объявленія о про-

(*) Относительно исчисленія давностнаго срока для насильственнаго и самовольнаго владѣльца мы говорили въ предшествующей статьѣ.

дажѣ сейчасъ по совершеніи крѣпости, а не при вводѣ во владѣніе, въ тѣхъ собственно видахъ, чтобы предупредить вторичныя продажи однихъ и тѣхъ же имѣній. Относительно же такихъ продажъ, какъ мы сказали, дѣйствуетъ правило, — что изъ двухъ крѣпостей, одновременно совершенныхъ, первая остается въ силѣ.

Понятіе о купчей крѣпости, какъ объ актѣ совершеннаго укрѣпленія права собственности, выражено графомъ Сперанскимъ въ его объяснительной запискѣ содержанія и расположенія свода законовъ гражданскихъ (*) слѣдующими словами: «продажа есть дѣйствіе, *factum*, основанное на согласіи, на словесномъ уговорѣ, который никакими законами не опредѣляется; она не производитъ обязательства, но есть или совершеніе, или свидѣтельство состоявшагося уже, вступившаго въ исполненіе обязательства. Купчая крѣпость никогда не считалась обязательствомъ: это *traditio symbolica*. Она производитъ не искъ (*actio*), и процессъ по ней не принадлежитъ къ исковымъ процессамъ, но къ вотчиннымъ или крѣпостнымъ (*vindicatio*)». Сообразно съ этимъ взглядомъ на купчую крѣпость уплата денежной цѣны проданной вещи у насъ всегда предполагается при самомъ совершеніи акта. Хотя такое правило въ нашихъ законахъ гражданскихъ и не выражено во всей точности, но практика въ настоящемъ случаѣ умозаключаетъ изъ того, что въ 1426 ст. I ч. X т. св. зак. цѣна, за которую продано имѣніе, отнесена къ необходимымъ условіямъ купчей крѣпости, а въ 1428 ст. того же тома сдѣлка объ отсрочкѣ уплаты не показана въ числѣ условій произвольныхъ. — На этомъ основаніи въ нашихъ купчихъ крѣпостяхъ вообще не пишутся условія объ отсрочкѣ взноса покупщикомъ договоренной цѣны. При невозможности для продавца уничтоженія продажи послѣ совершенія крѣпости, послѣднее устраняетъ также и иски постороннихъ лицъ къ отчужденному имѣнію по долговымъ обязательствамъ продавца. Затѣмъ подъ именемъ спора, который, по силѣ 1524 ст. I ч. X

(*) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній Калачева 1839 г.

т. св. зак., не может имѣть мѣста по истеченіи двухъ лѣтъ со дня объявленія о продажѣ, должно разумѣть тяжбы собственниковъ, основанныя на вотчинномъ правѣ, нарушенномъ владѣніемъ и распоряженіемъ продавца имѣнія. Такой взглядъ на договоръ купли—продажи составляетъ убѣжденіе нашихъ судебныхъ мѣстъ, и буквальный смыслъ положительныхъ законовъ, кажется, не даетъ поводовъ сомнѣваться на счетъ правильности его. Но двухлѣтній срокъ послѣ объявленія о переходѣ имѣнія, устраняющій всякій споръ со стороны собственника проданной вещи, представляется слишкомъ короткимъ сравнительно съ сроками, принятыми въ этомъ отношеніи другими европейскими законодательствами. Напримѣръ, во французскомъ правѣ существуетъ постановленіе, что лицо, приобрѣвшее имѣніе добросовѣстно и на основаніи законной сдѣлки, не обязано возвращеніемъ онаго законному собственнику послѣ десяти лѣтъ,—если послѣдній имѣетъ жительство въ томъ вѣдомствѣ королевскаго суда, въ которомъ находится купленное имѣніе, и послѣ двадцати лѣтъ,—если онъ живетъ внѣ этого вѣдомства (Code civil L. III. T. XX).—Вотъ почему юридическое значеніе нашего двухлѣтняго срока вызываетъ серьезныя недоразумѣнія съ точки зрѣнія науки права. Такой смыслъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ заключеніе профессора Мейера о томъ, что успѣшныи споръ о проданномъ имѣніи возможенъ въ теченіи 10 лѣтъ со времени совершенія крѣпости.

Двухлѣтній срокъ со дня объявленія о переходѣ имѣнія съ относящимися къ нему опредѣленіями права составляетъ въ русскомъ правѣ, какъ выше мы видѣли, нововведеніе Императрицы Екатерины II-й. О происхожденіи его мыне можемъ сказать ничего положительнаго. Но по всему намъ кажется, что онъ имѣетъ наибольшее сродство съ римскимъ usucapio, или двухлѣтнимъ срокомъ владѣнія, требовавшимся по jus civile для дополненія сдѣлки о res mancipi. Дѣлая впрочемъ такое сближеніе, нельзя упустить изъ виду и того, что по римскимъ законамъ начало usucapio совпадало въ тѣсномъ смыслѣ слова

съ началомъ новаго владѣнія, а по нашимъ законамъ (ст. 927 1 ч. 10 т. св. зак.) за начало двухлѣтняго срока принимается не владѣніе, а прибитіе у дверей объявленія о переходѣ имѣнія.

Говоря о двухлѣтнемъ срокѣ, ведущемъ по русскимъ законамъ къ окончательному утверженію права собственности за покупщикомъ, остановимся еще на томъ пониманіи этого постановленія, съ которымъ мы встрѣчались на практикѣ, не считая его аутентически вѣрнымъ. Нѣкоторые судебныя мѣста, буквально слѣдуя убѣжденію, что двухлѣтнее обладаніе имѣніемъ послѣ ввода во владѣніе какъ по завѣщанію, такъ и покупчey крѣпости, исключаетъ право законнаго наслѣдника отыскивать имѣніе его наслѣдователя, безусловно отказываютъ, по истеченіи этого срока, наслѣдникамъ въ спорѣ о правахъ ихъ, не дѣлая никакого различія въ томъ, возникло ли послѣднее владѣніе на основаніи завѣщанія или договора о куплѣ-продажѣ. Что касается перехода имѣній по завѣщаніямъ, то хотя 1246 ст. 10 т. св. зак. и установленъ десятилѣтній срокъ на явку наслѣдниковъ для полученія наслѣдства, но какъ въ то же время 1098 ст. 10 тома объявляетъ ничтожнымъ всякій споръ, начатый по истеченіи двухъ лѣтъ со дня публикации объ утвержденіи завѣщанія и о вводѣ во владѣніе, то нѣтъ сомнѣнія, что споръ законнаго наслѣдника, при настоящихъ условіяхъ, не можетъ имѣть мѣста, ибо и самое отношеніе его къ имѣнію, какъ наслѣдника по закону, утратило всякое значеніе при существованіи и безспорности другаго юридическаго отношенія, основаннаго на завѣщаніи. Но въ отношеніи наслѣдника, отыскивающаго послѣ двухъ лѣтъ проданное третьимъ лицомъ имѣніе своего наслѣдователя, приведенное нами правило судебной практики далеко не такъ прочно стоитъ на почвѣ опредѣленій положительныхъ законовъ, и слабая его сторона заключается въ томъ, что оно не разрѣшаетъ видимаго противорѣчія между постановленіями о 10 лѣтнемъ срокѣ на явку наслѣдника для полученія наслѣдства и двухлѣтнемъ со дня объявленія о продажѣ, на объявленіе спора про-

тивъ купчей. Намъ кажется, что отношеніе, возникающее на основаніи сдѣлки купли-продажи, не можетъ исключать права наслѣдника по закону отыскивать въ теченіи 10 лѣтъ своего наслѣдства, какъ немѣющее ничего общаго съ этимъ послѣднимъ правомъ. Подкрѣпленіемъ этого взгляда нашего, думаемъ, можетъ служить то, что и въ римскомъ законодательствѣ *usucapio* ни въ какомъ случаѣ не могло вести къ приобрѣтенію постороннимъ лицомъ наслѣдства при живомъ наслѣдникѣ (*pro herede ex vivi bonis nihil usucapı potest* *).

Ко всему сказанному нами договоръ купли-продажи по уложенію и по русскому законодательству позднѣйшаго времени, и отношеніи къ нему владѣнія, какъ способа приобрѣтенія права собственности, мы не лишнимъ считаемъ прибавить, что не смотря на присущую уложенію и послѣдующимъ за нимъ узаконеніямъ мысль о полномъ подчиненіи факта владѣнія сдѣлкѣ участвующихъ лицъ, получившей утвержденіе государственной власти въ справкѣ и отказѣ имѣнія, въ юридическомъ быту русскаго общества неотразимою силою вещей возникали владѣнія, не только не основанныя на справкѣ и отказѣ, но даже чуждыя письменныхъ и всякихъ другихъ сдѣлокъ. Владѣніе безъ законнаго основанія возникало, когда кто прихватывалъ къ справленному за нимъ имѣнію земли сосѣда, когда владѣлецъ начиналъ владѣть имѣніемъ умершаго вотчинника, считая себя его наслѣдникомъ и не встрѣчая къ тому препятствія со стороны законнаго наслѣдника, и во многихъ случаяхъ, съ которыми насъ знакомитъ наблюденіе теперешней юридической дѣйствительности и которые въ быту современнымъ уложенію, возникали во всякомъ случаѣ съ неменьшею силою, какъ и въ настоящее время. Невозможно, чтобы юрисдикція того времени, проводя на практикѣ свой отвлеченный принципъ о ничтожности владѣнія безъ справки и отказа, оставалась безъ отвѣта на подобныя проявленія живой дѣйствительности, и чтобы судебные обычаи не устанавливали такой или

(*) *Institutionen Puchtas* В. II р. ССXXXIX.

пной нормы для разрѣшенія представлявшихся случаевъ изъ области фактическаго владѣнія. Судебная практика, въ этомъ отношеніи, думаемъ, должна представлять матеріалы, полные интереса для изученія историческаго развитія идеи поземельной собственности въ Россіи. Но и самое законодательство, начиная съ уложенія до учрежденія Императрицы Екатерины II о губерніяхъ и манифеста ея 1787 года, поставившихъ фактическое владѣніе на прочныхъ основаніяхъ въ области права, не оставляло послѣдняго внѣ сферы своихъ опредѣленій. Главнымъ образомъ положительные законы касаются этого предмета въ постановленіяхъ своихъ о порядкѣ разбирательства межевыхъ споровъ и о правилахъ межеванія, какъ общей административной мѣры. Несходство началъ, которымъ слѣдуютъ законодатели въ уложеніи и межевыхъ инструкціяхъ 1754 и 1766 г. съ существующимъ теперь взглядомъ на владѣніе, отсутствіе въ нихъ единства, и та постепенность, съ которою наше законодательство приходило къ опредѣленіямъ Императрицы Екатерины II о владѣніи на правѣ полной собственности и 10-ти лѣтней давности владѣнія, дѣлаютъ настоящій предметъ особенно интереснымъ.

Уложеніе говоритъ очень мало о межевыхъ спорахъ и постановленія его, касающіяся этого предмета, не заключаютъ въ себѣ полнаго и опредѣлительнаго выраженія взгляда законодателя на фактическое владѣніе. Напримѣръ, 51-ая ст. гл. XVII-ой устанавливаетъ: «а будетъ на межѣ у кого съ кѣмъ учинится споръ при межевщикѣ, и межевщикомъ про тѣ спорныя земли сыскивать околными всякими людьми и старожильцы всякіе сыски на крѣпко, и тѣ спорныя земли по сыску по тому же разводити, и межи и грани на тѣхъ спорныхъ земляхъ учинить съ старожильцы». Въ слѣдующихъ за тѣмъ статьяхъ повелѣвается, что если кто при межеваніи учинить неправду, то посылать другое лицо, велѣвъ развести спорную землю такъ, чтобы въ той землѣ у смежныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ впредь спору не было (ст. 53), и наконецъ, въ случаѣ крайней запу-

Тавности дѣла предписывается употреблять весьма странное при настоящихъ юридическихъ понятіяхъ межевое дѣйствіе—образное хожденіе съ жребія—для разведенія спорныхъ земель. Въ этихъ постановленіяхъ законодатель, преслѣдуя цѣль прекратить межевые споры *quand tēme*, по видимому, оставляетъ на второмъ планѣ вопросъ о началахъ, которыя должны быть примѣняемы въ разрѣшеніи дѣлъ этого рода. Но такая односторонность будетъ только кажущаяся, если мы допустимъ, какъ, по всей вѣроятности, и слѣдуетъ, что въ указанныхъ статьяхъ уложенія, подъ именемъ земель, о которыхъ надлежитъ сыскивать окольными людьми, разумѣются владѣнія, не основанныя на крѣпостяхъ и записяхъ, или такія, при сличеніи которыхъ съ документами возникаютъ недоразумѣнія, и что при существованіи письменнаго и официальнаго обозначенія границъ участка, послѣднія возстановлялись въ натурѣ, не смотря на новыя владѣнія, измѣнившія прежній видъ этого участка, и время возникновенія спорнаго владѣнія.

По межевой инструкціи 1754 года было принято за правило: утверждать вотчины во владѣніи по купчимъ, закладнымъ, духовнымъ и ряднымъ записямъ даже и въ томъ случаѣ, если эти крѣпости не записаны и не справлены. Относительно вотчинъ и помѣстій, находившихся во владѣніи послѣднихъ пріобрѣтателей безъ всякихъ письменныхъ документовъ, и переходившихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію по наслѣдству, велѣно справляться,—показаны ли онѣ по писцовымъ книгамъ; и если показаны, то утверждать ихъ за настоящими владѣльцами, а въ противномъ случаѣ обращать въ казну. За примѣрные земли владѣльцы ихъ должны были вносить въ казну установленную межевою инструкціею плату съ десятины. Доказательствами поземельныхъ правъ въ межевой инструкціи признаются: справка по писцовымъ книгамъ и всякимъ крѣпостямъ и свидѣтельскія показанія. Первою, по всей вѣроятности, удостовѣрилось вотчинное право, а послѣднія служили къ разрѣшенію споровъ о границахъ.

Въ межевой инструкціи 1766 г. хотя принятыя начала не вполне еще согласны со взглядомъ дѣйствующаго законодательства на владѣніе и право собственности, но въ ней все направлено къ утверженію (даже и съ пожертвованіемъ казеннаго интереса) частнаго владѣнія, которое признается за право и въ томъ случаѣ, когда оно не основано ни на какихъ документахъ. Такъ по этой инструкціи за доказательство права собственности принимается безспорное издавна, но не позже какъ до 1765 г., владѣніе. Такое владѣніе считается достаточнымъ къ утверженію собственности въ томъ случаѣ, когда владѣльцы не имѣли никакихъ крѣпостей и самыя писцовыя книги сгорѣли или утратились. При неимѣніи крѣпостей и при неизвѣстности мѣры вотчинной дачи принимается за правило межевать на каждую мужеска пола душу, положенную въ подушный окладъ, по 8 десятинъ. Въ видахъ предупрежденія неосновательныхъ поземельныхъ споровъ по межевой инструкціи было постановлено: назначать спорщикамъ срокъ на представленіе крѣпостей, съ тѣмъ, что если они его пропустятъ, то спорную землю брать въ казну; или въ другомъ случаѣ, когда у спорщика, отводившаго въ свои дачи, сверхъ того владѣнія, которое онъ имѣлъ до 1765 г., окажутся излишнія земли, изъ этихъ послѣднихъ предписывалось ему отдѣлять по 10 на каждыя 100 четвертей, а остальные отбирать въ казну. По этой мѣрѣ можно заключать о томъ, какъ еще нетвердо было въ прошломъ столѣтіи юридическое понятіе владѣнія, если считалось тогда возможнымъ подчинять его опредѣленіямъ, заимствованнымъ чисто изъ нравственной сферы.

А. ПЕСТРЖЕЦКІЙ.

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ МЕЖЕВАНІЯ

ВЪ РОССІИ.

Приступая къ изложенію современнаго состоянія межеванія въ Россіи, считаемъ необходимымъ предпослать ему нѣкоторыя общія понятія, касающіяся межеванія вообще и потомъ бросить краткій историческій взглядъ на постепенный ходъ его въ нашемъ отечествѣ. Мы не имѣемъ въ виду излагать подробно исторіи нашего межеванія, такъ какъ предметъ этотъ достаточно уже разработанъ въ статьяхъ Неволина: «объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Екатерины II» и Иванова «опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи». Въ предѣлахъ нашего обзора мы ограничимся указаніемъ только на тѣ историческія свѣдѣнія, которыя существенно необходимы для составленія надлежащаго понятія о современномъ состояніи нашего межеванія.

Первый шагъ каждаго народа на пути развитія политическаго и гражданскаго есть занятіе имъ какого-либо пространства земли, осѣдлость его на извѣстной территоріи. Занявъ часть земли, онъ стремится оградить свою собственность отъ сосѣдей и потому придумываетъ какіе-либо способы или знаки, для опредѣленія границъ своего владѣнія.

Каждый отдѣльный членъ такого общества, по мѣрѣ развитія, чувствуетъ необходимость обезпечить свою самостоятельность.

Въ первыя времена существованія государствъ, при слабости развитія торговой и промышленной дѣятельности, собственность поземельная представляется главнымъ средствомъ къ подобному обезпеченію.

Но для спокойнаго владѣнія ею необходимо установленіе точныхъ и опредѣленныхъ границъ.

Поэтому во всѣхъ развивающихся обществахъ мы видимъ стремленіе къ изысканію способовъ къ огражденію правъ на поземельное владѣніе и средствъ къ пресѣченію возможности ихъ нарушенія.

Такъ образовалась поземельная собственность и въ Россіи, такое же стремленіе къ ея огражденію встрѣчаемъ мы и въ правительствѣ, и въ частныхъ лицахъ.—Но при обширномъ пространствѣ нашего отечества необходимость разграниченія поземельной собственности не могла явиться скоро; только по мѣрѣ увеличенія народонаселенія начала чувствоваться нужда въ точномъ опредѣленіи границъ поземельныхъ владѣній. Начало такого понятія о межеваніи можно отнести не ранѣе, какъ къ царствованію царя Іоанна IV.

Два совершенно различныя начала дѣйствовали въ Россіи относительно межеванія.

До изданія Императрицею Екатериною II манифеста 19-го сентября 1765 года межеваніе сопряжено было съ повѣркою правъ владѣльцевъ на землю, съ ревизіей и редукаціей.

Съ изданіемъ манифеста 19-го сентября 1765 года межеваніе производится на основаніи полюбовныхъ разводовъ владѣльцевъ, причемъ означеннымъ манифестомъ отмѣнены всѣ прежде дѣйствовавшія по межевой части узаконенія.

Слѣды разграниченія поземельной собственности въ Россіи мы встрѣчаемъ въ самыхъ древнихъ письменныхъ памятникахъ;

такъ нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ помѣщены въ прибавленіяхъ сыновой Ярослава къ Русской Правдѣ. Подобно разграниченіе происходило всегда при участіи власти общественной, потому что цѣль разграниченія была еще чисто государственная. Во время Монгольскаго ига и послѣ того, по мѣрѣ сосредоточенія русскихъ княжествъ подъ властію Великихъ Князей Московскихъ, описанія земель встрѣчаются все чаще и чаще; такъ при Іоаннѣ III много земель было описано великокняжескими писцами, при Іоаннѣ IV были описаны едва ли не всѣ земли Россіи.—Но при подобныхъ описаніяхъ, разграниченіе земель играло второстепенную роль, и, служа для цѣлей правительственныхъ, описанія не приносили почти никакой пользы частнымъ лицамъ.

Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ принимали большое участіе въ дѣлѣ межеванія изданіемъ писцовыхъ наказовъ, но не смотря на то, оно не сопровождалось желаннымъ успѣхомъ.—Тоже самое мы видимъ и при послѣдующихъ Императорахъ и Императрицахъ.

Причины подобной неуспѣшности должно искать въ томъ:

1) что лица, производившія межеваніе, не были достаточно къ тому подготовлены, не отличались нравственными качествами и потому не могли возбудить къ себѣ довѣрія владѣльцевъ, во 2) при стѣснительныхъ мѣрахъ ревизіи и редукиціи, владѣльцы затруднялись доказательствомъ правъ своихъ на собственность и въ 3) инструменты, служившіе при межеваніи, были далеко не удовлетворительны.

Сверхъ того, не многія частныя лица понимали важность межеванія, хотя и чувствовали необходимость прекращенія поземельныхъ споровъ; особенно чувствовали это мелкіе владѣльцы, находившіеся подъ вліяніемъ владѣльцевъ богатыхъ и терпѣвшіе отъ нихъ сильныя притѣсненія, одною изъ причинъ которыхъ нельзя не считать неопредѣлительности поземельныхъ границъ. Даже правительство встрѣчало едва-ли не повсемѣст-

ное сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ со стороны владѣльцевъ, нередко силою препятствовавшихъ межевщикамъ производить межевыя дѣйствія. Но что понятіе о важности межеванія уже начинало проникать въ сознаніе частныхъ лицъ, это доказы-вается проектомъ крестьянина *Посошкова*, жившаго при Петрѣ I-мъ.

Въ проектѣ этомъ Посошковъ говоритъ о началахъ, на коихъ должно быть производимо межеваніе, началахъ, совершенноздравыхъ и въ настоящее время даже принятыхъ въ нашемъ законодательствѣ, но, къ сожалѣнію, въ то время на него не обратили никакого вниманія и онъ остался безъ всякаго примѣненія.

Съ изданіемъ манифеста 19 сентября 1765 г. начинается новая эпоха межеванія; съ этого времени основаніемъ ему полагаются—*полюбовныя разводы*. На основаніи вышеизложеннаго манифеста слѣдовало межевать только тѣ смежныя дачи единственнаго владѣнія, владѣльцы коихъ разведутся между собою полюбовно; дачи же владѣльцевъ, которые предъявляютъ споры, оставлять безъ размежеванія до разрѣшенія сихъ споровъ въ порядкѣ судебномъ. Что касается дачъ чрезполосныхъ или находившихся въ общемъ владѣніи, то эти дачи велѣно было обводить одною окружною межею и оставлять ихъ безъ размежеванія до открытія спеціальнаго межеванія.

Такимъ образомъ получило свое начало межеваніе *генеральное*; но какъ оно не могло быть открыто одновременно во всѣхъ губерніяхъ, то владѣльцы тѣхъ губерній, гдѣ межеваніе генеральное не было еще открыто, получили право, если развелись полюбовно, просить о командированіи межевыхъ чиновъ для производства межеванія. Всѣ издержки, сопряженныя съ командированіемъ такихъ чиновъ, обращались на коштъ владѣльцевъ, почему означенное межеваніе и получило названіе *коштнаго*.

Такимъ образомъ манифестъ 19 сентября 1765 года установилъ два вида межеванія: *генеральное* и *коштное*.

Послѣ того, такъ какъ владѣльцы, земли коихъ при генеральномъ межеваніи были обойдены одною окружною межею, могли впоследствии развестись полюбовно, то, для облегченія ихъ, размежеваніе подобныхъ земель было возложено въ 1806 году на уѣздныхъ землебрровъ.

При всемъ томъ въ губерніяхъ, генерально размежеванныхъ, оставалось большое число дачъ, не получившихъ внутренняго размежеванія. Правительство усмотрѣло, что прежнія правила межеванія не вполне соответствовали цѣли его, и потому приняты были мѣры къ изданію правилъ *полюбовнаго спеціальноаго* межеванія. Съ 1836 года въ губерніяхъ генерально обмежеванныхъ было открыто полюбовное спеціальное межеваніе, а для облегченія владѣльцамъ полюбовныхъ соглашеній, правительство признало нужнымъ учрежденіе особыхъ мѣстъ и лицъ, которыя увѣщаніями способствовали бы разводу общихъ и обмѣну чрезполосныхъ земель.

Такъ въ 1839 году получили начало *посредники*, а въ 1841 году *посредническія коммисіи*.

Но какъ и послѣ всѣхъ льготъ и облегченій, дарованныхъ правилами полюбовно-спеціальноаго межеванія, многіе, по упорству или по неточному пониманію правъ своихъ, оставались неразмежеванными, то, для прекращенія такого состоянія, изданы въ 1853 году правила *судебно-межеваго разбираательства*, т. е. правила, на основаніи коихъ права неразмежевавшихся полюбовно владѣльцевъ разсматриваются гражданскими судебными мѣстами.

Въ настоящее время два главные вида межеванія, различаемые нашимъ законодательствомъ, суть: межеваніе *генеральное и полюбовное спеціальное* или просто *спеціальное*.

Бросивъ бѣглый взглядъ на ходъ межеванія вообще въ Россіи, переходимъ къ разсмотрѣнію его двухъ главныхъ видовъ.

Межеваніе генеральное. Какъ было сказано выше, межеваніе генеральное производится для опредѣленія окружныхъ гра-

ийцѣ дачамъ, безъ разбирательства, одному или многимъ владѣльцамъ онѣ принадлежать. Оно открыто въ 1766 г. и начато съ Московской губерніи; потомъ переходило изъ одной губерніи въ другую, такъ что къ началу 1859 г. было уже 34 генерально обмежеванныхъ губерніи: 1) Астраханская, 2) Владимірская, 3) Воронежская, 4) Вятская, 5) Екатеринославская, 6) Казанская, 7) Калужская, 8) Костромская, 9) Московская, 10) Нижегородская, 11) Новгородская, 12) Оренбургская, 13) Орловская, 14) Псковская, 15) Пензенская, 16) Пермская, 17) Рязанская, 18) Самарская, 19) С.-Петербургская, 20) Тверская, 21) Херсонская, 22) Ярославская, 23) Витебская, 24) Вологодская, 25) Курская, 26) Могилевская, 27) Олонеккая, 28) Саратовская, 29) Смоленская, 30) Симбирская, 31) Таврическая, 32) Тамбовская, 33) Тульская, 34) Харьковская.

Въ означенныхъ губерніяхъ считается дачь 137, 014, въ нихъ десятинъ 273,702, 747.

Но не для всѣхъ губерній правила генеральнаго межеванія, помѣщенные въ межевой инструкціи 1766 года, оказались вполне удовлетворительны. Земли Европейской Россіи, раскинутыя на огромномъ пространствѣ, находятся подъ весьма различными географическими и этнографическими условіями. Не вся поземельная собственность, развивалась подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же законовъ. Много земель поступило во владѣніе Россіи изъ подъ чужеземной власти. Для такихъ мѣстностей необходимы были дополнителныя правила, сообразныя съ положеніемъ ихъ и съ прежними началами, дѣйствовавшими въ нихъ относительно поземельной собственности. Сообразно этому, составлялись дополнителныя правила на размежеваніе Новороссійскаго края и Крымскаго полуострова, Бессарабской области, губерній Симбирской, Саратовской и Оренбургской, губерній Вятской, Астраханской, губерній Бѣлорусскихъ, и наконецъ въ настоящее время, какъ извѣстно, составляются дополнителныя правила для размежеванія губерній отъ Польши воз-

вращенныхъ, т. е. Кіевской, Волынской, Подольской, Минской, Виленской, Ковенской и Гродненской.

Общему ходу межеванія, какъ видно по вышепоименованнымъ генерально обмежеваннымъ губерніямъ, не подлежали губерніи Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго, Закавказскаго края и Сибири, въ коихъ межевыя управленія и производство межеванія имѣютъ особое устройство, какъ и прочія части судебнаго и административнаго управленія.

Въ настоящее время генеральное межеваніе производится въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, и въ Шенкурскомъ уѣздѣ губерніи Архангельской.

Межеваніе спеціальное. Межеваніе спеціальное, въ настоящемъ своемъ видѣ получившее начало въ 1836 году, производится для опредѣленія границъ частнымъ участкамъ, въ окружной межѣ находящимся; оно открывается въ губерніяхъ генерально обмежеванныхъ и производится при участіи особыхъ избираемыхъ изъ среды дворянства лицъ, носящихъ наименование *посредниковъ*. Число такихъ лицъ простирается въ настоящее время до 185.

Для побужденія владѣльцевъ къ полюбовному разводу общихъ и чрезполосныхъ дачъ какъ между собою, такъ и съ разными вѣдомствами, правительствомъ предоставлены имъ нѣкоторыя льготы; именно, такъ какъ главный способъ, содѣйствующій полюбовнымъ разводамъ, есть размѣнъ землями, то владѣльцы, при размѣнѣ земель и крестьянскихъ дворовъ, если имѣніе не заключаетъ въ себѣ болѣе 20 душъ по послѣдней ревизіи, освобождены отъ платежа крѣпостныхъ пошлицъ и всѣ таковыя дѣла производятся на простой бумагѣ.

Въ настоящее время полюбовное спеціальное размежеваніе производится въ 29 губерніяхъ: 1) Витебской, 2) Владимірской, 3) Вологодской, 4) Воронежской, 5) Вятской, 6) Казанской, 7) Калужской, 8) Костромской, 9) Курской, 10) Могилевской, 11) Московской, 12) Нижегородской, 13) Новгородской, 14)

Оренбургской, 15) Орловской, 16) Олонецкой, 17) Псковской, 18) Пензенской, 19) Рязанской, 20) Самарской, 21) С-Петербургской, 22) Саратовской, 23) Смоленской, 24) Симбирской, 25) Тамбовской, 26) Тверской, 27) Тульской, 28) Харьковской, 29) Ярославской.

Успѣхъ спеціальнаго межеванія можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Съ открытія спеціальнаго межеванія, т. е. съ 1836 г. по 1859 годъ:

	Дачь.	Десятинь.
Обнаружено общаго чрезполоснаго владѣнія - - - -	78,155	55,834,974
Согласовано - - - -	71,380	45,306,507
Изъ согласованныхъ окончательно размежевано, въ томъ числѣ промѣннныхъ и оставленныхъ въ общемъ владѣніи - - - -	58,041	36,736,927
Подлежать къ размежеванію -	13,339	8,569,580
Осталось къ соглашенію. - -	6,775	10,528,467
За споромъ и по несогласію владѣльцевъ на размежеваніе дѣла представлены на разсмотрѣніе въ посредническія комиссіи. - -	1,337	1,953,005

Такое положеніе полюбовнаго спеціальнаго межеванія представляется удовлетворительнымъ, если обратимъ вниманіе на особыя причины, дѣйствующія на него неблагопріятнымъ образомъ. Такъ, изъ вышеизложенной таблицы видно, что изъ чи-

сла обнаруженныхъ общихъ чрезполосныхъ дачъ дѣятельности посредниковъ предстоптъ еще соглашеніе по 6775 дачамъ. Цифра эта достаточно показывается, что такія неблагопріятныя причины существуютъ.

Главною изъ нихъ должно считать весьма частыя переѣзды, которые обязаны совершать посредники изъ одного мѣста въ другое, что въ особенности мѣшаетъ успѣхамъ межеванія въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, гдѣ каждый уѣздъ по пространству своему могъ бы быть особымъ государствомъ. Неудовлетворительное составленіе полюбовныхъ сказокъ, при неопредѣлительности которыхъ бываетъ нерѣдко нужно прибѣгать къ новому соглашенію владѣльцевъ, а равно неимѣніе владѣльцами въ готовности всѣхъ необходимыхъ документовъ генеральнаго межеванія, чтобы приступить къ межеванію спеціальному, также составляютъ немалую препону успѣхамъ межеванія.

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ владѣльцахъ замѣчается упорство въ соглашеніяхъ. Это подтверждается тѣмъ, что и правительство замѣтило оное и установило особые денежные штрафы съ владѣльцевъ, уклоняющихся отъ межеванія. Вообще на дѣло это владѣльцы смотрятъ не довольно серьезно, соглашенія происходятъ не съ надлежащею быстротою; назначаются съѣзды для соглашеній, потомъ по маловажнымъ причинамъ отлагаются, и такимъ образомъ тратится напрасно много времени.

Средство къ прекращенію подобныхъ замедленій есть добрая воля владѣльцевъ. Конечно, уравненіе хозяйственныхъ выгодъ представляетъ много трудностей, но въ наше время каждый понимаетъ пользу спокойнаго безспорнаго владѣнія, а для достиженія его слѣдуетъ не требовать невозможнаго, а въ иныхъ случаяхъ съумѣть и уступить.

Теперь болѣе чѣмъ когда-либо предстоптъ надобность въ скорѣйшемъ окончаніи межеванія, въ особенности въ виду вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, вопроса, тѣсно связаннаго съ устройствомъ поземельной собственности.

Владѣльцамъ слѣдуетъ заботиться, чтобы разрѣшеніе этого вопроса не застало ихъ врасплохъ, имъ надо помнить, что изъ неважнаго въ началѣ спора о какомъ-нибудь клочкѣ земли могутъ въ послѣдствіи возникнуть важныя затрудненія. Не слѣдуетъ имъ забывать и того, что если они будутъ оставаться невнимательными къ требованіямъ времени и собственной пользѣ, то они по точнымъ словамъ закона должны лишиться выгодъ полюбовнаго спеціальнаго межеванія, а права ихъ на земли должны подвергнуться судебному межевому разбирательству, что по необходимости должно на нѣкоторое и даже на довольно продолжительное время отдалить тѣ выгоды, которыя сопряжены съ спокойнымъ, безспорнымъ владѣніемъ.

И, Б—ВЪ.

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Если завѣщатель не умѣетъ, или за болѣзнию не можетъ подписать своеручно завѣщаніе: то, сверхъ свидѣтелей, вмѣстѣ его и по его просьбѣ должна быть подпись другаго лица (т. X св. зак. гражд. ч. I-я ст. 1853). Подпись эту не можетъ замѣнять крестъ, или иной какой либо знакъ, поставленный на завѣщаніи, хотя бы постановленіе такого знака самимъ завѣщателемъ и было удостовѣряемо въ подписи свидѣтелей.— Если на завѣщаніи, написанномъ не самимъ завѣщателемъ, нѣтъ подписи переписчика, а сей послѣдній, являсь, на основаніи ст. 1049-й т. X ч. I-й, въ судебное мѣсто, покажетъ, что завѣщаніе писано дѣйствительно имъ, но не по личной просьбѣ и не со словъ самаго завѣщателя, то такое завѣщаніе, по примѣненію къ ст. 1046-й, не можетъ подлежать засвидѣтельствуванію.

Вдова булочнаго мастера Анна Керсть обратилась въ Правительствующій Сенатъ съ частною жалобою на опредѣленіе 2-го

департамента С.-Петербургской гражданской палаты, коимъ отказано въ засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія мужа просительницы, Юганна-Готлиба Керста.

Основаніемъ къ такому опредѣленію гражданской палаты, послѣдовавшему 9-го августа 1857 г., послужило то обстоятельство, что на духовномъ завѣщаніи Керста нѣтъ ни подписи переписчика, на подписи самаго завѣщателя, или рукоприкладчика за него, и указываемый вдовою Керсть переписчикъ, коллежскій секретарь Линдстремъ, при допросѣ показаль, что онъ писалъ завѣщаніе Керста, но не по личной его просьбѣ и не со словъ его, а по просьбѣ пастора Юргенсона съ черноваго проэкта, и самаго завѣщателя въ то время не видалъ.

Въ означенной жалобѣ своей Анна Керсть объясняетъ: 1) что завѣщаніе мужа ея есть дѣйствительное выраженіе его воли, и 2) что по закону требуется, чтобы переписчикъ удостовѣрилъ, что завѣщаніе писано имъ; но изъ сего еще не слѣдуетъ, что завѣщаніе должно быть писано переписчикомъ по личной о томъ просьбѣ завѣщателя и со словъ его.

По симъ основаніямъ и въ томъ вниманіи, что противу завѣщанія спора ни отъ кого не предъявлено и что всѣ свидѣтели оное утвердили, Анна Керсть проситъ Правительствующій Сенатъ предписать палатѣ о засвидѣтельствованіи завѣщанія ея мужа.

По существу ходатайства просительницы подлежитъ разрѣшенію вопросъ:

Можетъ ли подлежать засвидѣствованію духовное завѣщаніе, составленное отъ имени булочнаго мастера Керста?

Изъ дѣла видно, что духовное завѣщаніе Юганна-Готлиба Керста писано на листь гербовой бумаги въ 30 к. сер., но не рукою завѣщателя и имъ не подписано.

Въ самомъ завѣщаніи изъяснено: «просиль я (Керсть) написать распоряженія, сдѣланныя ниже, написанныя тщатель-

но просмострѣлъ и утвердилъ вмѣсто подписи тремя крестами, такъ какъ по причинѣ постоянного дрожанія руки не могу писать; всякое же могущее возникнуть по сему предмету сомнѣнiе отстранено чрезъ подписи, учиненныя по просьбѣ моей духовникомъ моимъ, а также врачомъ, пользовавшимся меня во время моей болѣзни, и тремя заслуживающими вѣры свидѣтелями».

Согласно сему, завѣщанiе не подписано завѣщателемъ, но скрѣплено тремя крестами.

По закону: домашнее духовное завѣщанiе, какъ писанное самимъ завѣщателемъ, такъ и писанное по просьбѣ и со словъ его другимъ, должно быть подписано завѣщателемъ.—Подпись же должна заключать въ себѣ имя, отчество и фамилю или прозвание. (ст. 1046 т. X св. зак. гр. ч. 1 изд. 1857 г.).

На основанiи сего узаконенiя три креста, поставленные завѣщателемъ, не могутъ замѣнять подписи, непременно требуемой въ семъ случаѣ закономъ, и потому нельзя не признать, что въ завѣщанiи Керста не соблюдено одного изъ важнѣйшихъ условiй, необходимыхъ для засвидѣтельствованiя завѣщанiя.

Пасторъ Юргенсонъ въ подписи своей на завѣщанiи хотя и удостовѣряетъ, что завѣщанiе дѣйствительно писано по просьбѣ завѣщателя, имъ пересмотрѣно, и утверждено вмѣсто рукоприкладства тремя крестами; но подобное удостовѣренiе не можетъ быть достаточнымъ, ибо статью 1053 т. X ч. I изд. 1857 г. въ отношенiи завѣщанiй, не подписанныхъ завѣщателемъ по болѣзни или неумѣнью грамотѣ, именно постановлено, что въ семъ случаѣ сверхъ свидѣтелей вмѣсто завѣщателя и по просьбѣ его должна быть подпись другаго лица.

Завѣщанiе Керста принадлежитъ къ числу завѣщанiй, писанныхъ не рукою завѣщателя, а переписчика.

Подобнаго рода завѣщанiя подлежатъ въ оставленiи своемъ особеннымъ формальностямъ, предписаннымъ закономъ.

Главное въ семь случаѣ условіе состоитъ въ томъ, чтобы духовное завѣщаніе писано было другимъ по просьбѣ и со словъ завѣщателя.

Условіе сіе явствуетъ изъ ст. 1046 (т. X ч. I изд. 1857 г.), на основаніи коей домашнее завѣщаніе пишется или во всемъ его пространствѣ рукою завѣщателя, или по просьбѣ и со словъ его другимъ.

Когда завѣщаніе написано другимъ, то, сверхъ собственноручной подписи завѣщателя, должна быть подпись того, кто писалъ завѣщаніе (ст. 1048).

На завѣщаніи Керста не имѣется подписи переписчика, и даже о немъ ничего не упомянуто.

На основаніи 1049 ст. т. X ч. I изд. 1857 г. завѣщанія безъ подписи переписчиковъ къ явкѣ не принимаются, развѣ бы писецъ, въ продолженіи того срока, въ который завѣщаніе по общимъ постановленіямъ къ засвидѣтельствованію принято быть можетъ, явись въ судебное мѣсто, письменнымъ показаніемъ утвердилъ, что духовная дѣйствительно писана имъ, и по сличеніи почерка руки, таковое показаніе было бы достаточно доказано.

Пря явкѣ завѣщанія въ палату, Анна Керсть объявила, что завѣщаніе писано было коллежскимъ секретаремъ Карломъ Линдстремомъ.

Сей послѣдній, явись въ палату 1-го марта 1857 г., въ присутствіи оной того же числа далъ письменное показаніе, что онъ дѣйствительно писалъ духовное завѣщаніе булочнаго мастера Юганна-Готлиба Керста, но не по личной и вообще не по просьбѣ и не со словъ самаго завѣщателя, а по просьбѣ пастора Юргенсона, на дому у сего послѣдняго съ черноваго проэкта, писаннаго имъ же, Юргенсономъ; завѣщателя же Керста онъ, Линдстремъ, при написаніи завѣщанія не выдалъ, а по-

тому не знаетъ, былъ ли онъ тогда въ здоровомъ умѣ и твердой памяти.

Подобное показаніе переписчика не можетъ быть признано за утвержденіе завѣщанія, ибо совокупное соображеніе точнаго смысла ст. 1046 и 1049 показываетъ, что переписчикъ долженъ не только показать, что завѣщаніе писано имъ, но также и то, что оно писано имъ со словъ и по просьбѣ завѣщателя.

Требовать отъ переписчика показанія лишь о томъ, что онъ писалъ завѣщаніе, значило бы допустить толкованіе не только не согласное, но даже противорѣчащее какъ ст. 1046, такъ и общему понятію о духовныхъ завѣщаніяхъ, ибо духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай его смерти (ст. 1010 т. X).—Слѣдовательно завѣщаніе, писанное переписчикомъ не со словъ и не по просьбѣ завѣщателя, не можетъ быть признано законнымъ объявленіемъ воли владѣльца.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что въ составленіи духовнаго завѣщанія Керста не соблюдено формальностей, предписываемыхъ закономъ какъ для завѣщаній вообще, такъ и въ особенности для завѣщаній, писанныхъ переписчикомъ.

Подобное отступленіе отъ закона, допущенное въ завѣщаніи, лишаетъ оное законной силы, и завѣщаніе потому самому не можетъ уже быть принято къ явкѣ, хотя бы всѣ прочія условія, предписанныя закономъ, и были съ точностію исполнены.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, жалоба Анны Керствъ на опредѣленіе гражданской палаты оставлена была безъ уваженія

II.

Члены конкурсных управлений, учрежденных надъ имуществомъ несостоятельныхъ должниковъ, должны о каждой своей отлучкѣ уведомлять то судебное мѣсто, въ вѣдѣніи котораго состоитъ конкурсъ, и только при соблюденіи этой формальности могутъ быть вполне освобождены отъ ответственности за утраты и безпорядки, оказавшіеся во время отлучки ихъ въ дѣлахъ и суммахъ конкурса. Главная ответственность за такія утраты и безпорядки должна упасть на того члена конкурса, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находились дѣла и касса опago, и который за отлучкою своихъ товарищей не озаботился испросить назначенія себѣ въ помощь другихъ кураторовъ. Взысканіе недостающей суммы должно быть обращено прежде всего на имущество сего послѣдняго члена, а уже въ случаѣ несостоятельности его, на имущество прочихъ членовъ, самовольнымъ оставленіемъ конкурса способствовавшихъ разстройству дѣлъ и растратѣ суммъ его.

Купцы Филатовъ и Пасковъ-Шараповъ, производившіе общую торговлю, были объявлены въ 1828 году несостоятельными должниками.

Въ учрежденномъ по дѣламъ ихъ конкурсѣ состояли кураторами генералъ-маіоръ Юдинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гречъ и титулярный совѣтникъ Лука Зиминъ.

Въ квартирѣ послѣдняго находилась контора и касса конкурса.

Въ 1841 году Юдинъ отлучился изъ С.-Петербурга, а потомъ 10 мая выбылъ за границу съ Высочайшаго соизволенія Гречъ, и за тѣмъ остался одинъ кураторъ Лука Зиминъ, который 17 сентября тогоже 1841 года умеръ.

2-й Департаментъ С.-Петербургскаго городского магистрата, получивъ свѣдѣнiе о кончинѣ Зимина, сдѣлалъ распоряженiе о запечатанiи и сохраненiи дѣлъ конкурса и денежной суммы, что было исполнено 19 сентября 1841 года.

Затѣмъ указомъ городского магистрата отъ 9 января 1842 года утверждены, по избранiю кредиторовъ, въ званiи кураторовъ конкурса Гречъ, Юдинъ, сынъ умершаго Зимина Валерiанъ Зиминъ, и вновь избранный коллежскiй ассесоръ Богдановъ.

Изъ нихъ Юдинъ умеръ до полученiя указа.

По распечатанiи въ томъ же январѣ 1842 года конкурсной кассы, найдены въ сундукѣ банковые билеты, акцiи обществъ, росписка дѣйствительнаго статскаго совѣтника Греча 1838 года, данная Лукѣ Зимину въ полученiи въ счетъ дивиденда 6,000 р. асс., и заемное письмо статскаго совѣтника Масальскаго въ 6,650 р. асс.

Въ послѣдствiи, и именно 11 мая 1843 года, кураторы Гречъ и Богдановъ донесли магистрату, что по разсмотрѣнiи книгъ конкурса исчисленъ недостатокъ суммы на 44,373 р. 77½ коп. асс. (12,678 р. 25 к. сер.). При семъ Гречъ объяснилъ, что росписка его въ 6,000 р. асс. хотя и оказалось въ сундукѣ, но она подлежитъ уничтоженiю, ибо онъ росписался особо въ этой суммѣ, которая была включена въ число дивиденда 13,778 руб.

По сему донесенiю магистратъ сообщилъ полицiи о розысканiи означеннаго недостатка суммы съ сына бывшаго куратора Луки Зимина, Валерiана Зимина. 1-й Департаментъ С.-Петербургской гражданской палаты, по жалобѣ Зимина предписалъ магистрату истребовать отъ наследниковъ Зимина и Юдина объясненiе, и удостовѣряться о количествѣ недостающей суммы, сдѣлать объ отвѣтственности кураторовъ законное постановленiе.

При производствѣ дѣла наследники Зимина, не принимая отвѣтственности за недостатокъ конкурсной суммы исключительно на себя, утверждали, что взысканіе должно упадать на всѣхъ кураторовъ. Гречъ съ своей стороны слагалъ съ себя всякую отвѣтственность, удостовѣряя, что, отъѣзжая за границу, онъ оставилъ конкурсную кассу, бывшую въ единственномъ распоряженіи куратора Зимина и въ его домѣ, въ совершенномъ порядкѣ.

Дочь генераль-маіора Юдина просила не привлекать ея къ отвѣту по сему дѣлу, на томъ основаніи, что оно относится къ лицу ея родителя, который уже умеръ и не оставилъ послѣ себя никакого имѣнія.

Относительно количества недостающей суммы, кураторъ конкурса Богдановъ и потомъ конкурсъ, донесли магистрату, что по ближайшей повѣркѣ итоговъ и транспортовъ въ книгахъ оказался по разности прихода съ расходомъ недостатокъ суммы на 23,231 р. 34 к. асс., кромѣ того по книгамъ нѣтъ росписокъ въ полученіи денегъ, показанныхъ въ расходѣ на 28,014 р. 20 к. ас. Такимъ образомъ значится недостающей суммы всего на 51,245 р. 54 к. ассиг.

При семъ конкурсъ удостовѣрилъ, что въ дѣлахъ онаго нѣтъ увѣдомленія Греча объ отъѣздѣ его за границу и свѣдѣнія о томъ, чтобы производимо было освидѣтельствованіе кассы.

2-й Департаментъ городского магистрата, по разсмотрѣніи дѣла, находилъ, что изъ оказавшагося недостатка конкурсной суммы 51,245 р. 54 к. ас. слѣдуетъ исключить 6,000 р. ас. по роспискѣ Греча, а также другія суммы, выдача коихъ подтвердилась, а всего подлежитъ къ исключенію 19,394 р. 45 к. ас., и за симъ недостатокъ составляетъ 31,651 р. 9 к. ас. (9,043 р. 16³/₄ к. сер.); сумму эту магистратъ, по рѣшенію 17 марта 1849 г., опредѣлилъ взыскать въ равной части съ Греча и наследниковъ Зимина съ процентами, освободивъ третьяго куратора Юдина по тому уваженію, что къ отъѣзду его Гречъ и

Зиминъ препятствія не находилъ, и предоставя Гречу доказывать особо о томъ, что до отъезда его за границу касса состояла въ надлежащемъ количествѣ.

1-й Департаментъ С.-Петербургской гражданской палаты, рассмотрѣвъ дѣло по апелляціи повѣреннаго Греча, утвердилъ рѣшеніе магистрата о взысканіи недочетовъ съ Греча и наследниковъ Зимина.

4-й Департаментъ Сената, рассмотрѣвъ дѣло въ слѣдствіе апелляціи повѣреннаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Греча, по опредѣленію 15 февраля 1854 года утвердилъ рѣшеніе гражданской палаты и предоставилъ Гречу доказывать особо, что кредиторы, копмъ выдача дивиденда произведена безъ росписокъ, получали таковой дивидендъ.

На опредѣленіе 4-го департамента дѣйствительный статскій совѣтникъ Гречъ принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно было рассмотреть въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

Въ жалобѣ своей Гречъ объяснилъ, что отъездъ его за границу въ 1841 году послѣдовалъ съ разрѣшенія правительства и съ вѣдома магистрата; послѣ его отъезда, касса конкурса, до запечатанія оной, находилась въ теченіи 130 дней въ храненіи, завѣдываніи и распоряженіи одного Зимина, а послѣ его смерти въ теченіи двухъ сутокъ, съ 17 по 19 сентября, не была ни подъ чьимъ присмотромъ; сами наследники Зимина не пригласили ни стороннихъ лицъ, ни полицію къ запечатанію конторы конкурса, и по производству дѣла не представили никакихъ доказательствъ, чтобы при отъездѣ Греча въ кассѣ былъ уже недостатокъ суммы. На семъ основаніи Гречъ просилъ объ освобожденіи его отъ наложеннаго на него взысканія.

По соображеніи всеподданнѣйшей просьбы Греча съ обстоятельствами настоящаго дѣла оказалось, что кураторъ Гречъ выѣхалъ за границу 10 мая 1841 года съ разрѣшенія правительства; при чемъ другой кураторъ Зиминъ остался одинъ завѣдывать дѣлами и кассою конкурса, не требовалъ повѣрки

кассы, не доносилъ магистрату о недостаткѣ суммы и не ходатайствовалъ о назначеніи въ помощь себѣ другаго куратора, на мѣсто выбывшаго Греча.

Равно по производству дѣла ничѣмъ положительно не доказано, чтобы недостатокъ суммы въ конкурсной массѣ существовалъ до 10 мая 1841 г., т. е. до времени отъѣзда куратора Греча за границу.

Обстоятельство, что конкурсныя суммы не были въ свое время обращаемы въ билеты кредитныхъ установленій, выведенное гражданскою палатою въ основаніе къ обвиненію Греча, обнаруживаетъ только несоблюденіе порядка въ храненіи суммъ и не удостовѣряетъ о растратѣ оныхъ.

Равнымъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ недостатка конкурсныхъ денегъ при отъѣздѣ Греча за границу найденная въ конкурсной массѣ росписка Греча въ 6 т. р. асс., такъ какъ эта росписка была выдана за три года до его отъѣзда, дана лично на имя Зимина и открыта въ конкурсномъ сундукѣ во время бытности Греча за границею, когда дѣлами и кассою конкурса завѣдывалъ одинъ Зиминъ, слѣдовательно храненіе оной въ конкурсномъ сундукѣ зависѣло отъ непосредственнаго распоряженія Зимина.

Будучи сотоварищемъ Греча по занимаемой должности куратора, Зиминъ не могъ не знать объ отъѣздѣ его за границу, и при этомъ онъ не только не доносилъ городовой магистрату о недостаткѣ кассы, но не требовалъ и повѣрки оной отъ Греча.

Такимъ молчаніемъ, а равно допущеніемъ Греча отправиться безпрепятственно за границу, Зиминъ выразилъ признаніе, что до времени отъѣзда Греча касса находилась въ цѣлости. Притомъ послѣ отъѣзда Греча конкурсныя дѣла и касса оставались въ квартирѣ Зимина въ исключительномъ храненіи и распоряженіи одного Зимина, который въ огражденіе себя не озаботился испросить назначенія себѣ въ помощь другаго куратора, и чрезъ то принялъ на себя отвѣтственность за всѣ по-

слѣдствія, могущія произойти отъ неисправности въ исполненіи возложенной на него обязанности.

Изъ сего видно, что Зиминъ представляется главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за недостатокъ суммы. Но съ другой стороны нельзя не принять въ соображеніе, что Гречъ ничѣмъ не доказалъ, чтобы онъ о предстоящемъ отъѣздѣ своемъ донесъ по порядку городовому магистрату, въ слѣдствіе чего не было принято надлежащихъ мѣръ къ охраненію конкурсной массы.

Такимъ образомъ недонесеніемъ о своемъ выбытіи Гречъ не оградилъ себя вполне отъ отвѣтственности, и не предупредилъ всѣхъ вредныхъ послѣдствій, оказавшихся для конкурсной массы. А потому, по смыслу ст. 651-ой ч. 1-й т. X зак. гражд., въ случаѣ несостоятельности Зимина, Гречъ долженъ подлежать отвѣтственности предъ конкурсомъ, учрежденнымъ по дѣламъ Филатова и Паскова-Шарапова.

Въ отношеніи третьяго куратора, генераль-маіора Юдина, надлежитъ принять во вниманіе, что отлучка его изъ С.-Петербурга послѣдовала также безъ особаго разрѣшенія, и потому онъ въ равной степени съ Гречемъ оказывается виновнымъ въ оставленіи кассы конкурса въ единственномъ распоряженіи Зимина.

По симъ основаніямъ, взысканіе всей неоказавшейся по конкурсу Филатова и Паскова-Шарапова суммы, въ количествѣ, опредѣленномъ 4-мъ департаментомъ Правительствующаго Сената, рѣшеніе коего для конкурса вошло въ законную силу, обращено было на наследниковъ бывшаго куратора титулярнаго совѣтника Луки Зимина, а въ случаѣ ихъ несостоятельности, на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Греча и наследниковъ генераль-маіора Юдина, съ предоставленіемъ наследникамъ Зимина, Гречу и наследникамъ Юдина доказывать отъ дѣла сего особо дѣйствительность выдачи выведенныхъ по книгамъ конкурса въ расходъ денегъ, въ полученіи коихъ нѣтъ росписокъ.

III.

Иски по домовымъ обязательствамъ могутъ быть завѣщательны и не получены еще разрѣшенія въ судебномъ порядкѣ. Завѣщательное распоряженіе, сдѣланное по этому предмету, остается въ своей силѣ, хотя бы обращеніе взысканія на то или другое имѣніе должника исходатайствовано было послѣ смерти завѣщателя однимъ изъ наслѣдниковъ его, независимо отъ прочихъ.—Судебное мѣсто не можетъ присудить истцу больше того, чего онъ просилъ въ исковомъ прошеніи, хотя бы по представленнымъ истцемъ документамъ онъ и имѣлъ право на большее.

Коллежскій секретарь Тимофей Пріѣзжевъ, имѣя долговья претензіи по заемнымъ письмамъ на полковникѣ Кречетниковѣ, производилъ взысканіе съ имѣній, доставшихся Кречетникову по наслѣдству и состоящихъ въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ.

Дѣло о взысканіи долга съ Саратовскаго имѣнія Кречетникова доходило, по апелляціи Пріѣзжева, до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената, который по опредѣленію 20 мая 1847 г. заключилъ: имѣніе это, равно и другое, какое можетъ оказаться принадлежащимъ должнику Кречетникову, обратить на удовлетвореніе его долговъ.

Между тѣмъ Тимофей Пріѣзжевъ умеръ и оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ воля его была выражена слѣдующимъ образомъ:

Имѣеть онъ претензію по заемнымъ письмамъ на полковникъ Кречетниковъ, о взысканіи коихъ изъ имѣній, дошедшихъ къ Кречетникову въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ, производится дѣло въ Московскомъ уѣздномъ судѣ, и когда послѣдуетъ удовлетвореніе, то изъ полученныхъ денегъ выдать дѣтямъ его брата Павла Пріѣзжева 4-т. и Московскому купцу Василию Волкову 3-т. руб., за тѣмъ изъ остальныхъ денегъ получить старшему сыну завѣщателя статскому совѣтнику Николаю Пріѣзжеву, четвертую часть, а оставшіяся за симъ деньги раздѣлить по равнымъ частямъ двумъ сыновьямъ завѣщателя Ивану и Ѳедору Пріѣзжевымъ и тремъ дочерямъ, кто изъ нихъ будетъ находиться въ живыхъ.

Прежде нежели послѣдовало вышеозначенное опредѣленіе Правительствующаго Сената о Саратовскомъ имѣніи Кречетникова, состоялось въ Московской гражданской палатѣ о Симбирскомъ имѣніи рѣшеніе, коимъ было отказано въ удовлетвореніи изъ того имѣнія претензіи Пріѣзжева на Кречетниковъ.

Изъ вышеозначенныхъ наслѣдниковъ Тимофея Пріѣзжева, двое, Николай и Ѳедоръ Пріѣзжевы подали апелляціонныя жалобы на рѣшеніе гражданской палаты о Симбирскомъ имѣніи въ Правительствующій Сенатъ, который по опредѣленію 28 октября 1848 года присудилъ и это имѣніе на удовлетвореніе долговъ Кречетникова.

Послѣ сего коллежскій секретарь Ѳедоръ Пріѣзжевъ подалъ 22 Іюня 1850 года въ Московскій уѣздный судъ прошеніе, въ которомъ объяснилъ:

1-е, что удовлетвореніе претензіи изъ Симбирскаго имѣнія должника Кречетникова не было достигнуто по ходатайству его родителя, а присуждено по апелляціямъ, принесеннымъ отъ него, Ѳедора, и брата его Николая; посему сила и дѣйствіе за-

звѣщанія ихъ отца не можетъ распространяться на деньги, могущія выручиться изъ продажи Симбирскаго имѣнія и на доходы съ онаго.

2-е, что братъ Иванъ умеръ, а сестры потеряли право на полученіе удовлетворенія изъ Симбирскаго имѣнія за пропусченіемъ срока на обжалованіе рѣшенія палаты. Въ слѣдствіе сего Пріѣзжевъ просилъ Симбирское имѣніе предоставить единственно ему Ѳедору съ братомъ Николаемъ, и раздѣлить оное между ними поровну на основаніи наслѣдства по закону.

Московскій уѣздный судъ, находя, что отыскиваемое Тимофеемъ Пріѣзжевымъ удовлетвореніе не составляло его имущества, въ слѣдствіе чего онъ не имѣлъ права завѣщавать деньги, которыя ему не принадлежали, по рѣшенію 1 іюля 1850 г. заключилъ: устранивъ сестеръ Ѳедора Пріѣзжева отъ участія въ полученіи удовлетворенія изъ Симбирскаго имѣнія, какъ не обжаловавшихъ рѣшенія Московской палаты, деньги, имѣющія выручиться за Симбирское имѣніе, выдать въ исключительную принадлежность въ равныхъ частяхъ Николаю и Ѳедору Пріѣзжевымъ.

Послѣ сего въ слѣдствіе жалобъ, принесенныхъ Николаемъ Пріѣзжевымъ и его сестрами, настоящее дѣло было направлено къ производству въ апелляціонномъ порядкѣ, и участвующія въ дѣлѣ лица вызывались къ выслушанію рѣшенія уѣзднаго суда, но никто не явился, за исключеніемъ Николая Пріѣзжева, который принесъ въ гражданскую палату апелляціонную жалобу и просилъ произвести раздѣлъ денегъ за Симбирское имѣніе Кречетникова между имъ и братомъ его Ѳедоромъ Пріѣзжевымъ на основаніи духовнаго завѣщанія ихъ родителя.

Гражданская палата нашла:

1-е, что завѣщатель Тимофей Пріѣзжевъ имѣлъ право распорядиться тѣми деньгами, какія могли быть получены по его претензіи;

2-е, что по духовному завѣщанію Николаю Пріѣзжеву предоставлена только четвертая часть, прочія же три части назначены двумъ братьямъ и тремъ сестрамъ;

3-е, что за смертью одного изъ братьевъ и за устраненіемъ всѣхъ сестеръ по рѣшенію уѣзднаго суда, вошедшему въ законную силу, преимущественное право на получение трехъ частей изъ денегъ за Симбирское имѣніе могъ бы присвоивать себѣ Ѳеодоръ Пріѣзжевъ, если бы самъ не ходатайствовалъ о раздѣлѣ означенныхъ денегъ съ своимъ братомъ поровну. Посему гражданская палата, по рѣшенію 7 мая 1853 года, заключила: утвердить рѣшеніе уѣзднаго суда, а жалобу Николая Пріѣзжева оставить безъ уваженія, съ наложеніемъ штрафа.

На рѣшеніе гражданской палаты статскій совѣтникъ Николай Пріѣзжевъ принесъ апелляціонную жалобу, которая, за происшедшимъ въ 7-мъ департаментѣ разногласіемъ, поступила на обсужденіе общаго собранія Правительствующаго Сената.

По содержанію апелляціоннаго прошенія Николая Пріѣзжева и по существу обжалованнаго имъ рѣшенія гражданской палаты въ настоящемъ дѣлѣ подлежалъ разрѣшенію вопросъ: на какомъ основаніи долженъ быть произведенъ раздѣлъ денегъ, кои получатся изъ продажи Симбирскаго имѣнія Кречетникова на удовлетвореніе претензіи Тимофея Пріѣзжева.

Обстоятельства дѣла показываютъ, что искъ о взыскаініи долга по заемнымъ письмамъ съ Симбирскаго имѣнія Кречетникова былъ начатъ самимъ кредиторомъ Тимофеемъ Пріѣзжевымъ, который не достигнувъ окончанія того иска, умеръ и оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ опредѣлили порядокъ и размѣръ раздѣленія денегъ, имѣющихся получиться по начатому имъ иску.

По закону, иски на другихъ по имуществамъ отнесены къ составу имуществъ долговыхъ, а тяжбы, въ судебныхъ мѣстахъ производимыя, причислены къ составу имуществъ наличныхъ (ст. 417 и 419 т. X. ч. 1 зак. гражд.)

По смыслу сихъ узаконеній и ст. 402 т. X ч. I зак. гражд., искъ Тимофея Пріѣзжева о взысканіи долга по заемнымъ письмамъ изъ Симбирскаго имѣнія Кречетникова составлялъ благопріобрѣтенное его имущество, которымъ завѣщатель по силѣ ст. 1011 ч. I т. X св. зак. гражд., имѣлъ полное право распорядиться по своему произволу.

Выказываемое Ѳедоромъ Пріѣзжевымъ событіе смерти Тимофея Пріѣзжева прежде, нежели было присуждено удовлетвореніе по его иску, составляло обстоятельство случайное, независѣвшее отъ самаго истца Тимофея Пріѣзжева, и потому не могло измѣнить существа начатаго имъ дѣла. Тимофей Пріѣзжевъ началъ искъ въ уѣздномъ судѣ о взысканіи долга изъ Симбирскаго имѣнія Кречетникова съ цѣлью безъ сомнѣнія получить удовлетвореніе, и въ духовномъ завѣщаніи своемъ подтвердилъ искъ свой, назначая порядокъ раздѣла между своими наслѣдниками суммы, имѣющей получиться по начатому долговому дѣлу.

Посему обжалованіе рѣшенія палаты, отказавшей въ искѣ Тимофея Пріѣзжева, со стороны его наслѣдниковъ, не могло ни измѣнить существа начатаго Тимофеемъ Пріѣзжевымъ иска, ни дать дѣтямъ его Николаю и Ѳедору Пріѣзжевымъ болѣе правъ, нежели сколько имъ принадлежало, какъ законнымъ преемникамъ первоначальнаго истца Тимофея Пріѣзжева.

На семъ основаніи раздѣлъ денегъ, полученныхъ въ удовлетвореніе иска, начатаго Тимофеемъ Пріѣзжевымъ, долженъ быть произведенъ на точномъ основаніи оставшагося послѣ него духовнаго завѣщанія.

Согласно сему завѣщанію изъ суммы, слѣдующей за Симбирское имѣніе Кречетникова, принадлежитъ четвертая часть Николаю Пріѣзжеву, а остальные три части предоставлены въ равныхъ доляхъ двумъ другимъ братьямъ, Ивану и Ѳедору Пріѣзжевымъ, вмѣстѣ съ тремя сестрами, кто изъ нихъ будетъ въ живыхъ.

За смертію Івана Пріѣзжева и за потерю сестрами его, по необжалованію рѣшенія уѣзднаго суда, право на всякое участіе въ отыскиваемомъ удовлетвореніи изъ суммы, слѣдующей за Симбирское имѣніе, три остальныхъ части изъ означенной суммы, согласно завѣщанію Тимофея Пріѣзжева, могли бы принадлежать одному Ѳедору Пріѣзжеву. Но сей послѣдній, начиная искъ о порядкѣ раздѣла наслѣдственной послѣ Тимофея Пріѣзжева суммы, доказывалъ, что право на сумму, слѣдующую за Симбирское имѣніе Кречетникова, изъ всѣхъ наслѣдниковъ Тимофея Пріѣзжева принадлежитъ только ему, Ѳедору, и брату его Николаю Пріѣзжеву, въ равныхъ частяхъ, и на семъ основаніи просилъ объ удовлетвореніи по претензіи его родителя изъ Симбирскаго имѣнія Кречетникова исключительно его, Ѳедора, и брата его Николая Пріѣзжева.

Посему, по силѣ основнаго закона судопроизводства, присуждающаго искъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ въ самыхъ исковыхъ прошеніяхъ (ст. 160 и 487 т. Х ч. 2-ой зак. гражд.) изъ суммы, слѣдующей за Симбирское имѣніе Кречетникова, Ѳедору Пріѣзжеву можетъ быть назначена, согласно его ходатайству, одна половина, а осталная половина должна быть предоставлена Николаю Пріѣзжеву.

Такимъ образомъ рѣшеніе Московскаго уѣзднаго суда хотя въ основаніяхъ и разнится отъ соображеній, принятыхъ въ рѣшеніи гражданской палаты, но въ окончательномъ выводѣ оба рѣшенія оказываются вполне согласными, ибо присуждаютъ удовлетвореніе Николаю и Ѳедору Пріѣзжевымъ въ равныхъ частяхъ изъ суммы, слѣдующей за Симбирское имѣніе на долгъ Кречетникова. Слѣдовательно принесенная Николаемъ Пріѣзжевымъ аппеляція на рѣшеніе гражданской палаты оказывается неправильною.

По симъ основаніямъ рѣшеніе 1-го департамента Московской гражданской палаты, по сему дѣлу 7 мая 1853 года состоявшееся, было утверждено во всей силѣ, а аппеляціонная жалоба Николая Пріѣзжева оставлена была безъ уваженія, съ наложеніемъ установленнаго штрафа.

IV.

Публичная продажа недвижимаго имущества можетъ быть уничтожена только въ случаяхъ, именно закономъ опредѣленныхъ (т. X ч. II св. зак. гражд. ст. 2141). Посему, неправильное составленіе описи само по себѣ не можетъ служить поводомъ къ уничтоженію продажи, и проданное имущество должно быть передано покупщику въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно означено въ описи. Убытки, понесенные покупщикомъ отъ неполноты описи, могутъ быть отыскиваемы имъ съ лицъ, виновныхъ въ неправильномъ составленіи описи.

Въ слѣдствіе недоимки, накопившейся на Ренискомъ питейномъ откупѣ, назначенъ былъ въ публичную продажу домъ, принадлежавшій купцу Фрадесу и служившій обезпеченіемъ того откупа.

Предложенною на торгахъ цѣною не покрывалась сумма, въ какую домъ Фрадеса былъ принятъ залогомъ по означенному питейному откупѣ.

Въ слѣдствіе донесенія Бессарабскаго областного правленія о послѣдствіяхъ вышеупомянутыхъ торговъ, Правительствующій Сенатъ указомъ 8-го августа 1849 г. предписалъ на продажу дома Фрадеса назначить вновь торгъ, съ переторжкою, съ тѣмъ, чтобы областное правленіе утвердило окончательно цѣну, какая по вновь назначеннымъ торгамъ состоится, и деньги, вырученныя сею продажей, обратило на поименіе недоимки по Ренискому откупѣ.

На произведенныхъ 19-го апрѣля 1854 г. въ исполненіе сего указа въ областномъ правленіи торгахъ, упомянутый домъ окончательно проданъ купцу Георгію, за 1,350 р. сер.; внесенныя имъ деньги были отосланы на пополненіе недоимки, а о выдачѣ покупщику данной сообщено Бессарабскимъ областнымъ правленіемъ въ тамошній гражданскій судъ.

Купецъ Георгію, домогался выдачи ему купчей крѣпости какъ на домъ Фрадеса, такъ и на состоящее при немъ дворовое мѣсто и кухню, находящуюся во дворѣ.

Обстоятельство это было передано гражданскимъ судомъ на постановленіе областного правленія, которое оставило безъ уваженія домогательство Георгію на томъ основаніи, что въ описи упомянутаго дома особаго двороваго мѣста не показано, что въ правленіи производилась продажа только того имущества, какое было изъяснено въ оцѣночной описи, и въ объявленіяхъ о продажѣ дома именно было означено, что двороваго мѣста при немъ не имѣется.

На сіе постановленіе купецъ Георгію жаловался 1-му департаменту Правительствующаго Сената и между прочимъ объяснялъ:

1, что въ первоначально составленную опись дома Фрадеса была внесена особая состоящая на дворѣ кухня, принадлежащая къ дому, и только во вторичной описи не было показано двороваго мѣста съ кухней, на немъ построенною;

2, что кухня при домѣ была помѣщена и въ залоговомъ свидѣтельствѣ, по которому домъ Фрадеса поступилъ въ обезпеченіе откупа;

и 3, купецъ Фрадесъ стѣсняетъ владѣніе просителя, поставивъ такъ близко высокій заборъ предъ дверьми и окнами, обращенными на дворъ, что нѣтъ возможности ни выходить въ двери, ни открывать окна для освѣженія воздуха.

По симъ основаніямъ и ссылаясь на нераздѣльность двороваго мѣста и кухни съ самымъ домомъ, купецъ Георгіу просилъ Правительствующій Сенатъ предписать Бессарабскому областному правленію и тамошнему гражданскому суду дополнить выданную ему на проданный домъ купца Фрадеса купчую крѣпость помѣщеніемъ въ оной двороваго мѣста и выстроенной на немъ кухни.

Изъ доставленныхъ по жалобѣ Георгіу свидѣній оказалось:

1) Что невнесеніе кухни въ опись 1851 года произошло по упущенію составлявшаго опись, бывшаго частнаго пристава Андреева.

2) Въ оцѣночномъ свидѣтельствѣ, по которому домъ былъ принятъ въ залогъ, значится кухня, но особаго двороваго мѣста при ней не показано.

и 3) Домъ Фрадеса поступилъ во владѣніе купца Георгіу и сей послѣдній пользуется доходами съ онаго.

По разсмотрѣніи сего дѣла, 1-й департаментъ Сената 28 февраля 1856 г. опредѣлилъ: продажу дома купца Фрадеса, какъ сдѣланную по невѣрной описи, уничтожить; внесенныи купцомъ Георгіу покупную сумму и пошлины ему возвратить и предоставить ему отыскивать убытки съ виновныхъ въ неправильномъ составленіи описи; домъ купца Фрадеса вновь назначить въ продажу со всѣми принадлежностями, если Фрадець по первому требованію не уплатитъ вполнѣ казенной недоимки и не учинитъ съ Георгіу миролюбнымъ соглашеніемъ расчетъ о кухнѣ и мѣстѣ, не включенныхъ въ опись.

На это опредѣленіе купецъ Георгіу принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

Въ жалобѣ своей Георгіу доказываль, что дворовое мѣсто и находящаяся на ономъ кухня составляютъ нераздѣльные принадлежности дома, и что за выдачею на домъ данной и установленіемъ законнаго владѣнія нѣтъ основанія отдавать этотъ домъ безъ судебного рѣшенія въ выкупъ прежнему владѣльцу.

По содержанію всеподданнѣйшаго прошенія купца Георгіу и по существу обжалованнаго имъ опредѣленія Сената подлежалъ разрѣшенію вопросъ:

Можетъ ли быть уничтожена продажа дома купца Фрадеса?—

Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что въ описи, по которой домъ Фрадеса продавался съ публичнаго торга 19 апрѣля 1854 г., равно въ публикаціи о вызовѣ къ тому не было показано особаго двороваго мѣста съ кухнею.

Продажа сія была производима вторично по случаю предложенія на первыхъ торгахъ цѣны, непокрывавшей; числившейся на домъ откупной недопмки, и Правительствующій Сенатъ, назначая вторичный торгъ, указомъ 8 августа 1849 г., предписаль Бессарабскому областному правленію утвердить окончательно цѣну, какая по вновь назначеннымъ торгамъ состоится и вырученныя деньги обратить на пополненіе откупной недопмки.

По закону:

Торгъ и переторжка могутъ быть признаны недѣйствительными токмо: 1, когда они произведены безъ предварительнаго собранія свѣдѣній о послѣдовавшемъ обнародованіи объявленій о продажѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производство публикаціи было назначено; 2, когда кто-либо противозаконно устранень отъ участія въ торгахъ мѣстомъ, производящимъ прода-

му; и 3, когда тѣмъ мѣстомъ отвергнута высшая предложенная за имѣніе цѣна.

Проданное съ соблюденіемъ установленныхъ для публичныхъ торговъ правилъ имѣніе укрѣпляется невозвратно за покупщикомъ и ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ выкупу (ст. 2141 т. X ч. II св. гражд. зак.).

Точное соображеніе сихъ узаконеній съ обстоятельствами настоящаго дѣла показываетъ, что продажа дома Фрадеса была совершена въ слѣдствіе указа 1-го департамента Сената и въ виду Сената имѣть жалобъ, которыя бы доказывали случаи, поименованные въ вышеизъясненныхъ узаконеніяхъ и дѣлающіе произведенные на имѣніе торги недѣйствительными.

Указываемая покупщикомъ дома, купцомъ Георгію, неполнота описи не относится къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя исчислены въ законѣ какъ причины, по коимъ публичная продажа можетъ быть недѣйствительна. Объясненное купцомъ Георгію обстоятельство о непомѣщеніи въ описи особаго двороваго мѣста съ кухней не могло не быть неизвѣстно Георгію изъ самой описи, по которой домъ продавался, и изъ объявленій о вызовахъ къ торгамъ.

Такимъ образомъ, участвуя въ торгахъ на домъ Фрадеса, купецъ Георгію могъ приобрести только то, что было помѣщено въ описи, по которой имѣніе продавалось, и выданная на купленное имѣніе крѣпость не могла содержать болѣе того что заключалось въ самой описи.—Посему объясняемое покупщикомъ дома Георгію обстоятельство о непомѣщеніи въ описи особаго двороваго мѣста съ кухней не можетъ дать ему законнаго основанія къ ходатайству о какомъ-либо дополненіи крѣпости, выданной на купленный домъ.

Купецъ Георгію, покупая домъ по той описи, которая была составлена на продажу онаго, долженъ былъ въ назначеніи цѣны

собразоваться съ самою описью. Посему объясняемое имъ и подтвержденное въ донесеніи областного правленія обстоятельство о непомѣщеніи въ описи особаго двороваго мѣста съ кухней, по ошибкѣ составлявшаго опись полицейскаго чиновника, можетъ лишь служить поводомъ къ началію со стороны Георгію особаго иска, если онъ докажетъ, что чрезъ эту ошибку ему нанесены дѣйствительно убытки.»

Притомъ домъ Фрадеса продавался на пополненіе откупной недоимки, торги были назначены вторично и объявленная на торгахъ цѣна превышала недоимку, за которую домъ былъ подвергнутъ продажѣ.

Посему, и по силѣ послѣдовавшаго по настоящему дѣлу указа Сената 8 августа 1849 г., продажа дома Фрадеса должна быть признана окончательною.

Такимъ образомъ предоставлять Фрадесу внести казенную недоимку, за которую домъ сей былъ проданъ, значило бы допускать выкупъ проданнаго съ публичнаго торга имущества, положительно воспрещенный въ ст. 2141-й т. X ч. 2-й св. зак. гражд. Уничтоженіе публичной продажи дома Фрадеса, при совершеніи которой не было допущено случаевъ, дѣлающихъ по закону продажу недействительною, не можетъ имѣть мѣста за силою узаконеній о непоколебимости публичныхъ продажъ, неоднократно подтвержденныхъ въ судебной практикѣ Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта (№. 25867 полн. собр. закон. пункт. 4; 13 іюня 1836 г. объ имѣніи генераль-маіора Суковкина, 1 ноября 1848 г. объ имѣніи Булгаковой и 3 декабря 1851 г. объ имѣніи помѣщика Галецкаго).

Что касается до объясненія Георгію, что купецъ Фрадесъ стѣсняетъ владѣніе просителя, высокимъ заборомъ, отнимаетъ свѣтъ у купленнаго дома и намеривается завалить подземныя

трубы, то обстоятельство это составляет отдѣльный отъ настоящаго дѣла предметъ, разрѣшеніе котораго должно послѣдовать на основаніи узаконеній, изображенныхъ въ ст. 446 и 447 т. X ч. I-ой св. гражд. зак. о правахъ участія частнаго и о пользованіи въ выгодахъ чужаго имущества, и по правиламъ, постановленнымъ въ уставѣ строительномъ.

Посему, если купецъ Георгіу считаетъ, что Фрадесъ чрезъ владѣніе дворовымъ мѣстомъ съ кухнею нарушаетъ законы о смежности имуществъ, то можетъ предъявить, куда слѣдуетъ ходатайство о томъ, чтобы возведенный Фрадесомъ заборъ былъ поставленъ въ такое положеніе, при которомъ не отпималъ бы свѣта у дома Георгіу, и чтобы подземные стоки были приведены въ прежнее положеніе.

По симъ основаніямъ общее собраніе Правительствующаго Сената опредѣлило:

1, Продажу дома Фрадеса признавъ окончательною, оставить домъ за купцомъ Георгіу въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ помѣщенъ въ описи, безъ двороваго мѣста и кухни, и домогательство Георгіу о дополненіи выданной на домъ крѣпости оставить безъ уваженія.

2, Объявить купцу Георгіу, что для огражденія правъ своихъ на безпрепятственное владѣніе купленнымъ домомъ онъ долженъ предъявить гдѣ слѣдуетъ ходатайство объ огражденіи его имущества противъ стѣсненія, дѣлаемаго ему сосѣднимъ строеніемъ купца Фрадеса.

и 3, Предоставить Георгіу, если желаетъ и имѣетъ законныя основанія, отыскивать отъ дѣла сего особо съ доказательствами вознагражденія за понесенныя убытки съ должностныхъ лицъ, виновныхъ въ неправильномъ составленіи описи, съ упущеніемъ противъ залоговаго свидѣтельства.

V.

Въ случаѣ извѣта о подложности духовнаго завѣщанія, судебное мѣсто, въ которое завѣщаніе представлено для явки, должно немедленно распорядиться производствомъ изслѣдованія, а между тѣмъ, не приступая къ свидѣтельствуванію завѣщанія, подвергнуть завѣщанное имѣніе опекунскому управленію. Недоказанность или голословность извѣта не должна служить поводомъ къ оставленію его безъ надлежащаго разслѣдованія, такъ какъ доказательства подложности завѣщанія во многихъ случаяхъ могутъ быть представлены не прежде, какъ по предъявленіи завѣщанія извѣтчику и при самомъ производствѣ формальнаго слѣдствія.

По смерти дворянки Анели М-ой, послѣдовавшей 26-го августа 1854 г., представлены были въ Ковенскую гражданскую палату два духовныя завѣщанія, изъ коихъ одно составлено 24 іюля, т. е. за мѣсяць, а другое 14-го августа, т. е. за 12 дней до ея смерти.

Завѣщаніемъ 24-го іюля главнѣйшая часть фольварка и все движимое имущество умершей предназначалось мужу ея, а остальное недвижимое имѣніе брату ея Устину и сыну сего послѣдняго.

Завѣщаніемъ же 14-го августа, въ коемъ упомянуто, что всѣ прежнія завѣщанія отмѣняются, фольварокъ и вся движимость предоставлялись исключительно брату умершей Устину, а мужу ея назначалась усадьба и изъ движимости постель и лошадь.

Первое изъ сихъ завѣщаній, подписанное вмѣсто неграмотной завѣщательницы дворяниномъ Л., удостовѣрено пятью свидѣтелями, въ числѣ коихъ два ксендза и лекарь, а второе, подписанное дворяниномъ С., удостовѣрено тремя свидѣтелями.

Первоначально поступило въ палату завѣщаніе 14-го августа, предъявленное 5-го октября Устиномъ М., который въ тоже время самъ представилъ въ палату и подписавшихся на завѣщаніи свидѣтелей для допроса.

Означенные свидѣтели, на допросѣ 6-го октября, удостовѣрили подлинность сего завѣщанія и что завѣщательница была въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, присовокупивъ о себѣ, что они не принадлежатъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя по закону не могутъ быть свидѣтелями завѣщаній.

Между тѣмъ 6-го того-же октября душеприкащикъ по первому завѣщанію, дворянинъ Р., представилъ въ палату находившееся у него завѣщаніе, и изяснивъ, что предъявленное Устиномъ М. завѣщаніе есть рѣшительно подложное, потому что М-ая никакого другаго завѣщанія не составляла и составлять не могла, просилъ, не утверждая означеннаго завѣщанія, изслѣдовать предварительно подлогъ и подвергнуть виновныхъ законной отвѣтственности.

При слушаніи дѣла сего предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя гражданской палаты признавали необходимымъ сообщить въ губернское правленіе о назначеніи слѣдствія къ обнаруженію взводимаго подлога, взявъ между тѣмъ оставшееся имѣніе въ опеку, а три засѣдателя полагали утвердить завѣщаніе 14-го августа, подлинность коего удостовѣрена свидѣтелями, оставивъ безъ уваженія неподкрѣпленный доказательствами извѣтъ о подлогѣ, но не отнимая права доказывать оный установленнымъ порядкомъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

По выслушаніи предложенія губернскаго прокурора, раздѣлявшаго мнѣніе предсѣдателя и его товарища, засѣдатели гражданской палаты не измѣнили своего мнѣнія, которое, какъ

заключающее въ себѣ большинство голосовъ, и обращено 22-го октября 1854 г. въ рѣшительное опредѣленіе.

На это опредѣленіе принесены были Правительствующему Сенату частныя жалобы.

Такимъ образомъ, по содержанію настоящаго дѣла подлежалъ разрѣшенію вопросъ: имѣла ли Ковенская гражданская палата право, не дѣлая распоряженія къ изслѣдованію обвиненія въ подложномъ составленіи завѣщанія 14-го августа, утвердить это завѣщаніе.

Въ законахъ, опредѣляющихъ вообще порядокъ разсмотрѣнія судебными мѣстами письменныхъ актовъ, въ томъ числѣ и актовъ укрѣпленія имуществъ, буквально сказано, что когда сдѣланъ будетъ извѣтъ о подлогѣ акта, то производить изслѣдованіе, и если по изслѣдованію таковой подлогъ или сомнѣніе откроется, то давать дѣлу ходъ уголовный (ст. 323 и 355 т. X ч. 2 св. зак. гражд.).

По точному смыслу сихъ законовъ, судебныя мѣста не имѣютъ права, въ случаѣ извѣта о подлогѣ въ актѣ, постановлять по существу опредѣленія, отвергая извѣтъ безъ предварительнаго изслѣдованія, подъ предлогомъ непредставленія достаточныхъ доказательствъ, ибо заключеніе о справедливости или несправедливости подобныхъ извѣтовъ должно быть выводимо только изъ произведеннаго слѣдствія, причемъ самое сомнѣніе въ подлогѣ должно служить поводомъ къ уголовному направленію дѣла.

На семъ основаніи законъ и въ частности, упоминая о двухъ случаяхъ, въ которыхъ могутъ быть приносимы споры на духовныя завѣщанія, т. е. по предмету родоваго происхожденія имущества и по предмету фальшиваго составленія завѣщанія, въ первомъ случаѣ положительно требуетъ предварительнаго представленія доказательствъ, а во второмъ безусловно предписываетъ судебнымъ мѣстамъ подвергать разслѣдованію извѣтъ о подлогѣ завѣщаній и до окончанія разслѣдованія брать

имѣнія въ опекуновское управленіе (ст. 1098-1101 т. X ч. 1-ой св. зак. гражд.)

Слѣдовательно гражданскія палаты при всякомъ извѣтѣ о фальшивости духовнаго завѣщанія обязаны дѣлать распоряженіе о производствѣ изслѣдованія и могутъ приступать къ засвидѣтельствуванію завѣщанія только тогда, когда извѣтъ по изслѣдованію не подтвердится. Несоблюденіе сего правила причиняло бы частнымъ лицамъ безчисленные убытки и не рѣдко влекло бы за собою сокрытіе слѣдовъ преступленія подлога.

Примѣненіе упомянутыхъ соображеній къ настоящему дѣлу ясно показываетъ, что Ковенская гражданская палата, отвергнувъ безъ изслѣдованія, подъ предлогомъ недоказанности, объясненія наслѣдниковъ М-ой о подложности составленія духовнаго завѣщанія 14-го августа, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердивъ это завѣщаніе, поступила противозаконно, тѣмъ болѣе, что она въ самыхъ обстоятельствахъ дѣла должна была видѣть необходимыя причины къ предварительному изслѣдованію въ подлогѣ.

Въ семъ отношеніи краткость времени, протекшаго между составленіемъ обоихъ завѣщаній, противоположность заключающихся въ нихъ распоряженій, разность въ подписавшихся свидѣтеляхъ и положительное удостовѣреніе сонаслѣдниковъ, что большая другаго завѣщанія никогда не дѣлала и по слабости силъ дѣлать не могла, составляютъ сами по себѣ обстоятельства существенно важныя, другихъ же доказательствъ сонаслѣдники, безъ предъявленія имъ духовнаго завѣщанія 14-го августа и безъ повѣрки слѣдствіемъ всѣхъ подробностей, сопровождавшихъ составленіе упомянутаго завѣщанія, не имѣли возможности представить.

По симъ основаніямъ, признавая постановленіе Ковенской гражданской палаты 22-го октября 1854 г. совершенно неправильнымъ, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ оное со всѣми послѣдствіями, и предписалъ палатѣ постановить вновь по дѣлу сему на законномъ основаніи опредѣленіе, распорядясь съ тѣмъ вмѣстѣ о производствѣ формальнаго и строгаго слѣдствія по предмету подложнаго составленія завѣщанія 14 августа 1854 года.

VI.

Лишение тяжущихся права на апелляцію можетъ имѣть мѣсто въ такомъ только случаѣ, когда въ вызовѣ къ выслушанію рѣшенія судебнымъ мѣстомъ въ точности соблюдены были предписанныя въ законѣ правила. Посему, допущенныя судебнымъ мѣстомъ медленность и безпорядокъ въ вызовѣ, относясь къ винѣ этого судебного мѣста, не должны имѣть послѣдствіемъ лишеніе тяжущихся права на апелляцію.

Бѣлостокско-Согольскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ 30 іюля 1852 г. производившееся въ немъ дѣло дворянъ Ивана и Андрея Гавендзкихъ о раздѣлѣ между ними имѣнія и назначивъ на подписаніе рѣшительнаго по дѣлу сему опредѣленія 25 августа 1852 г., о вызовѣ Гавендзкихъ къ означенному дню для выслушанія рѣшенія послалъ на имя ихъ, чрезъ мѣстный земскій судъ, при указѣ отъ 14 августа 1852 г., установленныя повѣстки.

Въ слѣдствіе сего Иванъ Гавендзкій, получивъ повѣстку 8 сентября 1852 г. и выдавъ въ томъ тогда же росписку, явился въ уѣздный судъ 13 сентября 1852 г., и выслушавъ рѣшеніе, изъявилъ на оное удовольствіе, а Андрей Гавендзкій, также выдавшій 8 сентября 1852 года подписку въ принятіи повѣстки, къ слушанію рѣшенія уѣзднаго суда не явился.

Уѣздный судъ, принявъ во вниманіе, что Андрей Гавендзкій, какъ жительствующій въ уѣздѣ, по силѣ 478 ст. X т.

II-ой ч. св. зак. гражд. не могъ считаться наличнымъ, и что онъ къ назначенному въ повѣсткѣ сроку, 25 августа 1852 г. не явился, признавъ его отсутствующимъ, предварительно приведенія рѣшенія своего въ исполненіе сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ Гавендзкаго для слушанія означеннаго рѣшенія чрезъ сенатскія и губернскія вѣдомости и представилъ изготовленные для того объявленія въ гродненское губернское правленіе, при рапортѣ отъ 4 мая 1854 г. Въ слѣдствіе сего Андрей Гавендзкій, явись 5 іюня 1854 года въ уѣздный судъ, выслушалъ рѣшеніе, и объявивъ неудовольствіе и исполнивъ апелляціонный обрядъ, получилъ въ томъ 5 іюня 1854 года установленное свидѣтельство.

Иванъ Гавендзкій, оставаясь недовольнымъ таковымъ распоряженіемъ уѣзднаго суда, принесъ на оное 17 іюля 1854 г. жалобу гродненской гражданской палатѣ, которая, разсмотрѣвъ дѣло, нашла, что уѣздный судъ, за неявкою тяжущихся къ назначенному въ повѣсткѣ дню (25 августа 1852 года), для слушанія состоявшагося въ немъ рѣшенія, и за неполученіемъ къ сему сроку отъ Бѣлостокскаго земскаго суда подписокъ ихъ въ принятіи повѣстокъ, обязанъ былъ тотчасъ, согласно 482 ст. X т. II ч. св. зак. гражд., признавъ ихъ отсутствующими, вызвать чрезъ вѣдомости; по полученіи же подписокъ тяжущихся, выданныхъ 8 сентября 1852 г., судъ не имѣлъ права дѣлать распоряженій о вызовѣ ихъ посредствомъ публикацій, тѣмъ болѣе, что по означеннымъ подпискамъ Иванъ Гавендзкій, явись въ судъ, выслушалъ рѣшеніе и остался онымъ доволенъ, а Андрей Гавендзкій, не явись со времени выдачи подписки болѣе года, на основаніи 513 ст. X т. II-ой ч. зак. гражд. потерялъ право какъ на слушаніе рѣшенія, такъ и на обжалованіе онаго во вторую степень суда. Таковое рѣшеніе, по 633 ст. X т. II-ой ч. зак. гражд., считается вступившимъ въ окончательную законную силу, и уѣздный судъ, не ожидая ходатайства сторонъ, долженъ былъ оное исполнить (ст. 635), а не дѣлать,

черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ годоваго срока отъ выдачи Андреемъ Гавендзкимъ подписки, распоряженія о вызовѣ его, посредствомъ публикаціи. По симъ основаніямъ гражданская палата, частнымъ опредѣленіемъ 24 сентября 1854 года, положила: постановленіе уѣзднаго суда о вызовѣ Андрея Гавендзкаго къ слушанію рѣшенія его отмѣнить со всѣми послѣдствіями, обративъ дѣло въ уѣздный судъ для дальнѣйшаго, на законномъ основаніи, распоряженія.

На такое постановленіе гражданской палаты, дворянинъ Андрей Гавендзкій прислалъ Правительствующему Сенату 12 ноября 1854 года жалобу, въ которой объясняя, что несвоевременность сдѣланнаго Бѣлостокско-Сокольскимъ уѣзднымъ судомъ вызова должна относиться къ винѣ самаго суда, просилъ: распоряженіе гражданской палаты, какъ неправильное и съ законами несогласное, уничтожить и затѣмъ разрѣшить ему право на принесеніе аппеляціи.

За послѣдовавшимъ въ 1-мъ отдѣленіи 3 департамента Правительствующаго Сената разногласіемъ, настоящее дѣло поступило въ общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената, которое нашло, что въ законѣ (478, 481 и 482 ст. X т. II-ой ч. св. зак. гражд., изд. 1857 г.), положительно опредѣленъ порядокъ вызова тяжущихся для выслушанія рѣшеній судебныхъ мѣстъ. По содержанію этихъ статей, если тяжущійся, бывъ вызываемъ для выслушанія рѣшенія черезъ повѣстку, въ назначенный въ оной день не явится и подписка его о полученіи повѣстки отъ полиціи въ судъ не будетъ представлена, то судебное мѣсто обязано вызвать такового тяжущагося, для объявленія ему рѣшенія, черезъ припечатаніе въ вѣдомостяхъ. Слѣдовательно, по точной силѣ приведенныхъ узаконеній Бѣлостокско-Сокольскій уѣздный судъ, пославъ дворянину Андрею Гавендзкому повѣстку о явкѣ для выслушанія рѣшенія въ назначенный для подписанія оного день, именно 25-го августа 1852 года, и не получивъ къ тому сроку подписки Гавендз-

жаго въ полученіи повѣстки, долженъ былъ тогда же сдѣлать распоряженіе о вызовѣ его, Гавендзкаго, чрезъ припечатаніе въ вѣдомостяхъ, но уѣздный судъ, не исполнивъ сего своевременно, вошелъ въ гродненское губернское правленіе съ представленіемъ о вызовѣ Гавендзкаго чрезъ вѣдомости лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1854 года. Принимая во вниманіе: 1) что подписка въ объявленіи вызова къ выслушанію рѣшенія, по смыслу приведенныхъ законовъ, можетъ быть обязательною для тяжущагося въ такомъ лишь случаѣ, когда повѣстка выдана ему прежде срока, назначеннаго для подписанія и объявленія рѣшенія и самая подписка доставлена въ судебное мѣсто ранѣе того срока; 2) что допущенные Бѣлостокско-Сокольскимъ уѣзднымъ судомъ медленность и безпорядокъ въ вызовѣ Гавендзкаго не могутъ быть отнесены къ винѣ его, Гавендзкаго, и лишать его права на апелляцію, и 3) что вообще лишеніе тяжущихся права на апелляцію, весьма важное для нихъ по своимъ послѣдствіямъ, можетъ имѣть мѣсто въ такомъ только случаѣ, когда въ вызовѣ для выслушанія рѣшенія судебнымъ мѣстомъ въ точности соблюдены были предписанныя въ законѣ правила, общее собраніе Сената признало постановленіе гражданской палаты, отказавшей Гавендзкому въ апелляціи, неправильнымъ, а потому опредѣлило: на основаніи 522 ст. X т. II-ой ч. св. зак. гражд. постановленіе палаты объ отмѣнѣ распоряженія Бѣлостокско-Сокольскаго уѣзднаго суда, о вызовѣ дворянина Андрея Гавендзкаго для выслушанія рѣшенія по означенному дѣлу чрезъ припечатаніе въ вѣдомостяхъ, уничтожить со всѣми послѣдствіями, дозволивъ Гавендзкому принести апелляціонную жалобу на рѣшеніе уѣзднаго суда въ мѣсячный срокъ, со дня объявленія ему указа Правительствующаго Сената; допущенную же Бѣлостокско-Сокольскимъ уѣзднымъ судомъ медленность въ вызовѣ Гавендзкаго къ выслушанію рѣшенія чрезъ вѣдомости предоставить разсмотрѣнію Гродненскаго губернскаго правленія.

Въ заключеніе настоящаго изложенія считаемъ неизлишнимъ сообщить здѣсь содержаніе доставленныхъ Министерству Юстиціи свѣдѣній о порядкѣ, соблюдаемомъ С.-Петербургскою гражданскою палатою при вызовѣ тяжущихся къ выслушанію рѣшеній.

Эти свѣдѣнія, потребованныя Министерствомъ при разсмотрѣніи дѣла, однороднаго съ дѣломъ Гавендзкихъ, существенно заключаются въ слѣдующемъ:

1., Вызовъ тяжущихся къ выслушанію рѣшенія, по 478 ст. X т. II-ой ч. св. зак. гражд., производится чрезъ троекратную публикацію въ Сенатскихъ обѣихъ столицъ и губернскихъ вѣдомостяхъ въ двухъ случаяхъ: а, за отсутствіемъ тяжущихся лицъ, и б., когда повѣстки, коими наличные тяжущіеся вызываются къ слушанію рѣшенія, не будутъ возвращены въ палату изъ полиціи въ назначенный на явку срокъ. Самый вызовъ отсутствующихъ дѣлается не во время составленія рѣшительныхъ опредѣленій, какъ это установлено въ отношеніи наличныхъ тяжущихся, вызываемыхъ чрезъ полицію повѣстками, но послѣ уже подписанія таковыхъ опредѣленій; для чего составляется особое объявленіе, три экземпляра котораго препровождаются въ губернское правленіе, для сдѣланія распоряженія къ припечатанію въ сенатскихъ обѣихъ столицъ вѣдомостяхъ и въ здѣшнихъ губернскихъ. Слѣдующія за сѣмъ припечатанія деньги по 1 руб. 50 к. сер. въ каждую типографію отсылаются въ тоже время по принадлежности въ губернское правленіе и С.-Петербургскую и Московскую конторы сенатскихъ типографій. Вообще порядокъ сей соблюдается по всѣмъ дѣламъ, кромѣ тѣхъ, по которымъ законъ допускаетъ производить публикацію безденежно.

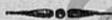
2., Послѣ сего гражданская палата по получаемымъ ею сенатскимъ объявленіямъ и губернскимъ вѣдомостямъ наблюдаетъ время самаго припечатанія публикаціи; но если бы кто-либо изъ отсутствующихъ тяжущихся, вызываемыхъ чрезъ публика-

цію, или изъ наличныхъ вызываемыхъ повѣстками, явился въ палату для выслушанія рѣшенія, то оное тогда же объявляется ему столоначальникомъ при открытыхъ дверяхъ присутствія, при чемъ спрашивается тяжущійся или повѣренный его, доволенъ ли онъ объявленнымъ ему рѣшеніемъ или нѣтъ, и отбирается секретаремъ, сообразно данному отзыву, подписка; при чемъ, въ случаѣ объявленія тяжущимся неудовольствія, требуются съ него переносныя деньги или берется объясненіе въ сказанной подпискѣ, что подписавшій неудовольствіе немущъ ко взносу сихъ денегъ, съ тѣмъ вмѣстѣ выдаются и копии съ рѣшенія, заблаговременно канцелярією палаты изготовленныя. Ежели тяжущійся, выслушавъ рѣшеніе, не можетъ прямо объявить, доволенъ ли онымъ или нѣтъ, тогда отбирается отъ него на самомъ же опредѣленіи подписка объ одномъ слушаніи рѣшенія, съ предоставленіемъ, согласно 479 ст. X т. ч. 2-ой св. зак. гражд., на объявленіе удовольствія или неудовольствія семидневнаго срока, о чемъ въ тоже время берется вторичная на томъ же рѣшеніи подписка, съ соблюденіемъ, въ случаѣ неудовольствія, вышеобъясненныхъ условій. Точно такимъ же образомъ палата поступаетъ въ объявленіи рѣшеній и тѣмъ изъ тяжущихся, которые явились для того сами, до послѣдованія публикаціи, если они считались отсутствующими, или до возвращенія изъ полиціи повѣстокъ, если они были изъ числа наличныхъ. Причемъ отъ всѣхъ тяжущихся, за исключеніемъ однихъ наличныхъ, повѣстки коихъ возвращены изъ полиціи объявленными, требуется на основаніи ст. 483 X тома ч. II-ой св. зак. гражд. оглашеніе явки ихъ къ выслушанію рѣшенія подачею просьбы и затѣмъ, въ отношеніи объявленія и дальнѣйшихъ распоряженій, соблюдается изложенный выше порядокъ.

VII.

Несоблюденіе апелляціонныхъ сроковъ по причинѣ необыкновенныхъ и неодолимыхъ препятствій не составляетъ просрочки. Бользнь тяжущагося, хотя бы въ удостовѣреніе ея и было представлено медицинское свидѣтельство, не принадлежитъ къ числу таковыхъ препятствій, такъ какъ для подачи апелляціонной жалобы личнаго присутствія тяжущихся не требуется.

Обстоятельства дѣла, не рассмотренныя низшею инстанціею, не могутъ подлежать рассмотрѣнію высшей.

Въ Богородскомъ уѣздномъ судѣ разсматривалось дѣло о взаимныхъ претензіяхъ коммерціи совѣтника Чельшева и надворнаго совѣтника Медьгунова.

Дѣло это рѣшено въ уѣздномъ судѣ 2 ноября 1850 года, срокъ аппеляціи истекъ 21 февраля 1852 г., а апелляціонная жалоба Чельшева на рѣшеніе уѣзднаго суда принесена во 2-й департаментъ Московской гражданской палаты 22-го того же февраля.

На постановленіе гражданской палаты, отказавшей въ принятіи означенной жалобы за пропусченіемъ апелляціоннаго срока, Чельшевъ жаловался Правительствующему Сенату, приводя въ оправданіе пропуска срока двѣ причины:

1., *Бользнь*, въ удостовѣреніе коей представилъ медицинское и полицейское свидѣтельства и 2, *непомыщеніе* Богородскимъ уѣзднымъ судомъ въ апелляціонномъ свидѣтельствѣ ере-

мени вызова его чрезъ московскія вѣдомости къ выслушанію рѣшенія уѣзднаго суда.

За послѣдовавшимъ въ 7 департаментѣ Правительствующаго Сената разногласіемъ, настоящее дѣло поступило въ общее собраніе Московскихъ департаментовъ Сената.

Общее собраніе, при разсмотрѣніи перваго оправданія Чельшева, нашло, что по закону просрочки нѣтъ, когда причиною несоблюденія апелляціонныхъ сроковъ были *необыкновенныя и непреодолимыя препятствія, въ числѣ коихъ непоименовано болѣзни тяжущагося* (ст. 523 т. X ч. 2-ой св. гр. зак.). Поточному смыслу 6-го пункта ст. 284 т. X ч. 2-ой болѣзнь служитъ препятствіемъ только для явки къ суду, а не для подачи апелляціонной жалобы, ибо для сего личнаго присутствія тяжущагося вовсе не требуется.

Примѣненіе сихъ узаконеній къ настоящему дѣлу показываетъ, что свидѣтельства о болѣзни не могутъ быть признаваемы за достаточное основаніе къ возстановленію апелляціоннаго срока: ибо чрезъ это съ одной стороны открылся бы незатруднительный способъ отдалить на весьма продолжительное время окончаніе дѣла и возражать противу рѣшенія, вошедшаго въ законную силу, а съ другой свидѣтельства сіи получили бы значеніе въ дѣлахъ гражданскихъ, законами имъ неусвоенное. Посему и принявъ на видъ, что чрезъ пропускъ апелляціоннаго срока право переноса дѣла теряется безвозвратно (ст. 518 II-й ч. X т.) и рѣшеніе вступаетъ въ окончательную силу (ст. 633 и 634), и что допущеніе въ семъ случаѣ изыятія открыло бы тяжущимся новый путь къ поколебанію пенарупимости окончательныхъ рѣшеній, общее собраніе отказало въ домогательствѣ Чельшева о возобновленіи тяжбы на основаніи представленныхъ имъ свидѣтельствъ о болѣзни.

Въ отношеніи другой приводимой Чельшевымъ причины пропуска имъ срока, т. е. непомѣщенія въ выданномъ ему

Богородскимъ уѣзднымъ судомъ апелляціонномъ свидѣтельствѣ времени публикаціи вызова въ Московскихъ вѣдомостяхъ, общее собраніе нашло, что причина эта объяснена Чельшевымъ только въ дополнительно поданной въ Сенатъ просьбѣ, полученной 29 мая 1852 года, т. е. послѣ доставленія гражданскою палатою 27 того же мая объясненія по первой жалобѣ, и безъ представленія возвращеннаго Чельшеву свидѣтельства. Обстоятельство это не приведено въ надлежащую ясность, и не было подтвергнуто, въ установленной постепенности инстанцій, рассмотрѣнію въ гражданской палатѣ. Посему общее собраніе опредѣлило: объявить Чельшеву, что отъ него будетъ зависѣть обратиться по сему предмету, буде считаетъ себя въ правѣ и имѣть законныя основанія, по порядку съ жалобою въ гражданскую палату.

Такое опредѣленіе общаго Сената собранія, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, удостоено Высочайшаго утвержденія 27 апрѣля 1853 года.

При рассмотрѣніи настоящаго дѣла, лицами, участвовавшими въ сужденіи онаго, заявлено было еще два мнѣнія.

Первое мнѣніе существенно заключалось въ томъ, что хотя медицинское свидѣтельство о болѣзни Чельшева и не можетъ служить основаніемъ къ возстановленію утраченнаго имъ права апелляціи, но второе, приводимое Чельшевымъ оправданіе, т. е. не соблюденіе формы въ апелляціонномъ свидѣтельствѣ, представляется заслуживающимъ особаго вниманія; такое заключеніе основывалось на слѣдующихъ соображеніяхъ:

На основаніи 513 ст. зак. гр. суд., началомъ апелляціоннаго срока для отсутствующихъ тяжущихся назначенъ день позднѣйшаго припечатанія объявленія о вызовѣ ихъ къ выслушанію рѣшенія, то есть день припечатанія вызова въ тѣхъ вѣдомостяхъ С.-Петербургскихъ или Московскихъ, кои будутъ содержать въ себѣ позднѣйшее припечатаніе перваго объявле-

нія. Окончаніемъ срока считается то число, которое бываетъ чрезъ годъ, а для находящихся за границею, чрезъ два года наканунѣ того дня, съ котораго срокъ начинается.

Статья 507-ая вмѣняетъ въ обязанность судебнымъ мѣстамъ, по объявленіи неудовольствія со стороны тяжущагося, снабжать его апелляціоннымъ свидѣтельствомъ по изложенной въ той статьѣ формѣ.

Далѣе во 2 пунктѣ означенной 507-ой статьи повелѣно: въ апелляціонномъ свидѣтельствѣ означать къ извѣщенію отсутствующихъ тяжущихся, когда и куда именно для припечатанія въ газетахъ представлено и которыхъ числъ по симъ представленіямъ видно припечатаніе въ газетахъ Московскихъ и С.-Петербургскихъ, а ежели по день дачи свидѣтельства, въ которыхъ-либо однѣхъ или обѣихъ газетахъ сего припечатанія еще нѣтъ, то надлежитъ означить именно и о семъ.

Буквальный смыслъ сего закона, и слова онаго: къ извѣщенію отсутствующихъ тяжущихся,—ясно показываютъ, что выдача апелляціонныхъ свидѣтельствъ по предписанной формѣ установлена съ тою цѣлю, дабы свидѣтельство могло служить для тяжущагося руководствомъ при исчисленіи апелляціоннаго срока и напоминало ему время подачи апелляціонной жалобы.

Выданное Чельшеву Богородскимъ уѣзднымъ судомъ свидѣтельство не соотвѣтствуетъ требованіямъ закона: ибо въ немъ не означено времени припечатанія вызова въ Московскихъ вѣдомостяхъ, и не объяснено, было ли это припечатаніе. Такимъ образомъ Чельшевъ не имѣлъ удостовѣренія, что публикація въ С.-Петербургскихъ, вѣдомостяхъ, показанная въ свидѣтельствѣ, есть позднѣйшая, и слѣдовательно не имѣлъ точнаго свѣдѣнія, когда начинался и оканчивался для него апелляціонный срокъ. Посему, при несоблюденіи Богородскимъ уѣзднымъ судомъ установленныхъ правилъ въ выданномъ Чельшеву апелляціонномъ

свидѣтельствѣ, онъ не можетъ быть обвиненъ въ пропускѣ апелляціоннаго срока, за силою 519 ст. X т. ч. 2-й зак. гр., по которой нѣтъ просрочки, если пропущеніе апелляціоннаго срока произошло отъ вины судебнаго мѣста.

Принимая за симъ во вниманіе, что потерянное право апелляціи можетъ быть на основаніи 522 ст. X т. ч. 2-ой зак. гр. возстановлено Правительствующимъ Сенаномъ въ случаѣ уважительности оправданій, и предоставлено Сенату въ тоже время назначать срокъ на подачу апелляціонной жалобы, лица, участвовавшія въ постановленіи настоящаго мнѣнія, полагаютъ дозволить Чельшеву принести апелляціонную жалобу въ мѣсячный срокъ со дня объявленія о семъ разрѣшенія, предписавъ 2 департаменту Московской гражданской палаты, дабы въ принятіи отъ Чельшева жалобы къ своему разсмотрѣнію и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла поступилъ по законамъ, а унученіе Богородскаго уѣзднаго суда предоставить разсмотрѣнію Московскаго губернскаго правленія.

Второе данное по дѣлу мнѣніе было согласно съ первымъ въ отношеніи несоблюденія формы въ апелляціонномъ свидѣтельствѣ, но отличалось отъ него воззрѣніемъ на значеніе представленнаго Чельшевымъ медицинскаго свидѣтельства.

Лица, участвовавшія въ постановленіи сего мнѣнія, полагаютъ, что при несомнѣнности медицинскаго свидѣтельства, включившуюся съ Чельшевымъ болѣзнь слѣдуетъ признать необыкновеннымъ и неодолимымъ препятствіемъ къ соблюденію имъ апелляціоннаго срока и такою причиною, при которой, за силою 523 ст. X т. ч. 2-ой св. зак. гр., просрочки нѣтъ.

VIII.

До 1801 года черносошные крестьяне не пользовались полнымъ правомъ собственности на земли, состоявшія въ ихъ владѣнїи. Эти земли принадлежали къ разряду казенно-тяглыхъ и не могли подлежать отчужденію въ личную собственность.

Въ Устюжскомъ уѣздномъ Судѣ возникло въ 1845 году дѣло о землѣ, присвояемой служителемъ Устюжскаго Архангельскаго монастыря Андреемъ Гагарскимъ въ личную собственность.

Это дѣло, производившееся на основаніи правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о недвижимыхъ имуществахъ между казною и частными лицами, доходило въ слѣдственномъ порядкѣ до разсмотрѣнія 2-го департамента Правительствующаго Сената, который рѣшеніемъ 26 февраля 1852 года, признавъ спорную землю казенно-тяглою, оставилъ ее у Гагарскаго изъ платежа оброка.

На это рѣшеніе наслѣдники Андрея Гагарскаго принесли всеподданнѣйшую жалобу, въ слѣдствіе которой настоящее дѣло поступило въ общее собраніе 1-хъ 3-хъ департаментовъ и департамента герольдїи Правительствующаго Сената.

Въ общемъ собраніи, по разсмотрѣнїи дѣла, состоялось слѣдующее опредѣленіе:

Спорная земля заключаегъ въ себѣ 19 десятинъ 1269 саж. и по десяти-лѣтней сложности дохода оцѣнена въ 612 р. сер.

Гагарскіе принадлежность имъ означенной земли въ личную собственность основываютъ на крѣпостныхъ актахъ и на давности безспорнаго владѣнія.

Изъ представленныхъ къ дѣлу купчихъ крѣпостей 1702, 1707, 1711, 1716 и 1825 годовъ оказывается:

1) Что черносошный крестьянинъ Андрей Гагарскій, по купчей крѣпости 14-го марта 1825 г., приобрѣлъ въ деревнѣ Деревенкѣ отъ коллежскаго регистратора Снигирева и его матери землю, доставшуюся имъ по наслѣдству отъ крестьянина Ивана Гагарскаго.

2) Что Ивану Гагарскому земля досталась по наслѣдству отъ черносошнаго же крестьянина Григорія Гагарскаго, который приобрѣлъ оную также отъ черносошныхъ крестьянъ, по крѣпостямъ 1702, 1707, 1711 и 1716 годовъ, съ обязанностию уплачивать съ земли подати и всякіе запросы.

Дѣло сіе возникло по иску управляющаго Устюжскимъ округомъ государственныхъ имуществъ, предъявленному 19-го іюня 1845 г. въ Великоустюжскомъ уѣздномъ судѣ, при чемъ управляющій округомъ объяснилъ, что Гагарскій съ спорной земли какъ прежде, такъ и нынѣ уплачиваетъ государственныя и оброчныя подати паравнѣ съ казенными землями.

По произведенному изслѣдованію спрошенные крестьяне, объясняя, что спорная земля находилась всегда во владѣніи Гагарскаго, подтвердили уплату имъ въ казну податей, и самъ Андрей Гагарскій показалъ, что онъ дѣйствительно уплачиваетъ въ общество подати, но не за землю, а по вынужденію волостныхъ начальниковъ, и просилъ о взысканіи излишне уплаченныхъ имъ денегъ.

Во всеподданнѣйшей жалобѣ на рѣшеніе 2-го департамента Гагарскіе въ огражденіе правъ своихъ на спорную землю ссылались на рѣшеніе 4-го департамента Правительствующаго Сената 27-го іюня 1810 г., коимъ Правительствующій Сенатъ, принявъ въ уваженіе, что на основаніи жалованной устюжанамъ

грамоты Царя Алексѣя Михайловича (18 іюня 1652 г.) владѣніе тамошними жителями землею продолжается съ давнихъ лѣтъ, утвердилъ всѣ земли, которыя значились по этому дѣлу, за владѣльцами и ихъ преемниками въ частную крѣпостную собственность.

Представленныя къ дѣлу крѣпости совершены до изданія свода законовъ и потому акты сіи, по буквальному содержанию т. I св. зак. осн. ст. 60 и прим. къ 102 ст. учрежд. Прав. Сената п. 7, подлежатъ разсмотрѣнію и обсужденію на основаніи узаконеній, дѣйствовавшихъ во время совершенія оныхъ.

Права черносошныхъ крестьянъ и вообще жителей прежней Устюжской провинціи на земли составляютъ особый видъ поземельной собственности и опредѣляются особыми узаконеніями, на сей предметъ установленными.

Посадскіе люди Устюжской провинціи издревле имѣли право, за отправленіе ими службы, владѣть землями и поселять на оныхъ черносошныхъ крестьянъ, но права сіи, какъ дарованныя за отправленіе службы, сопряжены были съ особыми условіями.

По грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича 18 іюля 1652 г. (полн. собр. т. I № 79), на которую Гагарскіе ссылаются во всеподданнѣйшемъ прошеніи, посадскимъ людямъ Великаго Устюга предоставлено владѣть землями по прежнему, но съ условіемъ отправленія половниками, имъ принадлежащими и на тѣхъ земляхъ поселенными, всѣхъ государственныхъ и мірскихъ повинностей, наравнѣ съ волостными крестьянами.

Указомъ 13-го августа 1751 г. (9874) предписано утверждать за купцами Устюжской провинціи только такія земли, которыя принадлежать имъ по жалованнымъ грамотамъ и по писцовымъ книгамъ, а прочія земли, купленные отъ черносошныхъ крестьянъ, отписать въ казну; но указомъ 23-го марта 1753 г. (10082) разрѣшена взаимная продажа и покупка земель между черносошными крестьянами и купцами Устюжской провинціи, на томъ основаніи, что и купеческія земли той провинціи принадлежать къ землямъ государственнымъ, и что посадскіе и

купцы Устюжской провинціи обязаны платить подати за владѣніе землями, почему въ видахъ исправнаго взноса податей, какъ крестьянамъ, такъ и купцамъ Устюжской провинціи запрещено продавать земли тѣ помѣщикамъ и другимъ постороннимъ людямъ.

Общія правила сіи вошли въ межевыя инструкціи 13-го мая 1754 г. (гл. XXIX п. 6 и 7) и 25 мая 1766 г. (гл. XXI), коими опредѣлены подробно какъ личныя, такъ и наслѣдственныя права жителей Устюжской провинціи на земли. Права сіи, какъ это явствуетъ изъ соображенія пунктовъ 3-12 гл. XX меж. инстр. 25-го мая 1766 г. съ точнымъ разумомъ вышеозначеннаго указа 23 марта 1753 года, заключаются въ слѣдующемъ:

1, Всѣ земли черносошныхъ крестьянъ принадлежать къ казенному вѣдомству и не могутъ быть отсуждаемы въ личную собственность (гл. XX п. 3).

2, Посадскимъ людямъ въ личную собственность принадлежать только земли, не положенныя въ подушный окладъ и слѣдующія имъ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, а земли пріобрѣтенныя ими отъ черносошныхъ крестьянъ по купчимъ и другимъ актамъ, принадлежать также къ казенному вѣдомству (гл. XX. п. 6 и 7).

3, Всякая продажа земель Устюжской провинціи, положенныхъ въ подушный окладъ, какъ купцамъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ, воспрещена подъ условіемъ недействительности всѣхъ выданныхъ на такия земли послѣ 1766 г. крѣпостей (гл. XX. п. 10).

4, Принадлежащія въ казенное вѣдомство земли, на коихъ черносошные крестьяне положены въ подушный окладъ, по смерти ихъ не подлежатъ раздѣлу, но остаются при селеніяхъ въ общемъ владѣніи на правѣ казенно-тяглыхъ (гл. XX. п. 12).

Соображеніе означенныхъ узаконеній съ Высочайшимъ указомъ 12 декабря 1801 г. (20075), коимъ разрѣшено всѣмъ ка-

зённымъ поселянамъ пріобрѣтать въ личную собственность покупкою земли, приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1, что черносошные крестьяне до 1801 г. не пользовались полнымъ правомъ собственности на земли;

2, что земли, состоявшія въ ихъ владѣніи, всегда принадлежали къ разряду казенно-тяглыхъ и со времени межевой инструкціи 1766 г., не могли выйти изъ сего разряда ни чрезъ продажу (п. 10 гл. XX. межев. инстр.), ни по наслѣдству (по 12 п. той же XX гл), и слѣдовательно въ силу указа 12 декабря 1801 г. черносошные крестьяне получили право пріобрѣтать покупкою въ личную собственность только такія земли, которыя не принадлежали прежде къ разряду казенно-тяглыхъ.

3, Владѣніе землями, принадлежащими къ разряду казенно-тяглыхъ, было сопряжено съ обязанностію уплачивать подати, отъ коей ни государственные крестьяне, ни посадскіе ни подъ какимъ предлогомъ уклоняться не могли.

4, что купцамъ и вообще посадскимъ людямъ принадлежать въ личную собственность только земли, не положенныя въ подушный окладъ (п. 7 гл. XX) и слѣдующія имъ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ (п. 6 и 7 гл. XXI), а земли, пріобрѣтенныя ими по покупкамъ отъ черносошныхъ крестьянъ, должны были оставаться въ ихъ владѣніи на общемъ правѣ земель казенно-тяглыхъ (п. 4, 5 и 6 гл. XX).

Представленныя къ настоящему дѣлу купчія крѣпости показываютъ, что спорная земля издревле принадлежала не посадскимъ людямъ, а черносошнымъ крестьянамъ, и переходила изъ рукъ въ руки по крѣпостямъ 1702, 1707, 1711 и 1716 годовъ постоянно подъ условіемъ платежа податей, слѣдовательно принадлежала къ разряду казенно-тяглыхъ.

При произведеніи по настоящему дѣлу изслѣдованія не только всѣ спрошенные крестьяне, но и самъ отвѣтчикъ Андрей Гагарскій подтвердилъ дѣйствительность взноса съ его сто-

ропы за означенную землю податей, и потому изслѣдованіе сіе само по себѣ составляетъ доказательство того, что Гагарскій и его предшественники владѣли землею не на правѣ собственности, а на правѣ пользованія, которое силою закона о давности въ право собственности никогда обратиться не можетъ (560 ст. т. X ч. I-ой св. гр. закон.).

При такихъ обстоятельствахъ купчія крѣпости 1702, 1707, 1711 и 1716 годовъ составляютъ положительное доказательство принадлежности спорной земли въ казенное вѣдомство, а купчая крѣпость 14 марта 1825 года оказывается бездѣйствительною, какъ потому, что она совершена въ противность 10 п. гл. XX меж. инстр. 1766 г. на землю, принадлежавшую къ разряду казенно-тяглыхъ, такъ и потому, что она не была оглашена по установленному порядку вводимъ во владѣніе и что Гагарскій и послѣ совершенія сего акта владѣль купленною землею не на правѣ собственности, а на общемъ правѣ пользованія государственныхъ крестьянъ казенными землями.

Сверхъ сего принадлежность казнѣ земли, состоящей нынѣ во владѣніи Гагарскихъ, вполне подтверждается планомъ генеральнаго межеванія, учиненнымъ въ 1763 г. и повѣренннымъ въ 1785 г., по которому земля эта причислена къ черносошной деревнѣ Деревенькѣ безъ всякаго означенія тамъ чьей-либо частной собственности.

Наконецъ опредѣленіе Правительствующаго Сената 27 іюня 1810 г. равнымъ образомъ не можетъ быть признано доказательствомъ правъ собственности проеспителей на спорную землю, ибо въ опредѣленіи семъ собственно о землѣ въ дер. Деревенькѣ ничего не сказано, а по содержанию своему оно относится до правъ на владѣніе землею купцовъ и мѣщанъ, а не черносошныхъ крестьянъ, къ коимъ Гагарскій и предки его всегда принадлежали.

Независимо отъ сихъ соображеній, основанныхъ на точномъ разумѣ относящихся къ настоящему дѣлу узаконеній, нельзя не замѣтить, что вопросъ о правѣ черносошныхъ крестьянъ

на владѣніе землею неоднократно уже возникалъ въ дѣлахъ Правительствующаго Сената и постоянно разрѣшался на изложенныхъ основаніяхъ не только 2-мъ департаментомъ Правительствующаго Сената, коему подвѣдомы дѣла о земляхъ по Вологодской губерніи, но и въ обоихъ С. Петербургскихъ общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената и въ государственномъ совѣтѣ.

Къ такимъ рѣшеніямъ принадлежать:

1. Рѣшеніе 2 департамента Правительствующаго Сената 18 марта 1842 г. по дѣлу о землѣ Вологодской губерніи крестьянина Андрея Пирогова.

2. Рѣшеніе общаго собранія 1-хъ 3-хъ департаментовъ и департамента герольдіи Правительствующаго Сената 1849 г. по дѣлу о землѣ Вологодской губерніи крестьянина Логиновскаго.

3. Высочайшее повелѣніе 3 іюля 1850 г., послѣдовавшее по происшедшему къ Государственному Совѣтѣ разногласію по дѣлу о землѣ мѣщанина Калинина, и

4. Рѣшеніе общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената, состоявшееся въ іюнѣ 1855-го года по дѣлу о землѣ Вологодской губерніи крестьянки Гладышевой.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній и руководствуясь постоянными примѣрами подобныхъ рѣшеній по общимъ собраніямъ С. Петербургскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената и Высочайшимъ повелѣніемъ 3 іюля 1850 г., общее собраніе нашло, что спорная земля въ дер. Деревенькѣ не можетъ быть признана личною крѣпостною собственностью Гагарскихъ, и какъ казенно-тяглая, должна быть причислена къ общественнымъ землямъ сей деревни.

Посему, признавая рѣшеніе 2 департамента Сената, 26 февраля 1852 г. по дѣлу сему послѣдовавшее, правильнымъ и совершенно согласнымъ съ обстоятельствами дѣла и законами, общее собраніе опредѣлило: всеподданнѣйшую жалобу Гагарскихъ на означенное опредѣленіе оставить безъ уваженія, и землю въ дер. Деревенькѣ 19 дес. 1269 саж. оставить по прежнему у Гагарскихъ изъ платежа оброка.

IX.

Духовное завѣщаніе, подписанное духовнымъ отцомъ завѣщателя въ качествѣ и рукоприкладчика, и свидѣтеля, подлежитъ засвидѣтельствуванію, если кромѣ духовнаго отца есть на завѣщаніи подпись еще двухъ свѣтскихъ свидѣтелей.

Титулярный совѣтникъ Григорій Павловъ въ домашнемъ духовномъ завѣщаніи, составленномъ 30 апрѣля 1851 года, предоставилъ принадлежавшее ему имущество родной сестрѣ своей, вдовѣ священника Аннѣ Дюмарь-Симановичъ, племяннику, священнику Павлу Павлову, и мѣщанкѣ Домнѣ Петровой.

Завѣщаніе это писано титулярнымъ совѣтникомъ Мелентьевымъ и подписанно «по личной просьбѣ Григорія Павлова и истощеннымъ его отъ болѣзни силамъ» духовнымъ отцомъ его священникомъ Алексѣемъ Чулковымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовалъ, что духовная учинена Павловымъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти; а сверхъ того подписали завѣщаніе въ качествѣ свидѣтелей: губернский секретарь Иванъ Туранскій и Иванъ Андреевъ.

Послѣ смерти Павлова, послѣдовавшей 1 мая 1851 года, душеприкащикъ представилъ 16 того же мая завѣщаніе его во 2 департаментъ С. Петербургской гражданской палаты для засвидѣтельствванія.

Разсмотрѣвъ дѣло, палата нашла, что домашнее завѣщаніе Павлова составлено въ противность 1048 и 1053 ст. X т. ч. 1-ой св. зак. гражд., такъ какъ оно, бывъ написано не рукою его, должно было имѣть, сверхъ, подписи священника Чулкова, зарукопри-

владствовавшего опое вмѣсто завѣщателя, еще подписи трехъ свидѣтелей или же двухъ, если въ числѣ ихъ находился быдуховный отецъ завѣщателя. Посему палата, опредѣленіемъ 2 августа 1851 года, отказала въ засвидѣтельствovanіи завѣщанія Павлова.

За послѣдовавшимъ въ 4-мъ департаментѣ Сената разногласіемъ, настоящее дѣло поступило въ общее собраніе Правительствующаго Сената.

Общее собраніе нашло, что на основаніи св. зак. гражд. т. X ч. I-ой ст. 1048-ой, домашнія духовныя завѣщанія, писанныя не самимъ завѣщателемъ, должны быть подписаны, кромѣ завѣщателя и лица, писавшаго завѣщаніе, еще тремя свидѣтелями, или по крайней мѣрѣ двумя, если въ числѣ ихъ находится духовный отецъ завѣщателя. Изъ словъ сего узаконенія нельзя вывести заключенія, чтобы правило о подписи завѣщанія тремя свидѣтелями; сверхъ рукоприкладствовавшего за завѣщателя, относилось и къ тому случаю, когда такое рукоприкладство сдѣлано духовнымъ отцомъ. Напротивъ того, по разуму вышеприведенной 869 ст., дающей въ засвидѣтельствovanіи духовныхъ завѣщаній предпочтительную степень довѣрія духовному отцу, чрезъ присвоеніе его подписи силы двухъ свѣтскихъ свидѣтелей, зарукоприкладствованіе завѣщанія, вмѣсто завѣщателя и по его волѣ сдѣланное духовнымъ его отцомъ, находившимся лично въ числѣ свидѣтелей, не только не составляетъ препятствія къ принятію его подписи и въ этомъ качествѣ, но еще должно служить къ большому убѣжденію въ дѣйствительности самаго завѣщанія, составляющему главнѣйшую цѣль закона, особенно въ томъ случаѣ, когда противъ подлинности завѣщанія не имѣется въ виду никакого спора. По симъ основаніямъ, находя, что духовное завѣщаніе титулярнаго совѣтника Григорія Павлова, противъ подлинности котораго никакого спора не объявлено, подлежитъ засвидѣтельствovanію установленнымъ порядкомъ, общее собраніе опредѣлило: предписать о семъ второму департаменту С. Петербургской гражданской палаты.

Х.

Въ боковыхъ линияхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоого пола не наследуютъ. Это правило одинаково распространяется какъ на сестеръ вотчинника, такъ и на сестеръ наследника. Такимъ образомъ, послѣ дяди, не оставившаго послѣ себя дѣтей обоого пола, племянницы его не наследуютъ, если у нихъ есть родные братья.

Отъ одного изъ нашихъ читателей, г. М-ва, въ концѣ минувшаго года мы получили вопросъ: какъ слѣдуетъ понимать значеніе 1135 ст. 1 ч. X т. св. зак. гражд. (изд. 1857 г.).

Эта статья слѣдующаго содержанія: «въ боковыхъ линияхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоого пола не имѣютъ права на наследство».

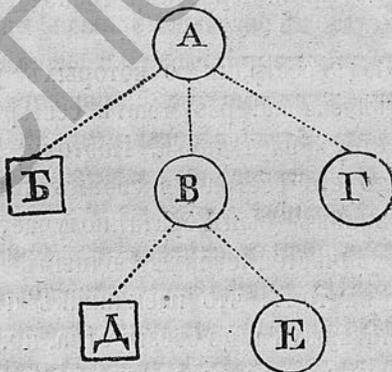
По объясненію г. М-ва, относительно этого закона между нашими практическими юристами господствуетъ совершенное разномысліе.

Нѣкоторые подъ сестрами, о которыхъ упоминается въ приведенной статьѣ закона, разумѣютъ сестеръ умершаго вотчинника, а не сестеръ наследника. Поэтому, когда умираетъ бездѣтный дядя, то его сестра съ своимъ потомствомъ не наследуетъ, а племянникъ (сынъ брата) получаетъ наследство, за выдѣломъ указныхъ частей своимъ роднымъ сестрамъ. Мнѣніе это основывается на томъ, что племянникъ и его сестры взятые вмѣстѣ представляютъ лицо своего отца, и хотя отецъ умеръ гораздо прежде ихъ дяди, а слѣдовательно и не владѣлъ его имуществомъ, но какъ племянникъ наследуетъ послѣ дяди потому только, что онъ происходитъ отъ брата дяди своего, а не отъ сестры, то и представляетъ собою лицо отца, но не одинъ, а совокупно съ своими сестрами; а потому и онѣ должны участвовать въ выдѣлѣ, какъ и въ линіи нисходящей.

Напротивъ того другіе, какъ объясняютъ г. М-въ, понимаютъ означенный законъ иначе. По мнѣнію ихъ, коль скоро наследство по боковой линіи, то всѣ родныя сестры наследниковъ, будетъ ли то племянница при племянникѣ, двоюродная внука при своемъ родномъ братѣ и т. д.,—не допускаются къ участию въ наследствѣ.

Не видя прямого указанія ни въ законѣ, ни въ мнѣніяхъ юристовъ, на настоящій смыслъ закона, устраняющаго сестеръ въ боковыхъ линіяхъ отъ правъ наследства, г. М-въ обращается съ своимъ вопросомъ въ Редацію нашего журнала, въ томъ предположеніи, что разъясненіемъ вопроса Редація избавитъ тысячи лицъ отъ тяжбъ съ родными, суды отъ цѣлаго класса дѣлъ, а законъ отъ разнообразнаго толкованія,—вреднаго для истины и права.

Родственные отношенія лицъ, которыхъ касается предложенный г. М-вымъ вопросъ, могутъ быть выражены въ слѣдующей родословной:

Наследство осталось послѣ Г, умершаго въ 1860 году и не оставившаго послѣ себя нисходящихъ наследниковъ; сестра умершаго вотчинника Б устраняется отъ наследства по буквальному смыслу 1135 ст. 1-й ч. X т. св. зак. гр. Затѣмъ наследствен-

ныя права принадлежать потомкамъ В, умершаго въ 1859 году. Спрашивается: имѣеть ли дочь В дѣвица Д право наследовать, когда у ней есть братъ Е?

Вопросъ, предложенный намъ въ настоящее время, принадлежитъ къ числу вопросовъ особенной важности, тѣмъ болѣе, что обстоятельства, изъ коихъ онъ можетъ возникнуть, должны встрѣчаться въ дѣйствительной жизни весьма часто. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть обыкновеннѣе случая наследованія послѣ дяди?

Между тѣмъ спорныя дѣла о подобномъ наследованіи очень рѣдко восходятъ въ наши высшія судебныя установленія; по крайней мѣрѣ, не смотря на наше желаніе пріискать какъ можно болѣе подобныхъ дѣлъ, мы не нашли ни одного такого, которое бы доходило въ послѣднее время до общаго собранія Сената или до Государственнаго Совѣта; а по департаментамъ Сената, какъ Петербургскаго такъ и Московскаго, отыскивали не болѣе трехъ дѣлъ, въ которыхъ былъ разрѣшенъ вопросъ, предложенный намъ въ настоящее время.

Чему приписать такое малое число доходящихъ до Сената дѣлъ о наследствѣ въ боковыхъ линіяхъ; малоцѣнности ли болѣе части исковъ, не допускающей перехода въ Сенатъ дѣлъ, не превышающихъ стоимостію шести сотъ руб. сер., или же ясному пониманію заинтересованными въ наследствѣ лицами смысла 1135 ст., устранивающей женщинъ въ боковыхъ линіяхъ отъ права наследованія?

Мы думаемъ, что послѣдняя изъ приведенныхъ причинъ всего болѣе оказала вліяніе на число спорныхъ дѣлъ о наследствѣ въ боковыхъ линіяхъ; мы думаемъ, что большая часть заинтересованныхъ въ наследствѣ лицъ одинаково понимала и понимаетъ значеніе 1135 ст. и что отъ этого одни изъ нихъ по праву вступаютъ безпрепятственно въ права наследства, а другіе, не видя въ законѣ опоры своимъ притязаніямъ, не возбуждаютъ споровъ изъ опасенія получить отказъ и подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ неправильно пачатаго иска.

Посмотримъ, какъ рѣшаютъ подобный вопросъ департаменты Сената.

Въ 4-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената разсматривалось дѣло о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Николая Какурина.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Федоръ Какуринъ имѣлъ дѣтей: отъ первой жены Аграфены сына Ивана, а отъ второй Александры сыновей: Павла и Николая и дочь Марію (по мужу Болотникову).

По смерти Какурина осталось родовое и благопріобрѣтенное имѣніе, которое раздѣлено по закону между всѣми его дѣтьми съ выдѣломъ узаконенной части вдовѣ Александрѣ Какуриной.

Изъ сихъ дѣтей Федора Какурина вступили въ бракъ только Иванъ, Павелъ и Марья, и имѣли дѣтей: Иванъ сына Ивана и трехъ дочерей: Александру, Марію и Елисавету, а Павелъ сына Федора и дочь Александру (по мужу Хитрово).

По смерти вдовы Александры Какуриной, имѣніе, доставшее ей отъ мужа, перешло, по духовному ея завѣщанію, къ ея дѣтямъ.

Когда умеръ сынъ Какурина Николай Какуринъ, не оставя послѣ себя нисходящихъ наслѣдниковъ, то на часть его предъявили наслѣдственныя права родной племянникъ его Иванъ Какуринъ и родная племянница Александра Хитрово.

Возникшее по сему поводу въ С.-Петербургской гражданской палатѣ дѣло доходило, по апелляціи Александры Хитрово, до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената, который опредѣленіемъ 14 іюня 1845 г. заключилъ: родовое отцовское имѣніе предоставить Ивану Какурину и Александрѣ Хитрово пополамъ съ выдѣломъ изъ дома седьмой и четырнадцатой частей жевѣ подполковника Марьѣ Болотниковой, и родовое матери Николая Какурина, равно пріобрѣтенное самимъ имъ имѣ-

ніе; въ томъ числѣ движимость и долговые акты, предоста-
вить въ собственность одной Александрѣ Хитрово.

Засимъ повѣренный дѣвицъ Александры, Марьи и Ели-
саветы Какуриныхъ (родныхъ сестеръ предъявившаго наслѣд-
ственные права на имѣніе Николая Какурина Ивана Какурина)
статскій совѣтникъ Юзефовичъ подалъ во 2-й департаментъ С.
Петербургской гражданской палаты прошеніе, въ которомъ,
изясняя, что довѣрительницы его, не смотря на публикацію,
сдѣланную палатою 3 мая 1844 года о вызовѣ наслѣдниковъ
къ имѣнію, оставшемуся послѣ Николая Какурина, доселѣ не
предъявили своихъ правъ по домашнимъ обстоятельствамъ, но
какъ срокъ на такое представленіе, сообразно 1241, 1244 и
1246 ст. I-й ч. т. X зак. гражд. есть десятилѣтній и довѣ-
рительницы его, по силѣ 1137 ст. того же тома, на участіе
въ наслѣдствѣ послѣ роднаго дяди ихъ Николая Какурина имѣ-
ютъ полное и неотъемлемое право, то просилъ довѣрительницъ
его, на основаніи приведенной 1137 ст. X т. утвердить нас-
лѣдниками къ помянутому имѣнію дяди ихъ Николая Какури-
на въ указныхъ частяхъ.

Противъ сего прошенія повѣренный Ивана Какурина Ар-
фювичъ возражалъ, что родныя сестры Ивана Какурина Алек-
сандра, Марія и Елисавета ни въ какомъ случаѣ не могутъ
при немъ участвовать въ наслѣдствѣ по дядѣ, потому, что су-
щественное различіе закона о наслѣдствѣ въ боковыхъ лині-
яхъ съ закономъ о наслѣдствѣ въ прямыхъ линіяхъ состоитъ
именно въ томъ, что сестра при родномъ братѣ отчуждается
вовсе отъ наслѣдства. Смыслъ 1135, 1136 и 1137 ст. X т.
подтверждаетъ это; сверхъ того самое начальное выраженіе 1137
ст. заключаетъ въ себѣ право наслѣдія линіи мужеской, а не
женской.

Повѣренный дѣвицъ Какуриныхъ объяснялъ, что 1135 ст.
X т. содержитъ въ себѣ смыслъ о сестрахъ при братьяхъ въ
боковыхъ линіяхъ, т. е. о сестрахъ братьевъ умершаго вотчин-

ника, если бы они въ живыхъ находились, напротивъ того самъ Иванъ Какуринъ и сестры его состоятъ отнюдь не въ боковой линіи, а суть потомки наслѣдника по этой линіи умершаго родителя ихъ, роднаго брата умершему же холостымъ Николаю Какурину, коллежскаго совѣтника Ивана Какурина, слѣдовательно, по точному смыслу 1136 и 1137 ст., настоящій Иванъ Какуринъ и сестры его, какъ наслѣдники въ линіи нисходящей, произшедшей отъ роднаго брата умершему вотчиннику, умершаго же отца, вошедшіе въ степень сего послѣдняго, должны наслѣдовать по праву представленія вообще.

Затѣмъ повѣренный Ивана Какурина добавилъ къ прежнимъ основаніямъ то, что въ 1134 ст. X т. сказано «если послѣ умершаго владѣльца не осталось нисходящихъ, то право наслѣдованія переходитъ въ боковыя линіи», а потому и понятіе повѣреннаго сестеръ Какурина о свойствѣ наслѣдства по бездѣтному дядѣ, отстраняясь этою статьею, отстраняетъ и даруемое по 1135, 1136 и 1137 ст. тогоже тома право сестрамъ Какурина на общее наслѣдство, ибо цѣль и духъ законовъ о наслѣдствѣ въ боковыхъ линіяхъ, выраженные въ означенныхъ статьяхъ, допускаютъ право представленія только мужескому полу, тоторый онъ, Какуринъ, представляетъ въ лицѣ своего отца только одинъ.

По разсмотрѣніи сего дѣла, 2-й департаментъ С.-Петербургской гражданской палаты, по большинству членовъ, нашель, что сестры Ивана Какурина имѣли бы право на слѣдующія имъ по 1130 ст. X т. зак. гражд. части изъ имѣнія, присужденнаго брату ихъ, тогда только, еслибы оно дошло къ нему, Какурину, отъ отца ихъ и состояло въ отцовскомъ владѣніи, по какъ оное присуждено ему Правительствующимъ Сенатомъ вънаслѣдство послѣ смерти уже отца, отъ дяди,—брата покойнаго отца ихъ Николая Какурина, каковое наслѣдство, по 1136 ст. т. X зак. гражд., считается правомъ представленія и по буквальному смыслу сей статьи должно почитаться поступившимъ по линіи бо-

жовой, а въ боковыхъ линіяхъ, по словамъ 1135 ст., сестры при братьяхъ и ихъ потомкахъ не имѣютъ права на наслѣдство, то палата рѣшеніемъ 13 августа 1846 г. опредѣлила: въ искѣ повѣреннаго дѣвицъ Какуриныхъ отказать.

Въ апелляціонной жалобѣ на это рѣшеніе повѣренный дѣвицъ Какуриныхъ статскій совѣтникъ Юзефовичъ изъяснялъ, что неправильность этого рѣшенія палаты столь очевидна, что опровергается даже тѣми доказательствами, которыя были у нея въ виду, но приняты ею въ соображеніе вовсе въ противную сторону; ибо а) какими усиліями можно сыскать основаніе въ статьяхъ 1127, 1134, 1135, 1136 и 1137 т. X св. зак. граж. къ лишенію сестеръ при братѣ наслѣдія потому только, что отецъ ихъ умеръ ранѣе бездѣтнаго брата своего, оставившаго въ наслѣдіе родовое имѣніе? Развѣ чрезъ смерть отца сынъ его могъ перейти въ боковую линію; б) ссылаться на рѣшеніе Сената, состоявшееся въ разрѣшеніе спора, открывшагося между наслѣдниками имѣнія, палатѣ вовсе не слѣдовало, тогда когда Сенатъ не имѣлъ въ виду довѣрительницъ его, объявившихъ права свои на наслѣдіе по силѣ 1241 и 1244 ст. и слѣдственно не могъ дѣлать разсужденія о правахъ ихъ; в) разсуждая, что сестры отвѣтчика Ивана Какурина имѣли бы право на слѣдующія имъ по 1130 ст. X т. части изъ имѣнія, присужденнаго ихъ брату тогда только, если бы оно дошло къ нему отъ отца ихъ и состояло въ отцовскомъ владѣніи, палата явно себя противурѣчить: ибо послѣ смерти родного дяди довѣрительницъ его Николая Какурина родовое имѣніе его по боковой линіи не могло идти въ наслѣдство мимо умершаго отца ихъ, а, поступая по закону къ лицу умершаго, естественно перешло оно въ нисходящую линію, такъ какъ сему иначе и быть нельзя. Посему Юзефовичъ просилъ Сенатъ, отмѣнивъ рѣшеніе палаты, утвердить довѣрительницъ его въ указныхъ частяхъ имѣнія, оставшагося послѣ смерти родного дяди ихъ Николая Какурина, и полученнаго роднымъ же братомъ Иваномъ Какуринымъ въ единственное его владѣніе.

Правительствующій Сенатъ, по соображеніи обстоятельствъ дѣла сего съ законами, принявъ въ уваженіе, что Ивану Какурину, послѣ смерти отца его присуждено имѣніе умершаго дяди его Николая Какурина и что на основаніи 1126 статьи X тома св. зак. гражд. лица женскаго пола токмо за недостаткомъ мужскаго пользуются правомъ представленія, опредѣлили состоявшееся по сему дѣлу во 2-мъ департаментѣ С.-Петербургской гражданской палаты рѣшеніе, какъ правильное и съ приведенными въ ономъ законами согласное, утвердить, апелляціонную же жалобу Іозефовича оставить безъ уваженія.

На подобномъ же основаніи разрѣшено было 2-мъ отдѣленіемъ 3-го департамента Сената дѣло объ имѣніи, оставшемся послѣ вдовы маіора Надежды Заводовской.

Къ этому имѣнію предъявили наслѣдственные права родственники Заводовской, какъ по мужской, такъ и по женской линіи.

Правительствующій Сенатъ, признавъ наслѣдниками къ означенному имѣнію родственниковъ Заводовской по мужской линіи, отвергъ притязанія родственниковъ ея по женской линіи; при чемъ въ основаніе своего опредѣленія привелъ, что по 1126 ст. X т. св. зак. гражд. лица женскаго пола призываются къ наслѣдству за недостаткомъ мужскаго, и что по 1135 и 1137 ст. того же тома въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ.

Въ Московскомъ Сенатѣ вопросъ о значеніи 1135 ст. былъ понимаемъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ былъ онъ понимаемъ и въ Петербургскихъ департаментахъ Сената.

Доказательствомъ сему можетъ служить рѣшеніе, состоявшееся въ Московскомъ Сенатѣ по дѣлу объ имѣніи, оставшемся послѣ полковницы Модзалевской.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

Послѣ умершей въ 1833 году помѣщицы подполковницы Надежды Модзалевской открылось въ недвижимомъ ея имѣніи

наслѣдство, которое, за неизмѣнимъ наслѣдниковъ по нисходящей линіи, поступило въ раздѣлъ между сестрами умершей, поручицею Софьею Ковалевскою и дѣвицею Вѣрою Верещагиною, но какъ первая изъ нихъ во время открытія наслѣдства не была уже въ живыхъ, то въ права ея вступили: дочь полковница Александра Поклонская и сыновья умершей другой дочери маіорши Сосипатры Кондратьевой корнетъ Евграфъ и поручикъ Михаилъ Кондратьевы.

Изъ родословной видно, что у Сосипатры Кондратьевой, кромѣ сыновей, были двѣ дочери: Анастасья, по мужу Ильина, и Софья, по мужу Домбровская.

11 Января 1840 г. жена генераль-маіора Анастасья Ильина, чрезъ повѣреннаго своего, мужа, вошла въ Бахмутскій уѣздный судъ съ просьбой о предоставленіи ей совмѣстно съ братьями, по праву представленія, законной части изъ того имѣнія умершей Модзалевской, которое должно причитаться въ наслѣдственную долю общей ихъ матери, Кондратьевой.

Противъ сего возражалъ Михаилъ Кондратьевъ, доказывая, что въ наслѣдственномъ имѣніи сестры его участія имѣть не могутъ, такъ какъ оно осталось послѣ двоюродной бабки и переходить не по прямой нисходящей, а по боковой линіи, въ которой, по силѣ 1135 ст. X т. св. зак. гражд., сестры при братьяхъ не имѣютъ права на наслѣдство.

Бахмутскій уѣздный судъ, соображая переходъ имѣнія Модзалевской и находя, что Модзалевская Кондратьевымъ не родная, а двоюродная бабка, а потому и имѣніе къ нимъ поступаетъ не по нисходящей, а по боковой линіи, на основаніи 1126 и 1135 ст. X т., отказалъ Ильиной въ правѣ на наслѣдство.

На это рѣшеніе повѣренный Ильиной, мужъ, ея принесъ апелляціонную жалобу Екатеринославской гражданской палатѣ, которая, усматривая, что оставшесся послѣ бездѣтно-умершей

Модзалевской имѣніе, за исключеніемъ изъ онаго части ея мужу, поступило въ раздѣлъ между ея сестрами: Ковалевскою и Верещагиною, отъ Ковалевской же изъ доставшагося на долю ея имѣнія Модзалевской одна половина перешла къ Поклонской, а другая къ Кондратьевой, а уже отъ сей послѣдней по праву представленія къ дѣтямъ ея, и, заключая изъ сего, что Кондратьевы получаютъ наслѣдство не въ боковой линіи, а по праву представленія въ степени матери своей, опредѣлила, на основ. 1126, 1127 и 1130 ст. X т., рѣшеніе уѣзднаго суда отмѣнить, а Ильиной предоставить изъ имѣнія Модзалевской узаконенную часть съ причитающимися доходами за время пользованія оною ея братьями.

На это рѣшеніе Михаилъ Кондратьевъ принесъ Сенату апелляціонную жалобу, въ которой объяснилъ, что палата переходъ имѣнія Модзалевской вывела неправильно, именно потому, что Софья Ковалевская, бабушка его, и Сосипатра Кондратьева, мать, умерли прежде Модзалевской, слѣдовательно имѣніе сей послѣдней досталось прямо ему съ братомъ изъ боковой линіи по праву представленія.

Сестра Ильиной, Домбровская, и братъ Евграфъ, какъ изъ дѣла видно, 1-я отъ участія въ этомъ наслѣдствѣ отказалась, а 2-ой свою часть уступилъ брату.

По рассмотрѣніи вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ нашель, что въ настоящемъ дѣлѣ наслѣдственное право опредѣляется не тѣмъ родственнымъ отношеніемъ, которое существуетъ между дѣтьми Сосипатры Кондратьевой и родною бабушкой ихъ Софьею Ковалевскою, но отношеніемъ существующимъ между соискателями наслѣдства и тѣмъ лицомъ, послѣ котораго наслѣдство сіе открылось, то есть двоюродною бабушкой ихъ—Модзалевскою. По точному смыслу 204 и 205 ст. X т. св. зак. гражд., братья Кондратьевы и сестра ихъ Ильина въ отношеніи къ Модзалевской находятся въ побочной линіи, и по сей же линіи должно переходить открывшееся послѣ

Модзалевской наследство. Изъ сего слѣдуетъ, что къ опредѣленію правъ Ильиной исключительно служатъ изложенныя въ III отд. разд. II кн. III зак. гражд. правила о наследствѣ въ боковой линіи; но правило 1130 ст. сихъ законовъ, относящееся къ порядку наследованія въ линіи нисходящей, не можетъ имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу, въ которомъ должна быть принята основаніемъ 1135 ст. гражд. зак., постановляющая, что въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ не имѣютъ права на наследство. Посему, хотя при наследствѣ въ боковой линіи, также какъ въ нисходящей, равныя степени дѣлятъ наследство поголовно, а въ степеняхъ умершихъ вступаетъ ихъ потомство и наследуетъ по праву представленія,—по сие право представленія ограничивается только сыновьями, съ исключеніемъ дочерей, буде при нихъ братья существуютъ. По симъ основаніямъ признавая, что жена генералъ-маіора Ильина при братьяхъ своихъ не имѣетъ законнаго права на участіе въ наследствѣ послѣ Модзалевской, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: несогласное съ симъ рѣшеніе Екатеринославской гражданской палаты отмѣнить.

Приведенныя нами рѣшенія Правительствующаго Сената достаточно объясняютъ воззрѣніе нашихъ высшихъ судебныхъ установленій на вопросъ о наследованіи женщинъ въ боковыхъ линіяхъ.

Мы могли бы ограничиться приведеніемъ изложенныхъ рѣшеній, считая что они достаточно объясняютъ вопросъ, предложенный намъ г. М-вымъ. Но для полноты изложенія считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь мнѣніе по сему вопросу, сообщенное намъ однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ юристовъ.

По мнѣнію его, «разрѣшеніе предложеннаго г. М-вымъ вопроса такъ ясно, что исключаетъ всякое недоумѣніе, а это разрѣшеніе указывается прямымъ закономъ, выраженнымъ въ 1135 ст. 1 ч. X т. св. зак. гражд. Стоитъ спросить себя: наследство послѣ дяди есть ли наследство въ боковой линіи, или въ

нисходящей? Безъ всякаго сомнѣнія, въ боковой, а въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ означеннымъ закономъ устраняются отъ наслѣдства. Кажется, что даже невозможно и ставить или возбуждать вопроса въ этомъ смыслѣ, и что рѣшеніе въ смыслѣ противоположномъ было бы рѣшеніемъ неправильнымъ. Такого рѣшенія и быть не можетъ, когда приведемъ себѣ на мысль историческое значеніе нашего наслѣдственнаго права, не увлекаясь чуждыми ему понятіями о равенствѣ раздѣловъ. Наше отчинное право—служебнаго происхожденія, и, сообразно съ этимъ свойствомъ его, установилось начало наслѣдства дочерей, донинѣ въ полной силѣ сохранившееся. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вниманія, что дочь ни въ какомъ случаѣ не наслѣдница при братьяхъ, даже въ имѣніи отца. Въ этомъ случаѣ часть ея не есть въ собственномъ смыслѣ наслѣдство, а только *часть на прожитокъ, единожды ей выдѣляемая изъ отцовскаго имѣнія, какое за нимъ было по день его смерти*. Эту часть въ приведенномъ г. М-вымъ примѣрѣ Д. получила уже въ свое время изъ имѣнія отца, и, пока есть у ней братъ, ничего болѣе не должна получить изъ отцовскаго имущества». —

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛЮГРАФІЯ.

А) ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

ЗА 1859-й ГОДЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Съ общимъ оживленіемъ нашей общественной жизни пробудилось и сочувствіе въ образованномъ большинствѣ къ предметамъ права. Огромный интересъ, возбужденный вопросами права, доказывается уже и тѣмъ, что литература,—это вѣрное зеркало общественной жизни,—сильно занята ими: почти въ каждомъ періодическомъ изданіи появляются юридическія статьи, возбуждающія въ читателяхъ живое любопытство и сочувствіе, и кромѣ того съ успѣхомъ существуетъ два журнала съ юридическимъ характеромъ.

Состояніе отечественной науки права и законодательства достаточно указываютъ, каковъ долженъ быть характеръ этихъ статей и журналовъ. Мы уже имѣли случай указать въ одной изъ нашихъ рецензій на причины, развившія у насъ историческое направленіе въ наукѣ права; именно мы сказали, что такое направленіе обусловилось бѣдностію нашихъ юридиче-

скихъ познаній, отсутствіемъ философскаго элемента въ развитіи права и наконецъ сознаною въ послѣднее время необходимостію построенія юридическихъ теорій не иначе, какъ на основательномъ знакомствѣ съ исторіею права. Съ другой стороны замѣчаемые недостатки положительнаго законодательства и сознание необходимости его измѣненія вызвали рядъ статей съ практическимъ характеромъ, гдѣ ярко обрисовывались тѣ или другія стороны законодательства, или объяснялись различныя его отдѣлы.

Самое почетное мѣсто среди этихъ статей занимаетъ напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ за прошедшій годъ статья г. Побѣдоносцева «о реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ», въ которой авторъ, не ограничиваясь воззрѣніемъ на вопросы судопроизводства съ практической стороны, излагаетъ общія мысли о реформахъ судопроизводства, добытыя настоящею степенью развитія началъ права и процесса.

Другая статья, помѣщенная въ Современникѣ. Это статья г. Филиппова: «взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство».

Не излагая содержанія обѣихъ статей, какъ извѣстныхъ уже большинству нашихъ читателей, и притомъ требующихъ по объему ихъ подробнаго разсмотрѣнія, которое не можетъ вмѣститься въ рамки нашего библиографическаго очерка, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ журнальныхъ статей и остановимся въ настоящемъ обзорѣ на статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. Этотъ журналъ подарилъ русскую публику двумя заслуживающими полнаго вниманія статьями: «право собственности по русскому праву», изъ лекцій покойнаго профессора Д. И. Мейера (изд. г. Вицънымъ, Ж. М. Н. П. за январь и февраль 1859 г.) и «о наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву», Н. И. Ланге (Ж. М. Н. П. за іюнь 1859 г.). Разсмотримъ вкратцѣ содержаніе этихъ статей.

Въ области юридическихъ отношеній, говоритъ Мейеръ, право собственности является необходимостію, — и въ гражданскомъ правѣ занимаетъ первое мѣсто. Были и есть писатели, утверждающіе, что въ нѣкоторыхъ обществахъ юридическій бытъ устанавливается безъ права собственности. Но это несправедливо: право собственности иногда сокрыто, существуетъ въ грубыхъ формахъ, но тѣмъ не менѣе оно всегда и вездѣ существуетъ. Но какъ опредѣлить право собственности, въ какомъ объемѣ допустить его, какія составныя части придать ему, какъ установить между этими частями взаимныя отношенія? Все это обширное поприще предоставляется творчеству юридическаго быта, и дѣйствительно, законъ и обычай въ различныхъ гражданскихъ обществахъ различно устанавливаютъ право собственности.

Съ перваго взгляда право собственности предоставляется намъ господствомъ лица надъ вещью. Но не всякое господство лица надъ вещью есть право собственности. Право собственности можно опредѣлить такъ: оно есть полнѣйшее, сравнительно съ другими правами, господство лица надъ вещью, признаваемое юридическими опредѣленіями. Но такое опредѣленіе только относительное, изъ него не видно еще содержанія права собственности, тогда какъ именно содержаніе и даетъ опредѣленіе предмету. Слѣдуетъ поэтому обратить вниманіе на всѣ существенныя опредѣленія юридическаго быта, относящіяся къ праву собственности, и тогда должно сказать, что *право собственности есть господство лица надъ вещью, въ силу котораго лицо можетъ владѣть, пользоваться и распорядиться ею.*

Давъ такое опредѣленіе праву собственности и изяснивъ на основаніи его опредѣленіе собственности панимъ положительнымъ законодательствомъ, авторъ обращается къ разсмотрѣнію составныхъ частей права собственности въ отдѣльности и начинается съ права владѣнія.

Вслѣдствіе права собственности, лицо можетъ состоять въ непосредственномъ фактическомъ отношеніи къ вещи, владѣть ею.

Но и не собственникъ можетъ находиться въ фактическомъ отношеніи къ вещи,—и такое фактическое отношеніе лица къ вещи можетъ возникнуть независимо отъ вопроса о правѣ его на владѣніе, оно можетъ быть даже нарушеніемъ права. Если бы такое владѣніе, независимое отъ права, всегда оставалось на степени факта, то оно было бы чуждо области права и не имѣло бы мѣста въ наукѣ гражданского права, потому что наука права не занимается собственно фактами. Но въ иныхъ случаяхъ фактическое отношеніе лица къ вещи связывается съ извѣстными юридическими послѣдствіями, почему и обращаетъ на себя вниманіе науки гражданского права. Такое владѣніе, связанное съ юридическими послѣдствіями, называется юридическимъ, но только юридическое въ этомъ случаѣ не значитъ тоже, что законное: и недобросовѣстное владѣніе, слѣдовательно незаконное, есть юридическое, какъ-скоро съ нимъ связываются извѣстныя юридическія послѣдствія. Въ отличіе отъ этого юридическаго владѣнія, фактическое отношеніе лица къ вещи, не связанное ни съ какими юридическими послѣдствіями, называется владѣніемъ естественнымъ или удержаніемъ (*detentio*). Поэтому слѣдуетъ рассмотреть существо юридическаго владѣнія и тѣ условія, при которыхъ фактическое отношеніе лица къ вещи сопровождается юридическими послѣдствіями.

Юридическіе моменты, представляющіеся въ томъ фактическомъ отношеніи лица къ вещи, которое выше названо юридическимъ владѣніемъ, подали, какъ извѣстно, поводъ къ замѣчательному спору въ ученіи о владѣніи и къ установленію различныхъ теорій владѣнія. Укажемъ въ краткихъ словахъ на эти теоріи ⁽¹⁾.

Первою теоріею владѣнія была теорія Савиньи. Владѣніе съ одной стороны представляетъ фактическое, естественное отношеніе лица къ вещи (оно не юридическое отношеніе, какъ

(1) см. „о теоріяхъ владѣнія“ К. Кавеліца, въ юридическихъ запискахъ Рѣдкина т. I, стр. 234 и слѣд.

право собственности и другія вещныя права); съ другой стороны его характеръ личный, а не вещный (всякое владѣніе защищается, хотя бы оно было и несправедливое; далѣе оно защищается только противъ того, кто его нарушилъ). Основываясь на этихъ данныхъ, Савиньи утверждалъ, что владѣніе есть чистый *фактъ*, самъ по себѣ не входящій въ область права, что основаніе его защиты лежитъ по этому не въ немъ самомъ, а въ чемъ-либо постороннемъ, а именно въ тѣсной связи владѣнія съ *личностью* владѣльца. Эта связь, говоритъ Савиньи, дѣласть невозможнымъ нарушеніе перваго безъ оскорбленія послѣдней. Но личность не должна быть оскорблена, слѣдовательно вмѣстѣ съ уничтоженіемъ оскорбленія личности чрезъ нарушеніе владѣнія, должно быть уничтожено и самое нарушеніе владѣнія, т. е. владѣніе должно быть возстановлено прежнему владѣльцу.

Первый, возставшій на эту теорію, былъ знаменитый Гансъ, послѣдователь Гегеля, глава философской-юридической школы въ Германіи. Въ сочиненіи о системѣ римскаго гражданскаго права, онъ поставилъ владѣніе передъ правомъ собственности и открываетъ владѣніемъ систему вещныхъ правъ. Владѣніе, говоритъ Гансъ, должно войти въ систему *вещныхъ* правъ и занять между ними первое мѣсто, какъ отношеніе къ вещи *субъективное*, не возвысившеся до права собственности (отношенія *объективнаго*). Гражданинъ можетъ владѣть вещью или по своей и общей волѣ, или только по одной своей волѣ. Въ первомъ случаѣ онъ имѣетъ на вещь право собственности, во второмъ владѣніе. Владѣніе должно быть защищаемо, какъ выраженіе индивидуальной воли гражданина; на этомъ же основаніи должно быть защищаемо и не справедливое владѣніе, потому что оно также есть выраженіе индивидуальной воли.

Съ этого времени появилось много теорій, но всѣ онѣ, въ сущности, не разнятся отъ двухъ приведенныхъ выше теорій Савиньи и Ганса: однѣ принимаютъ, что владѣніе есть фактъ, другія, что—оно право.

Теорія Савиньи нашла защитниковъ и продолжателѣ къ Рудорфѣ, Рау и Бетманъ-Гольвегѣ, теоріи которыхъ исходятъ изъ того начала, что владѣніе есть фактъ; но основаніе защиты этого факта они объясняютъ различно, и въ этомъ существенно отличаются отъ теоріи Савиньи. Основное начало владѣнія, принятое и высказанное Гансомъ, было также сильно поддерживаемо учеными. Сюда относятся: Пухта, Таденъ, Гассе и Краузе, съ своимъ послѣдователемъ Аренсомъ ⁽²⁾.

Эти теоріи нашли себѣ послѣдователей и продолжателей и между нашими юристами; такъ напримѣръ владѣніе признаетъ *фактомъ* г. Морошкинъ ⁽³⁾, владѣніе считаетъ *правомъ* г. Кавелинъ ⁽⁴⁾. Къ числу послѣдователей Савиньи принадлежитъ и Мейеръ. «Теорію Савиньи, говоритъ онъ, можно считать нынѣ господствующею: въ настоящее время уже найдется немного юристовъ, которые будутъ признавать владѣніе правомъ». Затѣмъ, обращаясь къ отечественному законодательству, авторъ не видитъ никакой надобности отступать отъ воззрѣнія на владѣніе, какъ на фактъ, и находитъ напротивъ, что воззрѣніе это какъ нельзя лучше подходитъ къ нашему законодательству.

Мы позволили себѣ сдѣлать это небольшое отступленіе съ цѣлію ближе объяснить взглядъ покойнаго профессора на вопросъ объ основномъ началѣ владѣнія, имѣющей важность какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; теперь прослѣдимъ дальнѣйшее содержаніе статьи. Всякое владѣніе, не вытекающее изъ права собственности, есть фактъ, но юридическія послѣдствія, связанныя съ владѣніемъ, въ различныхъ случаяхъ бываютъ различны, такъ что во владѣніи можно различать нѣсколько видовъ. На основаніи нашего законодательства, можно

(2) см. Cours du droit naturel par H. Ahrens p. 392.

(3) см. разсужденіе о владѣніи по началамъ россійскаго законодательства О. Морошкина. Москва 1838 г.

(4) О теоріяхъ владѣнія К. Кавелина, юрид. записки Рѣдкина, т.

различать владѣніе давностное, владѣніе добросовѣстное и владѣніе незаконное. Какъ фактическое отношеніе лица къ вещи, владѣніе не находитъ себѣ опредѣленія въ положительномъ законодательствѣ, которое предполагаетъ фактъ владѣнія, какъ нѣчто общезвѣстное. Однако только внимательное изученіе этого факта приводитъ къ уясненію его свойства и принадлежности. Оказывается, что юридическое владѣніе слагается изъ двухъ дѣятелей: матеріальнаго или внѣшняго и духовнаго или внутренняго. Внѣшній дѣятель состоитъ въ матеріальной связи лица съ вещью; но внѣшняго дѣятеля владѣнія собственно должно понимать не какъ постоянную матеріальную связь владѣльца съ вещью, а какъ постоянную возможность такой матеріальной связи. Внутренній, духовный дѣятель владѣнія состоитъ въ сознаніи господства надъ вещью, въ намѣреніи лица распорядить ею, какъ своею. Но и здѣсь нѣтъ надобности въ ежеминутномъ сознаніи владѣльца относительно его господства надъ вещью, въ ежеминутномъ проявленіи сознанія, а достаточно лишь, чтобъ владѣлецъ разъ выразилъ это сознаніе: и оно постоянно предполагается въ немъ, пока не наступятъ обстоятельства, исключаютія такое предположеніе. Только при совокупномъ существованіи матеріальнаго и духовнаго дѣятелей владѣнія представляется юридическое владѣніе: присутствіе одного фактическаго отношенія, одной наружной стороны юридическаго владѣнія производитъ владѣніе естественное; присутствіе одного духовнаго дѣятеля безъ фактическаго отношенія къ вещи не имѣетъ никакого значенія. Поэтому, кто не способенъ проявить ту или другую сторону владѣнія, не способенъ къ юридическому владѣнію.

Относительно вещи, подлежащей юридическому владѣнію, прежде всего должно сказать, что это вещь физическая, способная подлежать фактическому господству. Юридическое владѣніе возможно только относительно такой вещи, относительно которой для юридическаго владѣльца возможно сознаніе самостоятельнаго распоряженія.

Для прекращенія владѣнія требуется не отсутствіе одного изъ дѣятелей юридическаго владѣнія, а присутствіе противоположнаго. И такъ, относительно матеріальнаго дѣятеля нужно, чтобы лицо въ данный моментъ не имѣло возможности по своему желанію поставить себя въ фактическое отношенія къ вещи. Точно также относительно духовнаго дѣятеля владѣніе требуется сознаніе невозможности господствовать, противоположеннаго намѣренію распорядиться вещью, какъ своею. Юридическое владѣніе прекратившееся можетъ въ послѣдствіи возстановиться. Но спрашивается, можно ли это возстановившееся юридическое владѣніе считать продолженіемъ прежняго? По строгости юридическихъ понятій, кажется, нельзя считать возстановившееся юридическое владѣніе продолженіемъ прежняго, тѣмъ болѣе, что если владѣніе прекращается, то нѣтъ ручательства, что оно возстановится, такъ что возстановленіе владѣнія есть нѣчто случайное.

Далѣе авторъ разсматриваетъ владѣніе, какъ составную часть права собственности. Владѣніе, какъ составная часть права собственности, также состоитъ въ матеріальномъ отношеніи лица къ вещи, но съ тою разницею, что это матеріальное отношеніе представляетъ собою осуществленіе права собственности, и все равно, будетъ ли оно соответствовать условіямъ юридическаго владѣнія или нѣтъ, оно все таки остается правомъ, тогда какъ владѣніе—фактъ только въ такомъ случаѣ и обращаетъ на себя вниманіе науки права, когда оно представляетъ собою осуществленіе права, не принадлежащаго владѣльцу. Для собственника владѣніе получаетъ значеніе преимущественно чрезъ пользованіе. Но владѣніе имѣетъ и свое самостоятельное значеніе: оно есть какъ-бы вѣстникъ права собственности, и болшею частію посредствомъ владѣнія собственникъ получаетъ тотъ вѣсъ, который даетъ ему право собственности, такъ что право владѣнія имѣетъ значительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ юридическомъ быту, независимо отъ осуществленія другихъ правъ, входящихъ въ составъ права собственности.

Кромѣ того, владѣніе, какъ составная часть права собственности, имѣетъ еще то самостоятельное значеніе, что во многихъ случаяхъ владѣніемъ начинается право собственности.

Право владѣнія можетъ прекратиться. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе случай прекращенія его посредствомъ отреченія: обыкновенно отреченіе отъ права владѣнія находится въ связи съ отреченіемъ отъ права собственности, но нѣтъ надобности, чтобъ отреченіе, касаясь владѣнія, касалось и другихъ частей права собственности, а собственникъ можетъ отречься только отъ права владѣнія.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію права пользования. Право пользования, вторая составная часть права собственности, заключается въ употребленіи вещи для удовлетворенія какихъ либо потребностей (св. зак. гр. ст. 392, 393.) Право пользования самая существенная составная часть права собственности, пользование—самое естественное его проявленіе, ибо самое существо всѣхъ имущественныхъ правъ заключается въ томъ, что вещь служитъ человѣческимъ потребностямъ, а право пользования именно и ведетъ къ тому, это его содержаніе. Не каждое однако употребленіе вещи для удовлетворенія потребностей входитъ въ содержаніе права пользования: иное употребленіе вещи таково, что вещь уничтожается, но уничтоженіе вещи составляетъ содержаніе права распоряженія, а не права пользования. Поэтому только тѣ способы удовлетворенія потребностей вещью, которые не соединяются съ ея уничтоженіемъ, входятъ въ составъ права пользования. Собственникъ самъ пользуется вещью или предоставляетъ пользованіе стороннему лицу, и такимъ образомъ право пользования иногда выдѣляется изъ права собственности (св. зак. гр. ст. 436, 437, 453, 454). При этомъ-то выдѣль и получаетъ практическое значеніе различіе между пользованіемъ вещью непосредственнымъ и пользованіемъ посредствомъ употребленія ея плодовъ. Если вещь сама по себѣ, непосредственно служитъ удовлетво-

рѣнію потребностей, то лицо имѣющее право пользованія вещь, только и можетъ употреблять ее сообразно ея назначенію, не имѣя ни какого права на произведенія вещи, развѣ это именно ему представлено собственникомъ. Но если пользованіе вещью только и можетъ состоять въ употребленіи плодовъ ея, тогда какъ непосредственно вещь неслужитъ удовлетворенію потребностей, то лицо, имѣющее право пользованія, въ правѣ пользоваться ея плодами, и именно приобрѣтаетъ надъ ними право собственности по отдѣленіи ихъ отъ вещи. Но бываютъ плоды гражданскіе—доходы: вмѣсто того, чтобы самому пользоваться вещью, лицо предоставляетъ пользованіе другому за извѣстное вознагражденіе, которое и составляетъ гражданскій плодъ. Но право пользованія, даже и въ этомъ случаѣ, когда даетъ пользователю право на плоды вещи, даетъ право только на естественные плоды, а не на плоды гражданскіе. По этому пользователь не въ правѣ пользоваться вещью посредствомъ гражданскаго плода, не можетъ извлекать изъ нея дохода. Если самъ собственникъ уступаетъ пользованіе вещью за извѣстное вознагражденіе, то онъ осуществляетъ тѣмъ свое право, но не право пользованія, а право распоряженія. Слѣдовательно, когда собственникъ предоставилъ стороннему лицу только право пользованія, а не предоставилъ сверхъ того и права распоряженія, то лицо это не въ правѣ извлекать доходъ, а въ правѣ только само употреблять вещь, собирать ея естественные плоды. Но естественные плоды принадлежатъ пользователю на правѣ собственности, и онъ можетъ распорядиться ими во всемъ пространствѣ этого права, слѣдовательно и подвергнуть отчужденію, и такимъ образомъ (и только такимъ) обратить естественный плодъ въ гражданскій. Право пользованія, выдѣляемое изъ права собственности, въ большей части случаевъ соединяется съ правомъ владѣнія, такъ что, предоставляя стороннему лицу пользованіе вещью, собственникъ обыкновенно предоставляетъ ему и владѣніе. Однако право пользованія можетъ быть предоставлено и безъ права

владѣнія, въ особенности тогда, когда пользованіе вещью состоитъ въ употребленіи ея плодовъ. Но если пользованіе вещью по самому существу ея только и можетъ состоять въ непосредственномъ употребленіи вещи, то лицо, приобрѣтшее право пользования, въ правѣ требовать отъ собственника, чтобы онъ предоставилъ ему и владѣніе вещью, въ правѣ требовать ея выдачи.

Мы въ подробности привели слова автора о правѣ пользования, съ цѣлью показать прекрасный способъ изложенія, принятый профессоромъ для своихъ лекцій. Изложеніе свое, какъ видно изъ примѣра, авторъ постоянно подкрѣпляетъ ссылками на статьи свода законовъ, въ случаяхъ, гдѣ его мысли сходны съ положеніями дѣйствующаго законодательства; въ противномъ случаѣ онъ указываетъ на это различіе, а въ случаѣ неясности закона дополняетъ мысль его, сообразно съ духомъ законодательства. Такой способъ изложенія заслуживаетъ конечно полнаго одобренія и составляетъ несомнѣнную заслугу профессора. Соединяя мысли, выработанныя наукою права, съ положеніями дѣйствующаго законодательства, авторъ вполне уясняетъ смыслъ буквы закона, и подъ вліяніемъ этой системы отдѣльныя статьи раскрываютъ свою общую связь, свой смыслъ и значеніе. Приведеннаго примѣра мы считаемъ достаточнымъ для уясненія читателямъ прекраснаго способа изложенія достойнымъ профессоромъ своихъ лекцій, и потому не считаемъ нужнымъ въ той же подробности слѣдить за дальнѣйшимъ содержаніемъ статьи; укажемъ только главнѣйшія ея части и подожженія.

Изложивъ мысли свои о постановленіяхъ дѣйствующаго законодательства по праву пользования, авторъ переходитъ къ праву распоряженія, которое заключается въ правѣ прекращенія и разъединенія самаго права собственности, разъединенія навсегда, или на извѣстное время (св. зак. гр. ст. 439). Довольно трудно, говоритъ Мейеръ, провести опредѣленную гра-

ницу между случаями, гдѣ проявляется право пользования, и случаями, гдѣ проявляется право распоряженія. Болѣе другихъ основательна попытка опредѣлить эту границу такимъ образомъ: если есть возможность обратить вещь къ прежнему виду, то въ употребленіи вещи проявляется только право пользования, если же нѣтъ, если вещь безвозвратно перешла въ другой разрядъ, то проявляется право распоряженія. Право владѣнія и право пользования, какъ выше было указано, можно выдѣлить изъ права собственности и предоставить стороннему лицу. Спрашивается, имѣетъ ли мѣсто выдѣлъ относительно права распоряженія. Намъ кажется, говоритъ авторъ, что должно отринуть возможность такого выдѣла: право распоряженія вещь такъ тѣсно связано съ существомъ права собственности, что безъ прекращенія его самаго выдѣлъ права распоряженія неудобомыслимъ.

За тѣмъ авторъ изслѣдуетъ вопросъ объ ограниченіяхъ права собственности, называемыхъ въ нашемъ законодательствѣ правами участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества; здѣсь онъ различаетъ, вмѣстѣ съ сводомъ законовъ, право участія общаго и право участія частнаго, и излагаетъ положенія законодательства, сюда относящіяся. Независимо отъ этихъ ограниченій, сопровождающихъ каждое право собственности на тѣ предметы, которыхъ касаются ограниченія, право собственности и внутри своихъ предѣловъ иногда ограничивается по различнымъ основаніямъ, лежащимъ или въ личности отдѣльнаго субъекта права собственности, или въ обстоятельствахъ, постороннихъ относительно личности субъекта. Ограниченіе можетъ касаться каждой изъ составныхъ частей права собственности, владѣнія, пользования и распоряженія, и притомъ можетъ касаться или одной только составной части права собственности, или распространяться и на другія части. Эти то ограниченія относительно каждой составной части права собственности и разбираетъ авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, разсматривая

здѣсь постановленія дѣйствующаго законодательства объ ограниченіяхъ, вытекающихъ изъ личныхъ отношеній собственника, о заповѣдныхъ имѣніяхъ, о запрещеніяхъ и арестахъ на имущество.

Далѣе авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію видовъ права собственности, различаемыхъ нашимъ законодательствомъ, и говоритъ о правѣ собственности полномъ и неполномъ, отдѣльнымъ и общемъ.

Изложивъ относящіяся сюда постановленія отечественныхъ законовъ въ той же полнотѣ и съ тѣмъ же критическимъ тактомъ, которымъ отличается вся вообще статья Мейера, авторъ изслѣдуетъ вопросъ о приобрѣтеніи права собственности. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько мыслей автора объ этомъ вопросѣ, такъ какъ изъ нихъ вполне ясенъ глубокой практической-научный взглядъ его на предметъ права. Какъ и всякое право, право собственности имѣетъ опредѣленное начало. Тѣ пути, которыми открывається это начало, которыми приобрѣтается право собственности, называются способами его приобрѣтенія. Внимательное разсмотрѣніе ихъ для юриста особенно важно, потому что легко смѣшать способы приобрѣтенія права собственности съ способами приобрѣтенія другихъ правъ, что и бываетъ нерѣдко въ дѣйствительности; принимается за способъ приобрѣтенія права собственности то, что само собою не даетъ права собственности. Напримѣръ: договоры признаются иногда способами приобрѣтенія права собственности, въ особенности куплѣ-продажѣ нерѣдко придаютъ такое значеніе, тогда какъ по существу своему и по смыслу законодательства купля-продажа вовсе не способъ приобрѣтенія права собственности, и, заключивъ договоръ купли-продажи, покушникъ еще не въ правѣ считать себя собственникомъ вещи. Но въ дѣйствительности многіе не даютъ себѣ отчета въ юридическихъ явленіяхъ, не привыкли анализировать ихъ, и замѣчая, что въ слѣдствіе купли-продажи приобрѣтается право соб-

ственности, заключаютъ, что оно именно приобѣтается куплею-продажею. Разумѣется, послѣдствія смѣшенія способовъ приобѣтенія права собственности съ способами приобѣтенія другихъ правъ довольно значительны: нерѣдко случается, что именно вслѣдствіе такого смѣшенія процессъ получаетъ ложное направленіе и ложное значеніе. Бываетъ напримѣръ, что покупатель, не получая купленной имъ вещи, открываетъ противъ продавца искъ о правѣ собственности, тогда какъ покупатель въ правѣ требовать отъ продавца только вознагражденія за убытки, понесенныя имъ отъ несоблюденія договора, но не самую вещь, находящуюся въ рукахъ продавца. И такъ, есть юридическія отношенія, слѣдствіемъ которыхъ обыкновенно бываетъ приобѣтене права собственности; но эти юридическія отношенія должно отличать отъ тѣхъ, которыя непосредственно поражаютъ права собственности и представляются способами ея приобѣтенія. Они подлежатъ различнымъ классификаціямъ. Положительное законодательство въ основаніе своей классификаціи полагаетъ понятіе о возмездіи и дѣлитъ способы приобѣтенія правъ на безвозмездныя и возмездныя (см. оглав. III кн. св. зак. гражд.). Въ понятіи о возмездіи есть юридическая сторона, но для приобѣтенія права собственности, это понятіе, какъ справедливо замѣчаетъ Мейеръ, не существенно: если даже и допустить, что право собственности приобѣтается возмездно или безвозмездно, то окажется, что и при отсутствіи возмездія, слѣдующаго за приобѣтене права собственности, оно приобѣтается или не приобѣтается. Если право собственности приобѣтается, то значитъ оно приобѣтается не смотря на отсутствіе возмездія; если право собственности не приобѣтается при отсутствіи возмездія, то, значитъ, нѣтъ способа приобѣтенія права собственности. И такъ, понятіе о возмездіи не можетъ служить основаніемъ дѣленія способовъ приобѣтенія права собственности. Самая обыкновенная классификація ихъ,—дѣленіе на непосредственныя или первообразныя и посредственныя или производныя; къ первоначальнымъ способамъ приобѣтенія права собственности принадлежатъ: находка, дав-

ность и приращеніе, всѣ же другіе способы принадлежатъ къ производнымъ ⁽⁵⁾. Но раздѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности на первообразные и производные, по мнѣнію Мейера, не имѣетъ никакого практическаго интереса: съ понятіемъ о первоначальномъ или производномъ пріобрѣтеніи права собственности наше право не связываетъ никакихъ юридическихъ опредѣленій. Но кромѣ того, раздѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности на первообразные и производные не выдерживаетъ критики: исходная точка раздѣленія не вѣрна, ибо въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей, нікому не принадлежащихъ, а если онѣ и существуютъ въ мірѣ, то совершенно чужды юридическимъ опредѣленіямъ.

Въ подтвержденіе своей мысли, Мейеръ разсматриваетъ въ отдѣльности способы пріобрѣтенія права собственности, считаемые первообразными, и съ убѣдительностію доказываетъ невѣрность мысли, будто есть такіе способы, которыми пріобрѣтается право собственности на вещи, прежде нікому не принадлежавшія.

Раздѣляютъ также способы пріобрѣтенія права собственности, принимая за основаніе волю лицъ, прикосновенныхъ къ пріобрѣтенію, и находятъ, что въ иныхъ случаяхъ право собственности пріобрѣтается по волѣ интересентовъ, въ иныхъ независимо отъ ихъ воли, въ иныхъ наконецъ по стеченію воли интересентовъ и другихъ обстоятельствъ. Но и это дѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности несостоятельно: прежде всего должно сказать, что это дѣленіе обнимаетъ не одни способы пріобрѣтенія права собственности, а также и способы пріобрѣтенія всѣхъ другихъ имущественныхъ правъ, напр., по духовному завѣщанію; по законному наслѣдованію пріобрѣтается не только право собственности, но пріобрѣтаются самыя разнообразные имущественныя права; далѣе, должно замѣтить, что

(5) Ср. Кранихфельда начертаніе рос. гражд. права въ историческомъ его развитіи стр. 9, 396.

приобрѣтеніе права собственности по волѣ интересентовъ должно найти себѣ основаніе въ законѣ или обычаѣ, иначе ихъ воля не будетъ уважена, такъ что можно сказать, всякое приоб- рѣтеніе права собственности по волѣ интересентовъ есть приоб- рѣтеніе по закону или обычаю; наконецъ, это раздѣленіе не имѣетъ никакого практическаго значенія, и для системы пра- ва отъ него нѣтъ никакой пользы.

Практическое различіе способовъ приоб- рѣтенія права соб- ственности, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что од- нимъ способамъ присуще владѣніе, такъ что нѣтъ и приоб- рѣтѣнія права собственности, если приоб- рѣтатель не вступаетъ во владѣніе вещью; другими же способами право собственности приоб- рѣтается независимо отъ владѣнія, такъ что лицо можно признать собственникомъ вещи, хотя-бы оно къ ней и не при- касалось. На этомъ основаніи способы приоб- рѣтенія права соб- ственности можно раздѣлить на способы, требующіе посред- ства владѣнія, и способы независящіе отъ владѣнія.

Къ способамъ приоб- рѣтенія права собственности при по- средствѣ владѣнія относятся: передача, давность и военная добыча.

Передачею называется актъ, по которому вещь изъ вла- дѣнія одного лица переходитъ во владѣніе другаго, приоб- рѣта- ющаго надъ нею право собственности. При передачѣ въ смыс- лѣ способа приоб- рѣтенія права собственности представляются: 1) лицо, передающее право собственности; 2) лицо, приоб- рѣта- ющее это право; 3) законное основаніе (*justus titulus*), по которому передача составляетъ переходъ права собственности, и 4) самый актъ передачи, состоящій въ переходѣ владѣнія отъ одного ли- ца къ другому. Относительно лицъ, встрѣчающихся при пере- дачѣ, нельзя сказать ничего особеннаго, новаго, а должно по- вторить только, что субъективныя условія дѣйствительности сдѣл- ки имѣютъ значеніе и для дѣйствительности передачи: лицо пе- редающее должно быть въ правѣ совершить отчужденіе, пере-

дать право собственности; лицо приобретающее должно быть способно къ приобретению не только имущественныхъ правъ вообще, но и права собственности на данную вещь въ особенности. Слѣдуетъ по этому остановиться лишь на законномъ основаніи и актѣ передачи. Передача права собственности всегда исходитъ изъ какой-либо сдѣлки или, общѣе, изъ какого-либо юридическаго отношенія. Большею частію эта сдѣлка существуетъ до передачи, но иногда совпадаетъ съ нею. Напримѣръ, когда совершается купля-продажа на недвижимое имущество, то сдѣлка существуетъ задолго до передачи имущества; но когда одно лицо даетъ другому милостыню, то сдѣлка (дареніе) совпадаетъ съ передачею. Эта-то сдѣлка или, общѣе, юридическое отношеніе, на основаніи котораго переходитъ право собственности, и есть законное основаніе передачи. У насъ оно нерѣдко принимается даже за самый способъ приобретения права собственности, но несправедливо: законное основаніе передачи устанавливаетъ лишь право на передачу, а передача устанавливаетъ способъ приобретения самаго права собственности. Обращаясь къ самому акту передачи, состоящему въ переходѣ владѣнія вещью изъ рукъ одного лица въ руки другаго, авторъ находитъ, что въ иныхъ случаяхъ этотъ актъ дѣйствительно совершается, въ иныхъ же нѣтъ, а только подразумевается.

Сказавъ о случаяхъ послѣдняго рода, встрѣчаемыхъ въ практической жизни, авторъ говоритъ о самомъ совершеніи акта передачи недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ: вводѣ во владѣніе, отказѣ и врученіи.

Другой способъ приобретения права собственности при посредствѣ владѣнія есть давность. Здѣсь авторъ критически разбираетъ опредѣленіе давности положительнымъ законодательствомъ, и съ подробностію и полною отчетливостію опредѣляетъ каждую принадлежность, свойственную давности по нашимъ законамъ.

Наконецъ третій способъ приобретения права собственности при посредствѣ владѣнія есть добыча, подъ которою разу-

мѣется отнятіе вещей у непріятели съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, принятыхъ въ международномъ правѣ и установленныхъ въ положительномъ законодательствѣ. Здѣсь авторъ говоритъ о лицахъ, захватывающихъ добычу, о вещахъ, подлежащихъ захвату, о лицахъ, у коихъ отнимаются вещи, и наконецъ объ условіяхъ, отъ соблюденія которыхъ зависить правомѣрность добычи и ея дѣйствительность, какъ способа пріобрѣтенія права собственности.

Съ тою же отчетливостію и подробностію изложены авторомъ способы пріобрѣтенія права собственности независимо отъ владѣнія, куда относятся: пользованіе, приращеніе и смѣшеніе. Къ величайшему сожалѣнію, объемъ статьи не позволяетъ намъ ближе познакомить читателей со взглядомъ автора на эти вопросы; отъчаянная желающихъ познакомиться съ этимъ весьма интереснымъ отдѣломъ лекцій Мейера къ самой статьѣ его, скажемъ только, что вѣрность взгляда, строгая система и прекрасная критическая оцѣнка вопросовъ составляютъ характеристическія черты разсматриваемаго отдѣла.

Въ заключеніе статьи изслѣдуется вопросъ о прекращеніи права собственности. Какъ и всякое право, говоритъ Мейеръ право собственности прекращается. Спрашивается, какими способами оно прекращается? Прежде всего скажемъ, что оно прекращается всѣми тѣми способами, которыми и пріобрѣтается: мы не допускаемъ существованія въ современномъ юридическомъ быту вещей безхозяйныхъ, слѣдовательно, если пріобрѣтается право собственности по вещи со стороны какого-либо лица, то въ тоже время для другаго лица право собственности по этой вещи прекращается. Исключеніе представляетъ лишь тотъ случай, когда пріобрѣтается право собственности по вещи, до того времени несуществовавшей, по крайней мѣрѣ несуществовавшей самостоятельно, а только въ качествѣ части другой вещи. Но есть также способы прекращенія права собственности, независящіе отъ пріобрѣтенія вещи въ собственность другимъ лицомъ. Способы эти

слѣдующіе: 1) право собственности прѣкращается съ уничтоженіемъ вещи; 2) право собственности, какъ и всякое имущественное право, прѣкращается по отреченію собственника. Но по нашему законодательству, вещь никому въ собственность не принадлежащая считается государственною (св. зак. гр. ст. 374); слѣдовательно при отреченіи хозяина вещи отъ права собственности она не дѣлается вещью безхозяйною, а становится собственностію государства. Поэтому съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что авторъ указываетъ на отреченіе, какъ на самостоятельный способъ прекращенія права для одного лица, которому не соотвѣтствуетъ пріобрѣтеніе для другаго лица.

Но противъ такого обвиненія авторъ приводитъ слѣдующія оправданія. Дѣйствительно, если возможность отреченія составляетъ характеристическую черту каждаго имущественнаго права, то мы не можемъ, говоритъ онъ, не признать ея и за правомъ собственности, играющимъ важнѣйшую роль въ имущественныхъ правахъ. Если же мы примемъ, что возможность отреченія существуетъ и для права собственности, то наше положеніе не устраняется тѣмъ, что вещь, оставляемая собственникомъ, дѣлается не безхозяйною, а собственностію государства: потому что такое обращеніе собственности частнаго лица въ собственность государства все-таки отличается отъ обращенія частной собственности въ государственную по передачѣ вещи. Кто отрывается отъ права собственности по вещи, тотъ не интересуется ея дальнѣйшею судьбою. Конечно, гражданинъ знаетъ, что въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей безхозяйныхъ, а каждая вещь, никому въ особенности не принадлежащая, принадлежитъ государству, и поэтому можно сказать, что въ отреченіи лица отъ его права собственности содержится умыселъ передать вещь государству. Но это будетъ несправедливо: лицо, отрекающееся отъ права собственности по вещи, можетъ, пожалуй, знать послѣдствія отреченія, но не ради этихъ послѣдствій лицо отрывается отъ права собственности, а для того только, чтобы прѣкратить право. Далѣе, нужно обратить внима-

ніе также на то, что хотя всякая вещь, никому въ особенності не принадлежащая, считается собственностію государства, но только въ меньшей части случаевъ государство осуществляетъ свое право собственности, пріобрѣтаемое по отчужденію прежняго собственника, такъ что во множествѣ случаевъ отреченіе отъ права собственности существуетъ, и все таки государство не обращаетъ вниманія на пріобрѣтаемое имъ чрезъ то право собственности и фактически вещь находится въ такомъ же положеніи, какъ и вещь безхозійная. Наконецъ должно сказать, что есть вещи, которыя считаются какъ-бы внѣ юридическаго быта, относительно которыхъ, при извѣстномъ положеніи ихъ, въ дѣйствительности не возникаетъ вопроса о правѣ собственности, хотя въ другомъ положеніи онѣ и подлежатъ этому праву: напримеръ, птица въ клѣткѣ подлежитъ праву собственности извѣстнаго лица; но лицо отпускаетъ птицу на волю, и право собственности прекращается, по отреченію. Наконецъ 3) право собственности прекращается смертію лица, физическою или политическою. Правда, по смерти лица имущественныя права его переходятъ къ наслѣднику, переходитъ и право собственности, но наслѣдникъ непосредственно пріобрѣтаетъ право наслѣдованія, отдѣльныя же права наслѣдователя пріобрѣтаетъ онъ только вслѣдствіе признанія его права наслѣдованія со стороны судебного мѣста (св. зак. гр. ст. 881, 1023—1048), а право собственности по вещамъ, принадлежавшимъ наслѣдователю, только по передачѣ ихъ наслѣднику душеприкащикомъ или общественною властію (св. зак. гр. ст. 916, 1067—1668). И вотъ по этому-то авторъ считаетъ смерть собственника способомъ прекращенія права собственности безъ соотвѣтствующаго пріобрѣтенія его для другаго лица.

Таково въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе разсмотрѣнной статьи. Уже и этотъ краткій обзоръ необходимо приводить къ заключенію о несомнѣнномъ достоинствѣ лекцій покойнаго профессора и обязываетъ образованное общество благодарностію къ издателю лекцій Мейера, которыя мы, не колеблясь, мо-

жемъ назвать прекраснымъ комментариемъ къ своду законовъ гражданскихъ.

Разсмотримъ теперь статью г. Ланге: «о наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву».

Понятіе народа о чести и о томъ, что оскорбляетъ ее, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, вѣрно опредѣляетъ степень развитія въ немъ личности. Чѣмъ выше народъ по своему образованію, тѣмъ утонченнѣе становится въ его членахъ чувство чести, какъ сознаніе собственного личнаго достоинства; у народа же, котораго духовная жизнь еще мало проявляется въ сферѣ его внѣшнихъ дѣйствій, честь есть больше, такъ сказать, представленіе объективное, чѣмъ внутреннее самоопредѣленіе своего нравственнаго существа. Онъ понимаетъ честь не иначе, какъ большее или меньшее достоинство служебное, различаетъ ее по важности сословія, по родословнымъ отношеніямъ и по другимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Каждый членъ такого народа оскорбляется не столько какъ лицо, сколько какъ гражданинъ, поставленный въ томъ или другомъ общественномъ отношеніи. Постановленія какого-либо народа о вознагражденіяхъ за нанесеніе обидъ болѣе или менѣе выражаютъ понятія его о чести, а съ тѣмъ вмѣстѣ и степень развитія въ немъ личности. Въ этомъ отношеніи изслѣдованіе о наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву представляется не лишеннымъ важности.

Изслѣдованіе свое г. Ланге начинаетъ прямо съ Русской правды, «не вдаваясь, какъ говоритъ онъ, въ *предположенія, ни къ чему не ведущія* (?) о томъ, какъ понималось у насъ личное оскорбленіе въ то время, когда Славяне жили особо родами». Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать замѣчаніе, что напрасно авторъ оставляетъ вовсе безъ рассмотрѣнія періодъ до Русской правды. Постановленія, о чести, вошедшія въ составъ Русской правды, не могли явиться въ ней вдругъ, безъ причины, но одной волею законодателя, не бывъ плодомъ предше-

ствовавшего времени,—и едва ли справедливо мнѣніе автора, что изслѣдованіе этого періода могло бы только привести къ предположеніямъ, ни къ чему не ведущимъ. Напротивъ, въ періодъ до изданія Русской правды ярко выставляются два замѣчательныхъ обстоятельства, имѣвшія вліяніе на развитіе постановленій о преступленіяхъ противъ чести и положительно указывающія съ одной стороны на понятія о чести въ то время, а съ другой объясняющія и постановленія, вошедшія въ составъ Русской правды. Обстоятельства эти суть: 1) родовой бытъ Славянъ до основанія Руси и 2) пришествіе Варяговъ. Въ первыя времена жизни нашего отечества, при господствѣ родовыхъ отношеній, отдѣльное лицо не имѣло никакихъ правъ внѣ сферы родственнаго круга; а въ такомъ положеніи человекъ не могъ дойти до сознанія своей личности, своей индивидуальности. Поэтому оскорбленіе, нанесенное лицу, считалось оскорбленіемъ сего рода и возлагало на членовъ послѣдняго обязанность, мстить оскорбителю. Такія отношенія должны были измѣниться съ прибытіемъ Варяговъ. Варяжскіе предводители являются съ своею свитою, и вступленіе въ нее дозволено всякому. И если вообще признаніе князей должно было имѣть вліяніе на измѣненіе прежнихъ отношеній, то существованіе дружины измѣнило прежній взглядъ на честь: въ дружинѣ цѣнили каждого по его достоинству, по его личной храбрости и оказаннымъ заслугамъ, и потому здѣсь впервые могло возникнуть понятіе о личной чести ⁽⁶⁾. Поэтому въ памятникахъ нашего законодательства должно было дѣйствовать, по отношенію къ разсматриваемому предмету, начало, введенное прибытіемъ Варяговъ, т. е. начало личной чести, и оставаться еще нѣкоторое время въ силѣ прежнее начало—честь родовой, за оскорбленіе которой мстили родственники обиженнаго; послѣднее впрочемъ мало по малу исчезло. Сообразно этому господствовали два вида удовлетворенія: денежное и мѣсть. Поэтому-то и въ Русской правдѣ

(6) См. Утина «Ueber die Ehrénverletzung nach russischem Recht seit dem XVII Jahrhundert. Dorpat, 1837, стр. 16.

Ирославъ предоставляет обиженному право мести, а если бы кто не могъ, или не хотѣлъ мстить за обиду, то получалъ опредѣленную сумму денегъ, какъ въ удовлетвореніе за обиду, такъ и на леченіе. Количество суммы зависѣло отъ важности нарушенія (7).

Объемъ статьи не позволяетъ намъ въ подробности поговорить о трудѣ г. Ланге; поэтому приведемъ лишь главнѣйшіе выводы, къ которымъ привело автора его изслѣдованіе. Разсматрѣвъ постановленія Правды, авторъ заключаетъ: 1) что безчестіемъ считались только тѣлесныя поврежденія и побои, слѣдовательно его понимали грубымъ матеріальнымъ образомъ; объ оскорбленіи же словомъ нѣтъ никакихъ указаній, 2) что тяжесть безчестія измѣрялась внѣшними, случайными обстоятельствами: различіемъ сословія, а также самыхъ побоевъ, ранъ и увѣчій.

Затѣмъ авторъ разсматриваетъ постановленія и акты, относящіеся къ его предмету, какіе встрѣчаются въ источникахъ до времени изданія судебника Іоанномъ IV; въ этотъ періодъ времени упоминается уже и о *словесныхъ* обидахъ.

Далѣе г. Ланге изслѣдуетъ постановленія Іоанна IV-го, въ царствованіе котораго понятіе о безчестіи еще болѣе расширилось. Безчестіе наносилось теперь не только неприличнымъ словомъ, побоями и увѣчьями, но также несправедливыми обвиненіями, а въ одномъ случаѣ и превышеніемъ власти, именно когда намѣстничій или волостелинъ челоуѣкъ сказывалъ, безъ предьявленія кому слѣдовало, непредставлявшаго по себѣ поруки. При всемъ этомъ слѣдуетъ еще упомянуть объ особомъ родѣ безчестія, возникавшаго вслѣдствіе мѣстническихъ расчетовъ по отчеству. Сверхъ расширенія понятія о случаяхъ личнаго оскорбленія, законодательство этого времени старалось въ подробности установить таксу за безчестіе, смотря по челоуѣку, т. е. по его общественному положенію. Отдѣльные случаи, считав-

(7) Краткая Русск. правда по изд. Татищевъ, ст. 3—10, 16. Ср. простр. Русск. правду въ Русск. достоп. ч. I, стр. 50.

шіея безчестіемъ, увеличились еще въ послѣдующее время, до уложенія—и примѣры ихъ приведены г. Ланге.

Но вникая въ сущность постановленій огромнаго пространства времени, отъ начала Руси до уложенія, мы должны сказать, что взглядъ законодательства на оскорбленіе чести не измѣнился,—и каковъ онъ былъ въ Русской правдѣ, таковымъ остался и до уложенія. Причина такой недѣятельности законодательства заключалась отчасти въ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, дѣйствовавшихъ вредно на общество, частію въ образованіи законодательства вообще, зависящимъ отъ этихъ обстоятельствъ. Что касается до политическихъ обстоятельствъ, то безпрерывныя войны князей за старѣйшинство, владычество татаръ,—конечно, не могли способствовать развитію въ народѣ понятій о чести. По сверженіи ига татарскаго и пробужденіи государственной идеи въ умѣ Іоанна III, естественно, всѣ усилія должны были направиться къ устроенію вышшняго государственнаго быта, и слѣдовательно нельзя искать въ этомъ періодѣ развитія внутреннихъ силъ народа, успѣховъ его умственныхъ и нравственныхъ. Вслѣдствіе этого и законодательство, подъ вліяніемъ такихъ политическихъ обстоятельствъ, обращало преимущественное вниманіе на такія преступленія, которыя осязательно нарушаютъ общественное спокойствіе,—и потому вопросъ объ оскорбленіяхъ личной чести не могъ подвинуться впередъ. Сюда должно еще присоединить то обстоятельство, что развитіе сословій въ древней Россіи было очень незначительно,—и потому понятіе о чести сословій (Standesehre) было невозможно (8).

Разсмотрѣвъ пространство времени отъ судебника до уложенія, г. Ланге въ подробности излагаетъ постановленія объ оскорбленіи чести, находимыя въ уложеніи,—и здѣсь говоритъ: 1) о нанесеніи безчестія непригожимъ словомъ, 2) о неправильныхъ обвиненіяхъ, считавшихся безчестіемъ и 3) о механическихъ дѣйствіяхъ, считавшихся наносившими безчестіе. Вооб-

(8) См. вышеприведенное сочиненіе г. Утппа (введеніе).

ще о характерѣ уложенія авторъ замѣчаетъ, что оно какъ въ другихъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ, въ отношеніи развитія началъ нашего древняго права, представляетъ заключительный періодъ, послѣ котораго законодательство начинаетъ идти новымъ путемъ. Не отрываясь отъ историческаго хода, уложеніе было однакожъ не только сборникомъ прежнихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ по разнымъ дѣламъ, сличенныхъ съ старыми судебниками, но заключало въ себѣ и статьи совершенно новыя. По многимъ предметамъ оно заключаетъ въ себѣ постановленія, развитыя въ мельчайшихъ подробностяхъ, и въ этомъ отношеніи законы о безчестіи занимаютъ едва ли не одно изъ первыхъ мѣстъ.

Впрочемъ объ уложеніи должно сказать, что такъ какъ главные источники его заключались въ обычаяхъ и судебной практикѣ, то и относительно преступленій противъ чести оно отражаетъ въ себѣ только результаты прошедшей юридической жизни народа. Заслуга уложенія въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что оно собрало всѣ дѣйствовавшія въ то время постановленія объ оскорбленіи чести, опредѣлило съ подробностію частные случаи нарушеній чести и тѣмъ содѣйствовало дѣльнѣйшему развитію законодательства въ этомъ отношеніи.

Изложеніе свое г. Ланге заключаетъ слѣдующимъ положеніемъ: «у насъ встарину личность понималась не какъ личность сама по себѣ, не имѣвшая почти никакого значенія, но въ неразрывной связи съ родомъ, званіемъ, чиномъ и сословіемъ того или другаго лица». Къ статьѣ приложено росписаніе платы за безчестіе архимандритамъ, игуменамъ, келарямъ и проч. разныхъ монастырей.

Изложивъ въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе статьи г. Ланге, считаемъ приятнымъ долгомъ сказать, что статья эта отличается добросовѣстною выборкою изъ источниковъ постановленій, относящихся къ наказаніямъ и взысканіямъ за безчестіе по древнему Русскому праву, и потому не останется безъ пользы для лицъ, занимающихся отечественнымъ правомъ.

Д. М.

В. ОБОЗРѢНІЕ

КНИГЪ ЮРИДИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ

1859 ГОДА.

1) *Институты Императора Юстиніана, въ четырехъ книгахъ*), переведенныя съ Латинскаго языка на Русскій кандидатомъ правъ *Θ. Проскуряковымъ. С. Петербургъ. 1859-го года.*

Въ настоящее время, когда мысль о необходимости хорошаго юридическаго образованія съ каждымъ днемъ глубже и глубже проникаетъ въ сознаніе русскаго общества, трудъ г. Проскурякова имѣетъ полное право на наше вниманіе. Выборъ предмета: *corpus Juris civilis* и части изъ него, институтовъ—сборника, составленнаго преимущественно съ цѣлью изученія имущественнаго права для начинающихъ, какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ потребностямъ русскаго юношества, посвящающаго себя изученію права. Важность римскаго права въ кругу предметовъ юридическаго образованія всѣхъ европейскіхъ народовъ всѣми признана и безспорна, какъ *res judicata*. На западѣ Европы въ нѣкоторыхъ государствахъ оно примѣнялось на практикѣ какъ настоящій законъ (въ Германіи, Южной Франціи), въ другихъ употреблялось какъ законъ вспомогательный, приводившійся въ дѣйствіе тамъ, гдѣ молчали мѣстные статуты. Тамъ оно слилось съ жизнью народовъ, вошло въ плоть и кровь ихъ юридическаго быта. Отсюда понятно то сціентифическое увлеченіе германскихъ юристовъ, съ которыми они изучаютъ и изслѣдуютъ вѣчное право, прилагая къ нему различныя методы, съ разнообразнѣйшими системами изложенія ихъ

учебниковъ, и перѣдко жертвуя притомъ ему тщательнымъ изученіемъ германскаго права. На русскую жизнь римское право никогда не имѣло такого обширнаго и непосредственнаго вліянія,—и безъ сомнѣнія, другая роль ему будетъ принадлежать въ нашихъ юридическихъ курсахъ. Но необыкновенный юридическій смыслъ, которымъ проникнуты всѣ памятники римскаго законодательства, неподражаемый анализъ въ разрѣшеніи вопросовъ права, вмѣстѣ съ безукоризненными въ высшей степени логическою послѣдовательностію, опредѣлительностію понятій и точностію выраженій, составляютъ тѣ достоинства Римскаго права, въ силу которыхъ оно, эта *ratio scripta* германскихъ законовѣдцевъ, въ Россіи, какъ и у другихъ народовъ, всегда останется тѣмъ неоскудѣвающимъ источникомъ, изъ котораго наши юристы будутъ почерпать свою научную силу. Не нужно при этомъ забывать, что римское право не вполне чуждо русскому законодательству, и какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ, оказывавшихъ большее или меньшее вліяніе на самую жизнь народа; что оно было воспринимая нами въ формѣ Византійскаго права, что на западѣ русскаго государства, въ Остзейскихъ губерніяхъ, оно и до сихъ поръ служитъ источникомъ дѣйствующаго права, и что на югѣ, въ Бессарабской области, еще и въ настоящее время гражданскія дѣла рѣшаются по Византійскому праву, собранному въ книгѣ Арменопуло. По всему этому хорошо выполненный г. Проскураковымъ переводъ институтовъ вполне заслуживаетъ благодарности. Если при изученіи права вообще необходимо чтеніе уложений и сводовъ какъ отечественнаго, такъ и иностранныхъ законодательствъ, безъ чего, и при одномъ отрывочномъ знакомствѣ учащагося съ источниками, невозможны ни самостоятельное усвоеніе исторіи и теоріи права, ни высшее ученое созерцаніе, то это въ особенности относится къ изученію римскаго права. Между тѣмъ, молодые люди, изучающіе римское право, раздѣляя свое время между нимъ и другими предметами ихъ университетскаго курса, по большей части ограничиваются чтеніемъ учебниковъ, и

разкрываютъ *corpus juris* только для того, чтобы остановиться на тѣхъ именно мѣстахъ, къ которымъ приводитъ ихъ ссылка ученаго автора. Недосугъ учащихся, при томъ вѣрномъ расчетѣ, что посредствомъ чтенія источниковъ, даже при удовлетворительномъ знаніи латинскаго языка и при помощи иностранныхъ комментаріевъ, медленнѣе можно придти къ пониманію общей мысли и содержанія права, чѣмъ читая учебники, представляетъ, къ сожалѣнію, въ результатѣ университетскаго юридическаго образованія одно отрывочное и нерѣдко весьма скудное знакомство съ *corpus juris*, не говоря уже о другихъ источникахъ права. При такихъ условіяхъ нашего юридическаго образованія, мы не можемъ не порадоваться тому, что переводъ институтовъ г. Проскуракова даетъ возможность студентамъ—юристамъ слушать курсъ римскаго права съ заранѣе составленнымъ общимъ понятіемъ содержанія и характера законодательства по имущественному праву, и подвигнетъ ихъ къ чтенію и пониманію подлинныхъ источниковъ права.

Книга г. Проскуракова, кромѣ буквального перевода 4-хъ книгъ институтовъ, раздѣленныхъ на 98 титуловъ, содержитъ въ себѣ прибавленія, служащія къ объясненію текста, и заключающіяся въ приводимыхъ авторомъ также въ русскомъ переводѣ мѣстахъ изъ другихъ частей Юстиніанова законодательства, и свѣдѣнійхъ, заимствованныхъ изъ древностей и учебниковъ римскаго права. Въ началѣ книги авторъ предлагаетъ читателямъ свѣдѣніе о законодательствѣ Юстиніана, съ раздѣленіемъ его на части и съ короткимъ обозначеніемъ содержанія каждой изъ нихъ. Другія прибавленія онъ размѣщаетъ по главамъ, сообразно ихъ содержанію, такъ что они предшествуютъ тексту главы, или за нимъ слѣдуютъ, или же напечатаны выносками, съ указаніемъ на объясняемыя выраженія текста перевода. Относительно всѣхъ этихъ прибавленій нужно сказать, что авторъ дѣлаетъ ихъ съ большою разборчивостію, и что они дѣйствительно помогаютъ пониманію текста институтовъ, настолько это необходимо для учащагося. Болѣе подробныя изъ

Числа помѣщенныхъ авторомъ прибавленій слѣдующія: историческія свѣдѣнія объ институтахъ Гая, приложенныя къ предисловію Юстиніана къ институтамъ; о способахъ отпущенія на волю и о патронатствѣ (подъ тит. V кн. I-ой); о конкубинатѣ (подъ тит. X кн. 1); о возрастахъ человѣческой жизни (подъ тит. XXII кн. 1); о клонахъ (подъ тит. I кн. II); о *rescissum* (подъ тит. IX кн. II); объ обрядахъ совершенія завѣщаній по древнему римскому праву (подъ тит. X кн. II); извлеченія изъ новеллъ о наслѣдованіи родственниковъ по женскому колѣну; выписка изъ кодекса Юстиніанова объ отдачѣ имущества во владѣніе ради свободы; объ *arbitrae actiones* (вын. при тит. VI кн. IV). При всей пользѣ сдѣланныхъ авторомъ прибавленій, нельзя не пожалѣть о томъ, что при тѣхъ изъ нихъ, которыя заимствованы не изъ Юстиніанова законодательства, не означены источники, и что къ переводу совсѣмъ не приложены свѣдѣнія о литературѣ римскаго права у нѣмцевъ и французовъ, которые съ наибольшимъ удобствомъ, какъ намъ кажется, могли бы быть размѣщены по титуламъ. Дѣлая это замѣчаніе, мы имѣемъ въ виду примѣры подобныхъ изданій на иностранныхъ языкахъ и то соображеніе, что ^{др.} и вообще находятъ полезнымъ помѣщать въ изданіяхъ источниковъ права библиографію ученыхъ трудовъ, къ нимъ относящихся, то переводъ, предназначенный для употребленія русскаго юношества, ни въ какомъ случаѣ не долженъ составить исключенія изъ настоящаго правила. Дѣйствительно, книжная торговля у насъ еще не успѣла специализироваться, и не говоря о другихъ отрасляхъ наукъ, въ предложеніи къ продажѣ книгъ юридическаго содержанія замѣчается большой недостатокъ. Не удивительно, что частные каталоги по всѣмъ отраслямъ наукъ у насъ составляютъ рѣдкость, и что библиографія того или иного отдѣла науки становится доступною, по большей части, только тому лицу, которое уже посвящало нѣкоторое время избранному имъ специальному труду. Не говоря о студентахъ университетовъ, имѣющихъ возможность пользоваться въ своихъ

учебнымъ занятіяхъ опытностію профессоровъ, нельзя не согласиться, что указанное нами затрудненіе составляетъ весьма важное препятствіе для тѣхъ лицъ, которыя бы вздумали изучать право внѣ университетскихъ курсовъ, и что издатель источниковъ права, разсчитывая также и на употребленіе ими своего изданія, не долженъ упускать изъ виду облегчить ихъ трудъ предложеніемъ необходимыхъ библиографическихъ свѣдѣній.

Не можемъ не пожалѣть также и о томъ, что г. Проскуряковъ не помѣстилъ въ своемъ изданіи латинскаго текста институтовъ Юстиніана. Языкъ римскаго права имѣетъ свои особенности, заключающіяся, по выраженію одного ученаго, въ его желѣзной послѣдовательности, силѣ полной мыслей, прозрачности и идеальной простотѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ изъ новыхъ языковъ не представляетъ нужныхъ способовъ для того, чтобы въ буквальный переводъ схватить всѣ отбѣнки, которыми проникнута мысль подлинника. Потому, какъ бы ни былъ хорошъ русскій переводъ, внимательное чтеніе его всегда потребуетъ справки съ подлинникомъ, и латинскій текстъ, напечатанный вмѣстѣ съ переводомъ, составилъ бы въ этомъ отношеніи болышій удобство для учащихся.

Не отнимая достоинствъ перевода г. Проскурякова, который мы назвали хорошимъ, позволимъ себѣ привести нѣкоторыя изъ мѣстъ, показавшихся намъ не совсемъ точными и приводившихъ насъ къ убѣжденію въ важности значенія, которое имѣлъ бы латинскій текстъ, помѣщенный въ настоящемъ изданіи рядомъ съ русскимъ переводомъ. Въ титулѣ XI кн. II о воинскомъ завѣщаніи выраженіе: «denique et si in arrogationem datus fuerit miles, testamentum ejus valet» переведено по русски: «ежели воинъ отдается на усыновленіе, то завѣщаніе дѣйствительно». Глаголь «отдается», употребленный въ возвратной формѣ, по видимому, выражаетъ ту мысль, что здѣсь говорится о такомъ завѣщателѣ, который самъ себя отдастъ на усыновленіе, но латинское выраженіе: «in arrogationem datus fuerit» не имѣетъ такого смысла; и дѣйствительно, онъ могъ

быть усыновленъ безъ своего на это соизволенія, такъ какъ, по законодательству Юстиніана, отецъ, имѣющій подъ властію дѣтей и давшій себя на усыновленіе, не только самъ подчиняется власти усыновителя, но и дѣти его становятся во власти послѣдняго въ качествѣ внуковъ.

Въ VI тит. кн. II о давности и долговременномъ владѣніи слова: «*ne regum dominia in incerto essent*» остались совсѣмъ безъ перевода въ русскомъ текстѣ. Въ титулѣ XVII кн. II о потерѣ силы завѣщанія слова: «*rumptitur autem testamentum, cum in eodem statu manente testatore ipsius testamenti jus vitatur*» переведены по русски: «завѣщаніе разрушается, если въ то время, когда завѣщатель остается въ одномъ и томъ же положеніи, завѣщаніе само теряетъ силу». Здѣсь выраженіе: «завѣщаніе само теряетъ силу» очевидно не передаетъ точнаго смысла подлинника «*ipsius testamenti jus vitatur*», такъ какъ слова «*jus testamenti*» и «сила завѣщанія» ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть однозначными. Въ этомъ же самомъ титулѣ, по русскому переводу, постановленіе: «позднѣйшее завѣщаніе, законно совершенное, разрушаетъ прежнее, все равно былъ ли какой наслѣдникъ въ силу онаго или нѣтъ» можетъ быть примѣняемо какъ къ тому наслѣднику, который существовалъ при составленіи перваго завѣщанія, такъ и къ тому, который въ послѣдствіи получилъ наслѣдственные права. Но въ латинскомъ текстѣ будущее совершенное *existerit*, соотвѣтствующее употребленному въ русскомъ переводѣ «былъ», выражаетъ по правиламъ грамматики, дѣйствіе, имѣющее совершиться прежде другаго будущаго дѣйствія, слѣдовательно здѣсь говорится о существованіи наслѣдника послѣ совершенія перваго и втораго завѣщаній, но прежде открытія наслѣдства.

Мѣстоимѣнія *is* и *ille* употребленные въ замѣнъ названныхъ уже въ періодѣ предметовъ, не имѣютъ въ русскомъ языкѣ словъ, соотвѣтствующихъ ихъ различному значенію и переводятся: онъ и оный, почему въ русскомъ переводѣ изъ

самого употребленія сихъ словъ не видно, относятся ли они къ ближайшему или къ прежде названному предмету.

Въ книгѣ г. Прокуракова есть нѣсколько примѣровъ подобной темноты перевода, между прочимъ и въ сейчасъ приведенномъ нами выраженіи постановленія о завѣщаніяхъ позднѣйшаго составленія, въ которомъ, неизвѣстно относятся ли слова: «въ силу онаго» къ прежнему или позднѣйшему завѣщанію. Въ титулѣ XVIII кн. II въ § 6 слова: «*vel si mortis causa ei quarta donata fuerit*» пропущены въ русскомъ переводѣ. Въ тит. VII кн. III § 2: «*Sive is (libertus) testamento facto sive intestatus mortuus erat, virilis pars patrono deberetur*» переведено по русски: «умеръ ли онъ съ завѣщаніемъ или безъ завѣщанія, патрону слѣдовала часть наслѣдства. Но латинское выраженіе *virilis pars* означаетъ въ настоящемъ случаѣ не какую-либо часть неопредѣленной величины, а одинаковую съ частями, получаемыми наслѣдниками вольноотпущенника.

Приведенные нами примѣры, думаемъ, вполне достаточны для доказательства мысли о необходимости въ изданіи, подобномъ настоящей книгѣ г. Прокуракова, подлиннаго текста переведеннаго источника. Но не смотря на указанные недостатки этого изданія съ его формальной стороны, мы повторяемъ наше убѣжденіе, что употребленіе книги г. Прокуракова принесетъ большую пользу учащимся и что публика по справедливости оцѣнитъ въ ней добросовѣстно выполненный трудъ переводчика.

Отъ души желая, чтобы г. Прокураковъ продолжалъ трудиться на поприщѣ избранной имъ специальности, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что при послѣдующихъ изданіяхъ переводовъ источниковъ римскаго права авторъ не оставитъ въ пренебреженіи нашихъ замѣчаній.

2) *О приобрьтеніи права собственности на землю по русскому праву, разсужденіе, написанное для полученія степени магистра гражданскаго права, Иваномъ Энгельманомъ. С. Петербургъ 1859 г.*

Въ концѣ прошедшаго года въ здѣшнемъ университетѣ происходило публичное защищеніе кандидатовъ правъ Энгельманомъ диссертациі, написанной имъ для полученія степени магистра гражданскаго права.

Темою для своей ученой диссертациі г. Энгельманъ избралъ «способы приобрьтенія права на землю по русскому праву».

Въ началѣ диссертациі авторъ причисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ сочиненія на русскомъ и иностранномъ языкахъ, касающіяся разсматриваемаго нами предмета, какъ въ историческомъ, такъ и въ догматическомъ отношеніяхъ. Далѣе авторъ поименовываетъ сочиненія, не касающіяся прямо его предмета, но разсматривающіе вопросы второстепенные. Въ число послѣднихъ вошли: монографіи русскихъ ученыхъ историческаго и догматическаго содержанія по различнымъ предметамъ русскаго гражданскаго, уголовнаго и государственнаго права, славянскія древности Шафарика, *Deutsche Rechtsalterthümer* Th. Grimm; сочиненія политико-экономическія на русскомъ и иностранномъ языкахъ, преимущественно имѣющія своимъ предметомъ поземельный кредитъ; *System des gemeinen Privatrechts*, Beseler'a и *Handbuch des französischen Civilrechts*, Zachariae. Наконецъ авторъ исчисляетъ источники, которыми онъ пользовался при своихъ изслѣдованіяхъ. Въ числѣ ихъ поименованы памятники юридическаго быта русскаго народа, начиная съ отдаленной древности до настоящаго времени, обнимающіе собою восточную и западную Русь.

Перечень этотъ, заключающій въ себѣ около 40 ученыхъ сочиненій и болѣе 20 изданій различныхъ источниковъ рус-

скаго права, составляет неоцѣненную услугу для дальнѣйшаго изученія русскаго поземельнаго права и свидѣтельствуетъ о широкихъ основаніяхъ настоящаго изслѣдованія автора.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что цѣль настоящаго изслѣдованія его заключается въ разрѣшеніи вопросовъ: какими способами въ различные періоды исторіи приобрѣталось, по русскому праву, право собственности на землю? и когда приобрѣтеніе этого права считалось окончательнымъ? Въ предлагаемомъ изслѣдованіи разсматривается способъ приобрѣтенія права поземельной собственности въ различные эпохи, но самое право собственности предполагается какъ нѣчто данное и опредѣленное, и потому развитіе самаго понятія о правѣ собственности остается внѣ задачи этого сочиненія. Только въ древнѣйшемъ періодѣ необходимо было обратить вниманіе на самое образованіе поземельной собственности и на внутреннее ея содержаніе, которое, по словамъ автора, заключалось въ чисто фактическомъ отношеніи владѣльца къ землѣ. Принимая раздѣленіе способовъ приобрѣтенія собственности на *acquirendi modi originarii* или *constitutivi*, и *acquirendi modi derivativi*, авторъ говоритъ, что онъ ограничивается разсмотрѣніемъ послѣднихъ, дѣйствіе которыхъ всегда обращается на собственность, существующую въ опредѣленномъ видѣ, такъ какъ первые изъ нихъ составляютъ собою скорѣе источникъ произхожденія, нежели приобрѣтенія права собственности, что давность составляетъ предметъ изслѣдованія въ его сочиненіи на столько, на сколько ею приобрѣтается самостоятельно существующая собственность.

«Въ историческомъ развитіи способа приобрѣтенія права собственности на землю открываются три степени. Въ древнѣйшія времена владѣніе опредѣлялось единственно дѣятельностію отдѣльнаго лица, потому способами приобрѣтенія собственности на землю являлись завладѣніе и обработка. При большемъ устройствѣ и прочности общественнаго порядка въ періодъ удѣ-

ловъ, возникло понятіе «*пошлины*» и развилаcь мысль, что право на защиту со стороны властей имѣетъ только то владѣніе, которое существовало издавна. Вслѣдствіе того приобрѣтеніе правъ на землю начинаетъ устроиваться съ участіемъ представителей государства. Въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ владѣнію, основанному на фактѣ, юридическая практика приказовъ противопоставляетъ необходимость формальнаго признанія со стороны государственной власти, въ формѣ указа или предписанія. Въ уложеніи находятся оба начала. Съ одной стороны, непрѣмнымъ условіемъ приобрѣтенія собственности поставлено совершеніе его по указу царскому чрезъ правительственныхъ лицъ или чиновниковъ, а съ другой, въ отдѣльныхъ случаяхъ, приобрѣтеніе поставлено въ зависимости отъ дѣятельности и недѣятельности отдѣльнаго лица.

«Въ третьемъ періодѣ XVIII-ый вѣкъ, вѣкъ умозрительныхъ реформъ, представляетъ многообразныя мѣры и инструкціи рациональнаго направленія по устройству порядка въ гражданскихъ отношеніяхъ; но всѣ онѣ остались безъ успѣха, и благая ихъ цѣль оказалась недостигнутою. Противорѣчія между значеніемъ дѣятельности частныхъ лицъ и правительственныхъ установленій существуютъ по прежнему. Мы находимся предъ началомъ IV-го или, лучше сказать, въ концѣ III-го періода, когда наконецъ результаты, достигнутые предшествовавшимъ историческимъ развитіемъ, должны найти свое правильное примѣненіе».

Въ введеніи авторъ, проводя параллель между исторіею экономическаго прогресса общества и развитіемъ понятія собственности на землю, говоритъ, что «первобытный способъ приобрѣтенія собственности есть захватъ. Установленіе извѣстной степени, прочности въ отношеніяхъ лица къ землѣ условливается обработкою земли. Обработка оставляетъ на землѣ признаки приложеннаго къ ней труда, а слѣдовательно и права на нее

того лица, которое ее обрабатывало. Таким образом, весьма естественно устанавливается первобытный, простѣйшій способъ вымѣриванія и размежеванія земель: обработанное пространство само собою разграничивается отъ необработаннаго. Собственность на пахатную землю развивается ранѣе всѣхъ другихъ видовъ поземельной собственности: право на луга и лѣса позже, съ введеніемъ касающагося до нихъ хозяйства.

«Всѣ купчія грамоты XIV и XV столѣтій не формальныя, заключаютъ въ себѣ не болѣе, какъ память о доказательствахъ дѣйствительнаго заключенія договора, и писаны отъ имени покупателя. Въ случаѣ оспариванія ихъ, владѣлецъ доказываетъ правильность своего владѣнія показаніями свидѣтелей о томъ, что дѣйствительно въ ихъ присутствіи заключенъ былъ договоръ, и что земля въ такихъ-то мѣстахъ отведена была настоящему владѣльцу.

«Назначенные въ судебникѣ 1497 г. трехъ и шестилѣтніе сроки давности по искамъ поземельнымъ не имѣли того безусловнаго значенія, какое мы соединяемъ теперь съ понятіемъ о десятилѣтней земской давности. Значеніе ихъ условное. Когда владѣніе имѣло справедливое основаніе, т. е. когда кто-нибудь добросовѣстно приобрѣлъ чужую землю и безпрепятственно ею владѣлъ, или когда прежній владѣлецъ въ теченіи продолжительнаго времени не отыскивалъ своего права, не смотря на то, что это было въ его власти, и къ тому не имѣлось особенныхъ препятствій, то въ подобныхъ случаяхъ, достаточно было истеченія срока давности, хотя и непродолжительнаго, для того чтобы укрѣпить господство и обезопасить владѣніе такого давняго владѣльца. Если же право извѣстнаго лица на землю заключалось единственно въ фактѣ владѣнія, то оно должно быть въ такой степени продолжительно, чтобы простой мгновенный фактъ упрочился и укрѣпился давностію истекшаго времени и сдѣлался бы въ глазахъ общества безспорнымъ. Вотъ почему кратковременный срокъ давности, назначенный

въ Судебникѣ 1497 г., не могъ безусловно примѣниться къ потребностямъ общественной жизни, и остался безъ всякаго вліянія, на дальнѣйшія постановленія о давности. Само правительство не могло не ограничивать дѣйствія этого закона различными изытіями и условіями, требуемыми въ практикѣ при его примѣненіи, такъ какъ законъ этотъ, по своему духу, прямо противурѣчилъ общему стремленію къ крѣпости и спокойности правъ поземельной собственности. Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, вспомнимъ, что въ древнѣйшія времена земля никогда не продавалась безъ выкупа. Наконецъ законодательство должно было уступить господствующимъ понятіямъ о необходимости болѣе продолжительнаго срока давности. Въ Судебникѣ Іоанна IV-го, хотя и было постановленіе о трехъ и шестилѣтней давности, однако для выкупа имѣній назначенъ былъ сорокалѣтній срокъ. Въ царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича сорокалѣтній срокъ давности распространенъ былъ и на другіе случаи, кромѣ выкупа имѣній.

«По уложенію и послѣдовавшимъ за нимъ указамъ переносъ права собственности совершался посредствомъ ввода во владѣніе, которому предпосылался обыскъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда по какимъ-либо причинамъ не могло быть сомнѣнія въ правильности пріобрѣтенія относительно интересовъ казны, какъ на примѣръ при отводѣ вотчинъ, обыскъ употреблялся рѣдко и въ большей части случаевъ опускался. Когда же наконецъ помѣстья перестали считаться правительственнымъ имуществомъ, то и производство обыска прекратилось. Сознаніе въ необходимомъ исправленіи послѣдствій, происходящихъ отъ опущенія обыска, подадо мысль къ установленію двухлѣтняго срока, въ теченіи котораго новопріобрѣтенное право могло быть оспариваемо, и по истеченіи котораго никакая тяжба противъ него не могла быть принята.

«Вмѣсто того, чтобы выразить окончательное пріобрѣтеніе права собственности запискою пріобрѣтенія въ публичныя поземельныя книги, учрежденіе о губерніяхъ поставило его въ

зависимость отъ исполненія внѣшнихъ сложныхъ обрядовъ, бывшихъ доселѣ въ обыкновеніи при отводѣ земли. Старой формѣ отказа, составляющей фактическое исполненіе договора, учрежденіе о губерніяхъ приписывало дѣйствіе, оканчивающее извѣстное событіе, сдѣлало его результатомъ различныхъ юридическихъ обрядовъ ввода во владѣніе, дѣлающихъ послѣднее безспорнымъ. Но при такомъ установленіи новаго порядка, въ составъ котораго входила старая форма, не было дано объясненій о значеніи и законныхъ послѣдствіяхъ, протекающихъ отъ соблюденія или несоблюденія этого дѣйствія. Этому то обстоятельству и должно приписать малый успѣхъ нововведеній Екатерины II, относящихся до приобрѣтенія и укрѣпленія недвижимыхъ имуществъ».

Въ III-ей главѣ настоящаго сочиненія содержится обзоръ нѣ постановленій о приобрѣтеніи права собственности на землю римскаго, обще-германскаго и французскаго законодательства, въ сравненіи съ русскимъ. По римскому праву при опредѣленіи права собственности на землю, необходимы согласная воля договаривающихся сторонъ и фактическое владѣніе покупщика. Но понятіе объ общественномъ значеніи поземельной собственности чуждо римскому праву, и является съ совершенною ясностію лишь въ законодательствахъ позднѣйшаго времени. Въ Германіи, по древнему обычаю, актъ приобрѣтенія права собственности на недвижимыя имущества сопровождался публичными и торжественными обрядами. Этотъ обычай послужилъ зачаткомъ позднѣйшаго формальнаго отказа. Вступленіе во владѣніе считалось слѣдствіемъ прибрѣтеннаго права. Но со времени введенія въ употребленіе римскаго права, прибрѣтеніе собственности стали основывать на фактическомъ владѣніи, и отказъ начали смѣшивать съ публичными объявленіями о куплѣ-продажѣ, предписанными въ римскомъ правѣ. Во французскомъ законодательствѣ авторъ видитъ разительный примѣръ пагубныхъ послѣдствій, протекающихъ отъ нераціональнаго устройства въ порядкѣ прибрѣтенія правъ собственности на землю. Въ поста-

ковленіи Code civil, по которому купля-продажа, по одному согласію сторонъ, въ силу самаго договора, и безъ записки имѣнія въ публичныя книги, имѣетъ окончательную силу, да же и въ отношеніи стороннихъ, непрічастныхъ сдѣлкѣ лицъ, заключается источникъ неясности и непрочности имущественныхъ отношеній. Покупатель никогда не можетъ быть увѣренъ, что пріобрѣтенное имъ имущество напередъ не было продано или заложено другому лицу. Впрочемъ закономъ 26 марта 1855 г. измѣненъ прежній порядокъ укрѣпленія имѣній, въ томъ смыслѣ, что только записка въ публичныя книги перехода недвижимаго имѣнія дѣлаетъ его дѣйствительнымъ для всего общества. Безъ нея какъ переходъ, такъ и всякое ограниченіе права собственности дѣйствуютъ только по отношенію къ лицамъ, участвующимъ въ договорѣ.

Сдѣланныя нами извлеченія изъ сочиненія г. Энгельмана, мы увѣрены, не могутъ оставить никакихъ сомнѣній на счетъ его достоинствъ. Историческое изслѣдованіе автора, проведенное имъ начиная съ древнѣйшихъ источниковъ русскаго права и до настоящаго времени, сравненіе опредѣленій нашего права исторически выразившейся въ нихъ мысли съ началами, принятыми въ постановленіяхъ другихъ европейскихъ законодательствъ, и примѣненіе къ догмѣ отечественныхъ законовъ теоріи пріобрѣтенія права собственности, выработанной западно-европейскою наукою, составляютъ содержаніе настоящей замѣчательной монографіи, и сообщаютъ выводамъ автора интересъ новости къ наукѣ русскаго права. Добросовѣстное изученіе источниковъ, съ заключающимися въ нихъ опредѣленіями, права, еще очень мало анализированными наукою, и настойчивость мысли, не ограничивающейся однимъ собираніемъ rudimenta для будущихъ изслѣдованій, но стремящейся къ послѣднимъ результатамъ, выдвигаютъ настоящій трудъ изъ ряда посредственности, сообщаютъ всему изслѣдованію органическую связь въ построеніяхъ, и отличаютъ выводы автора характеромъ практичности и зрѣлости. Съ увѣренностію можно сказать, что

трудъ этотъ своими внутренними достоинствами спасенъ отъ незавидной участи тѣхъ монографій, которыя случайно явившись въ свѣтъ, продолжаютъ свое существованіе лишь для наполненія полокъ книгохранилищъ и страницъ разныхъ библиографическихъ сборниковъ. Не будетъ, кажется, также ошибки, если мы прибавимъ, что трудъ г. Энгельмана, поставленный на твердой почвѣ историческаго изслѣдованія, дастъ направленіе послѣдующимъ трудамъ по разсматриваемому имъ предмету, и что выводы, къ которымъ пришелъ ученый авторъ, не останутся безъ авторитета въ дальнѣйшей разработкѣ Русскаго права.

Главнѣйшая заслуга и знаменательнѣйшіе выводы автора, въ которыхъ сходятся другія части изслѣдованія, какъ послышки, болѣе или менѣе трудныя къ разрѣшенію, заключаются, по нашему мнѣнію, въ примѣненіи къ русскому законодательству теоріи европейской науки имущественнаго права о приобрѣтеніи по договорамъ права собственности на землю, съ ея подраздѣленіями отношеній, возникающихъ изъ договора: на обязательныя только для участвующихъ сторонъ, и дѣйствительныя для всего общества. Важность этого шага въ нашей наукѣ будетъ понятна, если вспомнимъ, что русское законодательство шло въ своемъ развитіи своеобразнымъ путемъ, слагаясь изъ постановленій, которыми разрѣшались отдѣльные случаи, и не подчиняясь болѣе или менѣе значительному и органически полному ваіанію какихъ-либо теорій.

Совершенно убѣжденные въ томъ, что г. Энгельманъ вполне добросовѣстно воспользовался имѣвшимися у него подъ рукою матеріалами, и что результаты, къ которымъ онъ привелъ свое изслѣдованіе, представляются законченными и зрѣлыми, на сколько позволяютъ желать прежніе успѣхи исторической разработки русскаго права и новостъ точки зрѣнія автора на предметъ, — мы позволимъ себѣ высказать наши размышленія, вызванныя чтеніемъ прекрасной монографіи г. Энгельмана, и составляющія не столько указаніе на недостатки настоящаго труда,

сколько наши предположенія относительно направленія послѣдующихъ ученыхъ изслѣдованій о способахъ пріобрѣтенія права собственности на землю по русскому праву.

Каждое право имѣетъ свои матерію и форму. Возникая и развиваясь единственно изъ свободы лицъ, способныхъ пріобрѣтать права, и независимо отъ такихъ или иныхъ опредѣлений, установленныхъ положительными законами, оно въ тоже время можетъ имѣть и не имѣть тѣ второстепенныя и внѣшнія условія, которыя даютъ ему характеръ законности и обезпечиваютъ его признаніемъ и охраненіемъ со стороны общественной власти. Сообразно съ этимъ началомъ и въ системѣ нашего свода законовъ гражданскихъ во 2-й книгѣ излагаются постановленія о способахъ пріобрѣтенія правъ на имущества, какъ матеріи права, отдѣльно отъ порядка укрѣпленія этихъ правъ или актовъ.

Объемъ и цѣль настоящаго сочиненія изъ предисловія автора выражены въ слѣдующей задачѣ: «разсмотрѣть, какъ въ различныя эпохи пріобрѣталось право поземельной собственности и когда пріобрѣтеніе считалось окончательнымъ, при чемъ самое право собственности предполагается какъ нѣчто данное и опредѣленное, и потому развитіе понятія о правѣ поземельной собственности остается внѣ задачи изслѣдованія».

Понятно, что, при выполненіи этой задачи относительно древнѣйшихъ временъ русской исторіи, авторъ не могъ ограничиться разсмотрѣніемъ порядка укрѣпленія правъ на имущества, такъ какъ по словамъ его, въ соотвѣтствующемъ тѣмъ временамъ юридическомъ быту русскаго общества фактъ владѣнія признавался за основаніе пріобрѣтенія права собственности, и совершенно не было формальныхъ актовъ. Вотъ почему изслѣдованіе въ этомъ періодѣ занимается не порядкомъ укрѣпленія, а способами пріобрѣтенія права собственности. Но въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII столѣтій подлѣ проводимаго сверху принципа необходимости признанія права на зем-

лю со стороны государственной власти къ формѣ указа или предписанія, существуютъ также и владѣнія, основанныя на фактѣ. Взаимное отношеніе этихъ двухъ началъ въ сферѣ поземельнаго владѣнія авторъ прекрасно характеризуетъ понятіемъ борьбы. Но при разсмотрѣніи во второмъ періодѣ одной формальной стороны пріобрѣтенія права собственности, въ кругъ настоящаго изслѣдованія не вошли способы пріобрѣтенія права собственности на земли, которыя не справлялись въ приказахъ. Если изъ числа послѣднихъ дворы въ городахъ и могли не входить въ опредѣленный авторомъ объемъ его сочиненія, то этого, намъ кажется, нельзя сказать о тяглыхъ земляхъ.

Конечно, противъ насъ можно возражать, что тяглыя земли пріобрѣтались не на правѣ собственности, но по словамъ автора, въ то время между правомъ полной собственности и пользованіемъ не существовало рѣзкой границы. Такимъ образомъ, послѣдующимъ трудамъ, по нашему предположенію, предстоитъ изслѣдованіе способовъ пріобрѣтенія права собственности на землю внѣ порядка укрѣпленія, установленнаго судебниками и уложеніемъ, и изображеніе въ періодѣ Московскаго государства борьбы установившихся въ этой сферѣ обычаевъ съ началами, приводимыми въ дѣйствіе приказами. Изслѣдованіе этой борьбы должно заключать въ себѣ интересъ полный занимательности, въ чемъ ругаются земледѣльческій характеръ русскаго государства и колонизирующая его дѣятельность. При такомъ изслѣдованіи, мы думаемъ, не можетъ быть оставленъ безъ вниманія и захватъ, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности на землю. Если *jus primæ occupantis* въ совершенномъ намъ юридическомъ быту и не составляетъ самостоятельнаго способа пріобрѣтенія права собственности, то тѣмъ не менѣе нельзя отрицать всей важности его значенія въ прежней исторіи поземельныхъ отношеній. Обращеніе въ собственность свободныхъ земель, сопровождающееся истребленіемъ растущаго ни нихъ лѣса и завладѣніе открытыми пространствами степей встрѣчались

у насъ сплошь и рядомъ. Но фактъ владѣнія первыми и предположеніе употребленнаго на нихъ труда, по всей вѣроятности, служили большимъ основаніемъ къ приобрѣтенію права собственности, чѣмъ занятіе послѣднихъ. Быть можетъ этому условію слѣдуетъ приписать и то явленіе, что нѣкоторыя однодворческія слободы въ поморскомъ краѣ сохранили послѣ уложенія, въ видѣ исключенія, въ своемъ владѣніи поземельные участки на правѣ частной собственности. Не въ этомъ ли и причина того, что въ Вологодской и Вятской губерніяхъ есть цѣлыя деревни и починки однофамильцевъ, посящихъ одно общее прозвище ихъ предка, основателя поселенія, и что въ этихъ мѣстностяхъ не встрѣчается явленія, столь рѣшительно противорѣчащаго понятію прочности и отособленности родоваго союза, какое представляютъ въ стѣнахъ Оренбургской губерніи прииущенники башкирь-вотчинниковъ?

Оканчивая настоящимъ замѣчаніемъ нашу замѣтку о книгѣ г. Энгельмана, мы можемъ смѣло повторить, что эта книга, по серьезному взгляду автора на разсматриваемый имъ предметъ, должна занять почетное мѣсто въ нашей юридической литературѣ.

3) *Volumina Legum. Przedruk Zbioru praw, staraniem XX Pijarów w Warszawie od roku 1752 do roku 1782 wydane. Tomy 1-szy i 2-gi. Petersburg. Nakładem i drukiem Józafata Ohryzki. 1859.*

Подъ этимъ заглавіемъ вышли въ концѣ прошедшаго года два первые тома собранія древнихъ польскихъ законовъ и сеймовыхъ постановленій, издаваемаго г. Огризко. Собраніе это есть буквальное перепечатаніе собранія законовъ, изданнаго въ прошедшемъ столѣтіи въ Варшавѣ трудами ксендзовъ ордена Пиаровъ подъ названіемъ: *Volumina Legum. Leges, Statuta, Constitutiones et Privilegia Regni Poloniae, Magni Ducatus Lithuaniae, omniumque provinciarum annexarum, a comitibus Vislicca*

anno 1347 celebratis usque ad ultima regni comitia.

Къ составленію этого сборника приступилъ въ 1732 году извѣстный ученый Пиаритъ ксендзъ Станиславъ Конарскій, потомъ изданіе продолжалось до 1782 года; всего издано 8 томовъ текста, содержащаго въ себѣ всѣ почти законы, сеймовыя конституція и привилегіи съ 1347 по 1780 годъ, и два тома указателей къ нимъ, одинъ, составленный Вагою, другой Островскимъ.

Нынѣшній издатель, г. Огризко, рѣшился печатать это собраніе совершенно въ томъ же видѣ, какъ оно было издано Конарскимъ: текстъ нисколько не измѣненъ и не дополненъ, исправлены только опечатки стараго изданія; на поляхъ текста обозначена нумерація страницъ стараго изданія, для облегченія справокъ. Побудительною причиною къ новому изданію послужила рѣдкость и чрезвычайная дороговизна стараго, которое совершенно исчезло въ книжной торговлѣ, и могло быть приобретено только случайно, по цѣнѣ не менѣе 150 руб. сер. за экземпляръ. Нынѣ изданы два первые тома, изъ которыхъ первый, съ латинскимъ текстомъ, заключаетъ въ себѣ законодательные акты съ 1347 по 1550 г., а второй съ 1550 по 1609 г. Издатель обѣщаетъ кончить все изданіе въ теченіи нынѣшняго года.

Нельзя не поблагодарить издателя за эту въ высшей степени важную услугу, какую онъ дѣлаетъ всѣмъ интересующимся польскою исторіею и законодательствомъ. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о высокомъ значеніи собранія *Volumina Legum* для польской исторіи, и исторіи публичнаго и частнаго права древней Польши, Литвы и всѣхъ когда-либо соединенныхъ съ ними земель и провинцій. Никакое серьезное изученіе древняго и нынѣшняго быта этихъ странъ невозможно безъ помощи *Volumina Legum*, такъ точно какъ невозможно изученіе Россіи безъ полнаго собранія законовъ. Но *Volumina Legum* и нынѣ еще имѣютъ во многихъ случаяхъ практическое юридическое

значеніе. До сихъ поръ встрѣчаются тяжёбныя дѣла, которыхъ производство началось при прежнемъ польскомъ правительствѣ, на основаніи законовъ помѣщенныхъ въ *Volumina Legum*, или которыя опираются на документахъ, составленныхъ на основаніи этого законодательства. Многіе дворянскіе роды приобрѣли дворянское достоинство вслѣдствіе нобилитацій на сеймахъ, и конституціи такихъ сеймовъ служатъ полнымъ и часто единственнымъ доказательствомъ дворянскаго происхожденія. Многіе города и мѣстечки доказываютъ свои права городскія на основаніи привилегій, вошедшихъ въ *Volumina Legum*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ *Volumina Legum* имѣютъ значеніе непосредственнаго законодательнаго источника, и желательно, чтобы всѣ присутственныя мѣста, въ которыхъ случаются подобнаго рода дѣла, имѣли у себя этотъ сборникъ.

Но собраніе Конарскаго, хотя и представляетъ драгоценный и до сихъ поръ единственный юридическій и историческій источникъ, имѣетъ одинъ весьма важный недостатокъ—оно неполно. Такимъ образомъ въ него не вошли законодательные памятники, изданные до 1347 года. Самый важный памятникъ древняго польскаго законодательства, конституціи знаменитаго сейма Вислицкаго 1347 и 1348 годовъ, хотя и напечатанъ у Конарскаго, но безъ вариантовъ и историческихъ указаній, какія находятся въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого памятника. Тоже можно сказать и о другихъ памятникахъ XIV и XV столѣтій. Въ собраніи Конарскаго не находимъ конституцій и законовъ, изданныхъ въ двукратное царствованіе Короля Станислава Лещинскаго, такъ какъ Августы Саксонскіе, при которыхъ изданіе было печатаемо, не признавали законности этихъ царствованій. Наконецъ нѣтъ въ старомъ изданіи сеймовыхъ конституцій и законовъ, изданныхъ послѣ 1780 г., и особенно важныхъ постановленій четырехъ-лѣтняго сейма съ 1788 по 1791 г.

Поэтому весьма желательно, чтобы г. Огриско, предпринявъ столь огромный и полезный трудъ, пополнилъ изданіе

Конарскаго, и въ особенныхъ, добавочныхъ томахъ нанечатавъ всѣ тѣ законодательные памятники Польши, изданные до послѣдняго раздѣла въ 1795 году, которые почему либо не вошли въ *Volamina Legum*. Это не трудно будетъ ему сдѣлать потому, что въ императорской публичной библиотекѣ имѣются драгоценныя печатныя и рукописныя источники, до Польши относящіяся, какихъ можетъ быть въ настоящее время уже нѣтъ болѣе нигдѣ. Мы увѣрены, что просвѣщенное начальство нашей библиотeki окажетъ всевозможное содѣйствіе такому полезному предпріятію.

Новое изданіе во всѣхъ отношеніяхъ превосходно: опечатокъ весьма немного, бумага отличная, шрифтъ убористый, по четкій и весьма красивый. При всемъ томъ цѣна баснословно дешевая,—за всѣ 10 томовъ большаго формата въ два столбца 20 руб. сер.

Не можемъ не пожелать полнаго успѣха этому полезному изданію.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I. Часть официальная.

Стр.

Книжка первая (Январь 1860 г.).

Отдѣлъ I. Высочайшія повелѣнія. 5.

- I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ теченіе августа 1859 года.
- II. Высочайшіе Именные Указы, данныя Правительствующему Сенату.
- III. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по гражданскому дѣлу.
- IV. Высочайшее повелѣніе, предложенное Правительствующему Сенату къ исполненію.

Отдѣлъ II. Личный составъ. 23.

- I. Высочайшія награды по вѣдомству Министерства Юстиціи.—
- II. Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

Книжка вторая (Февраль).

Отдѣлъ I. Высочайшія повелѣнія. 5.

- I. Высочайшій Именный Указъ, данный Правительствующему Сенату въ сентябрѣ 1859 г.
- II. Высочайше утвержденное положеніе комитета гг. Министровъ, предложенное Правительствующему Сенату, въ декабрѣ 1859 г.
- III. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по межевому дѣлу.

Отдѣлъ II. 17.

Записка о состояніи Московскаго архива Министерства Юстиціи.

Отдѣль III. Личный составъ. 61.

- I. Высочайшія награды по вѣдомству Министерства Юстиціи.—
- II. Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

Книжка третія (Мартъ).

Отдѣль I. Высочайшія повелѣнія. 5.

- I. Постановленіе по судебной части, обнародованное въ теченіе января 1860 г.
- II. Высочайшіе Именные Указы, данныя Правительствующему Сенату.
- III. Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта.
 - A., По дѣламъ гражданскимъ.
 - B., По дѣлу административному.

Отдѣль II. Личный составъ 27.

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

III. Часть неофициальная.

Книжка первая (Январь).

- Отдѣль I. О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по уложенію о наказаніяхъ 1845 г. *Спасовича*. 3.
Владѣніе, какъ условіе перехода права собственности по русскому праву. - *А. Пестржецаго*. 45.

Отдѣль II. Судебная практика.

A. РУССКАЯ.

Изложеніе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ коихъ разрѣшаемы были вопросы:

- I. О недействительности безденежныхъ заемныхъ писемъ . . . 73.

- II. Объ ответственности по векселямъ поручителей неторго-
ваго званія 83.
- III. О силѣ заемныхъ обязательствъ, выданныхъ должникомъ
во время несовершеннолѣтія и въ послѣдствіи имъ созна-
ныхъ по достиженіи совершеннолѣтія 87.
- IV. О дѣйствительности выполненной очистительной присяги,
когда самый приговоръ, которымъ присяга эта назначена
будетъ признанъ неправильнымъ 91.
- V. О подсудимости страховыхъ отъ огня обществъ 93.
- VI. О суммѣ иска, допускающей переходъ въ апелляціонномъ
порядкѣ дѣлъ изъ 1 во 2 степень суда 102.

В. Иностранная.

- Окончаніе процесса по обвиненію Куртильяка въ покушеніи
на убійство полицейскаго чиновника Превѣ 108.
- Процессъ Леоніи Шеро М.З. 110.

Отдѣлъ III. Библиографія.

- Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣ-
ній, относящихся до Россіи, кн. 3 и прил. къ
ней, изд. *Калачева* . . . *Рец. Д. М.* 147.

Книжка вторая (Февраль).

- Отдѣлъ I. Объ апелляціи въ области уголовного суда.
С. И. Баршева. 3.

Отдѣлъ II. Судебная практика. **А. Русская.**

- Изложеніе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ коихъ
разрѣшаемы были вопросы:
- I. Объ условіяхъ взятія завѣщаннаго имѣнія въ опеку по
случаю спора о свойствѣ сего имѣнія 33.
- II. О порядкѣ примѣненія сроковъ десятидневнаго и десяти-
лѣтняго къ жалобамъ на завладѣніе 40.
- III. О порядкѣ ответственности векселедателей и бланконади-
сателей по простымъ векселямъ 47.
- IV. О недѣйствительности продажи имѣнія, совершенной послѣ
открытія злоупотребленій или неправильныхъ дѣйствій
владѣльца, могущихъ подвергнуть его денежному взы-
сканію 54.

- V. О случаях вторичной явки крѣпостныхъ духовныхъ завѣщаній 58.
- VI. Объ обязанности гражданскихъ палатъ свидѣтельствовать такія духовныя завѣщанія, съ которыхъ не приложено при прошеніи копій 61.
- VII. О формальности духовнаго завѣщанія, засвидѣствованнаго двумя простыми свидѣтелями, но переписаннаго духовнымъ отцомъ завѣщателя 65.

В. Иностранная.

- I. Процессъ по обвиненію купца Шаля въ убійствѣ Готлиба Эбермана 68.
- II. Процессъ доктора Чернаго, обвиненнаго въ противузаконономъ употребленіи медицинскихъ средствъ 87.

Отдѣлъ III.

- О вызовѣ въ судъ по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія 1649 г. *И. Д. Бьялева.* 97.

Книжка третія (Мартъ).

- Отдѣлъ I. О владѣніи, какъ условіи перехода права собственности по русскому праву. (*Окончаніе*)
А. Пестржецаго 3.
- О современномъ состояніи межеванія земель въ Россіи *И. Б.* 55.

Отдѣлъ II. Судебная практика.

- Изложеніе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ которыхъ разрѣшаемы были вопросы:
- I. О недѣйствительности духовныхъ завѣщаній, на коихъ вмѣсто подписи завѣщателя сдѣланъ крестъ или иной какой либо знакъ 65.
- II. О порядкѣ ответственности членовъ конкурснаго управленія въ случаѣ растраты конкурснаго имущества. 70.
- III. О правѣ дѣлать завѣщательныя распоряженія объ имуществѣ, не находящемся еще въ дѣйствительномъ владѣніи завѣщателя, но принадлежащемъ ему по долговымъ и инымъ актамъ 76.

IV. О случаях уничтоженія публичной продажи имуществъ	82.
V. Объ обязанностяхъ судебныхъ мѣстъ въ случаѣ поступленія въ оныя извѣтовъ о подложности духовныхъ завѣщаній	89.
VI. О возстановленіи тяжущимся права апелляціи въ случаѣ допущенія судебными мѣстами отступленія отъ закона при вызовѣ къ выслушанію рѣшенія	93.
VII. О непризнаніи болѣзни тяжущагося такимъ обстоятельствомъ, которое могло бы служить основаніемъ къ возстановленію ему права апелляціи	99.
VIII. О пространствѣ права черносошныхъ крестьянъ на состоящія въ ихъ владѣніи земли	104.
IX. О дѣйствительности духовныхъ завѣщаній, подписанныхъ духовнымъ отцомъ завѣщателя въ качествѣ рукоприкладчика и свидѣтеля	111.
X. О наслѣдованіи женщинъ въ боковыхъ линіяхъ	113.

Отдѣлъ III. Библиографія.

I. Обзоръііе русской журналистики за 1859 г.	125.
II. Обзоръііе книгъ юридическаго содержанія за вторую половину 1839 г.	150.

С 176 Г 7

000187531

Отдѣль II. Судебная практика.

Изложеніе рѣшеній погражданскимъ дѣламъ, въ которыхъ разрѣшаемы были вопросы.

I. О недействительности духовныхъ завѣщаній, на коихъ вмѣсто подписи завѣщателя сдѣланъ крестъ или иной какой либо знакъ.	65.
II. О порядкѣ ответственности членовъ конкурснаго управленія въ случаѣ растраты конкурснаго имущества.	70.
III. О правѣ дѣлать завѣщательныя распоряженія объ имуществѣ, не находящемся еще въ дѣйствительномъ владѣніи завѣщателя, но принадлежащемъ ему по долговымъ и инымъ актамъ.	76.
IV. О случаяхъ уничтоженія публичной продажи имущества.	82.
V. Объ обязанностяхъ судебныхъ мѣстъ въ случаѣ поступленія въ оныя извѣтовъ о подложности духовныхъ завѣщаній.	89.
VI. О восстановленіи тяжущимся права апелляціи въ случаѣ допущенія судебными мѣстами отступленія отъ закона при вызовѣ къ выслушанію рѣшенія.	93.
VII. О непризнавіи болѣзни тяжущагося такимъ обстоятельствомъ, которое могло бы служить основаніемъ къ восстановленію ему права апелляціи.	99.
VIII. О пространствѣ права черносомныхъ крестьянъ на состоянія въ ихъ владѣніи земли.	104.
IX. О действительности духовныхъ завѣщаній, подписанныхъ духовнымъ отцомъ завѣщателя въ качествѣ рукоприкладчика и свидѣтеля.	111.
X. О наследованіи женщинъ въ боковыхъ линіяхъ.	113.

Отдѣль III. Библиографія.

I. Обзорніе русской журналистики за 1859-й годъ.	125.
II. Обзорніе книгъ юридическаго содержанія за вторую половину 1859-го года.	150.

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: 1) за годовое изданіе съ января 1860 по январь 1861 года составляетъ, безъ пересылки и доставки, *шесть* руб. сер., а съ пересылкою и доставкою на домъ *семь* руб. *пятьдесятъ* копѣекъ сер., 2) за полугодовое изданіе съ іюля 1860 по январь 1861 года (для лицъ, подписавшихся прежде на годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года,) *три* руб. сер. безъ доставки, съ доставкою же *три* руб. *семьдесятъ* *пять* коп. сер.

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммисіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнава.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое-либо свѣдѣніе благоволятъ обращаться въ Редакцію *Журнала Министерства Юстиціи*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 1 марта 1860 года:

Цензоръ *Обертъ*.